52.3(2Алт)
С-900

С. С. СУРАЗАКОВ

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ О БОГАТЫРЕ АЛТАЙ-БУУЧАЕ

ГОРНО-АЛТАЙСК * 1961

181602

XII-90

С (алт) 2
С 90.

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

С. СУРАЗАКОВ

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ О БОГАТЫРЕ АЛТАЙ-БУУЧАЕ

1 - 181602 - 1
0

ПРОВЕРЕНО.
Выпуск в свет разрешается.
Редактор издания С. Суразаков
(Подпись)
Директор издательства (или)
Главный Редактор Адарин
(Подпись)
„18" сентября 1961 г.

Горно-Алт. областная
БИБЛИОТЕКА.

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

I. „АЛТАЙ—БУУЧАЙ“, КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА АЛТАЙСКОГО НАРОДА

I. О БЫТОВАНИИ ЭПОСА „АЛТАЙ-БУУЧАЙ“, ЕГО СОБИРАНИИ И ПУБЛИКАЦИИ

Героическое сказание „Алтай-Буучай“ бытует почти у всех племен Горного Алтая и является одним из любимых и постоянно исполняемых произведений алтайских сказителей.

Впервые сюжет этого сказания в начале 80-х годов прошлого столетия кратко записал известный сибирский краевед Н. М. Ядринцев. Текст записи, произведенной на русском языке с помощью переводчика, он передал Г. Н. Потанину, который опубликовал его в своей книге „Очерки северо-западной Монголии“[1]. В конце текста указано, что записано „у черневых турков“, как тогда называли северные племена Алтая, но точной паспортизации нет. Н. М. Ядринцев по ошибке кличку богатырского коня перенес на самого богатыря и назвал сказание по его имени—„Демчи-Ерень“. Но уже сам Г. Н. Потанин через несколько лет указал, что это сюжет сказания о богатыре Алтай-Буучае[2]. Запись Ядринцева представляет краткое изложение сюжета сказания. Она не дает представления о стиле эпоса, но ход действия и важнейшие эпизоды его в основном сходны с сюжетами последующих записей вариантов этого сказания (хотя, сюжет местами изложен несколько сбивчиво).

---

[1] *Г. Н. Потанин.* Очерки северо-западной Монголии, ч. IV, СПб., 1883, стр. 369—371, сказка „Демчи-Ерень“.

[2] *Г. Н Потанин.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. Живая старина, вып. 2—3 за 1916, Петроград, 1917. В примечаниях к варианту „Алтай-Буучая“, опубликованному в этом журнале, он пишет: „у Ядринцева герой вместо Алтай-Буучи назван Демчи-Ерень, т. е. у черневых турков на героя перенесено кличка коня“, стр. 186.

В 1896 году близ села Кош-Агача (в южной части Алтая) большой отрывок данного сказания во время командировки на Алтай записал студент Петербургского университета А. Калачев, который опубликовал его после возвращения в Петербург в этнографическом журнале „Живая старина", под названием „Былина об Алтай-Бучае"[1]. Он записал его от сказителя-теленгета также с помощью переводчика. Обстоятельства, при которых была произведена запись, им описаны так: „Я был в гостях у помощника зайсана, богатого теленгета, имеющего более двухсот лошадей и более тысячи баранов. Я, на положении почетного гостя из Петербурга, сидел в левом углу от входа богато убранной коврами и сундуками юрты, рядом со многими почетными гостями... После пира вызвали, подталкивая кулаками, работника, робкую невзрачную фигуру, который оказался настоящим поэтом. Его заставили сесть, выпить чашку араку и дали в руки двухструнную балалайку. Первые звуки были робки, неуверены: слышались только гласные а, у, ы, но вот он сразу воодушевился, сбросил с себя шапку, которая почти вся закрывала его лицо, и запел. Он пел низкой октавой, мерным темпом, то усиливая голос, то затихая до выразительного шепота. С трудом останавливал его мой переводчик после каждого куплета, чтобы записать пропетое. Перерыв, видимо, угнетал его. В эти минуты он сильно дышал и почти дрожал от волнения. Нервы его напрягались все более и более. Через три часа после начала песни он сильно устал и стал часто подкрепляться араком. Вся песнь без отдыха пелась 4 часа с минутами, но в первый день все-таки не была кончена. Эта была былина об Алтай-Бучае, богатая чисто эпическими красотами"[2].

А. Калачеву, по-видимому, не удалось записать сказание до конца, ибо его перевод стихов прервался посредине сказания и далее идет краткий прозаический пересказ. Перевод Калачева, сделанный в очень трудных условиях, без заранее зафиксированного текста оригинала, с уст второго лица—переводчика, изобилует словами и выражениями, отклоняющимися от оригинала (в них много речевых оборотов, не характерных для алтайского эпоса), однако его текст, особенно в первой части, довольно подробно передает эпизоды, эпические описания, сохраняет имена всех персонажей и многие образные выражения. Вариант, записанный А. Калачевым, по своему сюжету стройный и полный. В нем представлены почти все важнейшие эпизоды и мотивы, составляющие содержание данного эпоса.

---

[1] *А. Калачев.* Былина об Алтай-Бучае, Живая старина, вып. 3—4, 1896, стр. 492—499.

[2] *А. Калачев.* Поездка к теленгетам на Алтай, Живая старина, вып. 3—4, 1896, стр. 482—483.

Запись Калачева ценна и тем, что она сделана от чуйских теленгетов, где это сказание, как рассказывают нынешние старики-теленгеты, было распространено больше всех других.

Дальше хронологически следуют записи и публикации, организованные Г. Н. Потаниным.

В 1914 году грамотный алтаец Н. Я. Никифоров по просьбе Потанина, гостившего в то время у алтайского художника Г. И. Гуркина в селе Анос, записал от сказителя Чолтыша Куранакова вариант „Алтай-Буучая", бытовавший у алтайцев, живущих по Катуни, т. е. почти в центре Горного Алтая. Потанин опубликовал его в книге алтайских героических сказаний „Аносский сборник"[1]. Чолтыш Куранаков жил в то время в селе Аскат. Он славился по долине Катуни как мастер-исполнитель героического эпоса. В „Аносском сборнике", кроме „Алтай-Буучая", опубликованы его сказания: „Аин Шаин Шикширге", „Маадай-Кара", „Кан-Таджи" и „Хан Мерген"[2].

Этот вариант „Алтай-Буучая", хотя и записан в местности, находящейся от Кош-Агача почти в четырехстах километрах, по общей сюжетной линии, а также по отдельным эпизодам и мотивам весьма близок к варианту, записанному А. Калачевым. Они переданы Куранаковым лишь иными, чем у теленгетского сказителя, словами и оборотами.

Куранаковский вариант значительно полнее. В нём каждый эпизод мотивирован, отчего композиция сказания выглядит более стройной. В заслугу Никифорова, хорошо владевшего алтайским языком, и Потанина, сделавшего с его помощью русский перевод, может быть поставлено и то, что они не допускали вольности, всячески стремились приблизить перевод к тексту оригинала. Хотя алтайский оригинал этого варианта до сих пор и не найден, но сказанное, кроме свидетельства самого Г. Н. Потанина, косвенно подтверждается сравнением их перевода с текстами позднейших записей.

Два года спустя Г. Н. Потанин это же сказание слышал от крещеного алтайца (имя его неизвестно) в селе Онгудай, который пересказал ему его содержание на русском языке[3]. Рассказчик не передал все подробности и детали сказания и рассказал лишь его основные эпизоды, но по ним всё же можно судить о характере онгудайских вариантов эпоса, очень своеобразных и оригинальных. Этот вариант Г. Н. Потанина, хотя и страдает конспективностью и отрывочностью, не может быть не учтен при изучении эпоса „Алтай-Буучай, поскольку

---

[1] *Н. Я. Никифоров*, Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина. Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества, том 37, Омск, 1915, стр. 2—30.

[2] К сожалению, ни творческие и ни биографические сведения о Чолтыше Куранакове фольклористами Горного Алтая еще не собраны.

[3] *Г. Н. Потанин*, Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, Живая старина, вып. 2—3, 1916, № 59, Алтай-Бучи, стр. 180—187.

представляет вариант иного, чем предыдущие, географического района алтайцев.

Из дореволюционных записей вариантов сказания „Алтай-Буучай“ нужно отметить еще запись от телеутского сказителя Чымыя Алагызова, произведенную Г. М. Токмашовым в 1913 году в селе Чолухой нынешнего Беловского района Кемеровской области и опубликованную Г. Н. Потаниным под названием „Сказка об Алтай-Куучуны“ в „Трудах Томского общества изучения Сибири“ в 1915 году[1]. Этот вариант, записанный от представителя племени телеутов, живущих оторванно (более, чем в трехстах километрах от северных границ племен Горного Алтая), представляет большой интерес. Он мало отличается своим сюжетом, именами персонажей, трактовками образов и даже некоторыми поэтическими формулами от вариантов южного Алтая.

В нем рассказ о событиях, случившихся с Алтай-Куучуном (так называют имя главного богатыря телеуты), и об его подвигах особенно близок к варианту, записанному А. Калачевым от теленгетов. Различия, помимо речевых оборотов, встречаются лишь в своеобразии изложения отдельных сцен и эпизодов.

Чымый Алагызов был один из самых знаменитых сказителей среди телеутов, имя которого до сих пор хорошо помнят. Поэтому алагызовский вариант можно считать характерным для телеутов.

Таким образом, еще до революции героическое сказание „Алтай-Буучай“ в различных вариантах издавалось пять раз. Но все они вышли только на русском языке, без алтайских оригиналов, собственные записи Ядринцева, Калачева и Потанина произведены конспективно. Они записывались, как указывалось, с помощью переводчиков сразу по-русски, при этом допускались значительные вольности, отдаляющие переводы от их подлинников. Записи Никифорова и Токмашева хотя и были сделаны сначала на алтайском языке, а затем переведены на русский, но их оригиналы, к сожалению, не были опубликованы и до сих пор не найдены. Это обстоятельство, несомненно, снижает научную ценность дореволюционных публикаций.

Значительным недостатком дореволюционных записей и публикаций является также отсутствие сведений о самих сказителях, исполнивших это произведение, сведений об его бытовании, недостаточность или отсутствие примечаний и комментариев к текстам, к отдельным словам и выражениям, которые могли бы быть составлены при помощи сказителей. Собира-

---

[1] Телеутские материалы (собраны Г. М. Токмашовым). Сказка об Алтай-Куучуны. Труды Томского общества изучения Сибири, том. III. выпуск 1, Томск, 1915, стр. 62—81.

тели, ограничиваясь только записыванием текста сказания, не пытались научно осмыслить его и высказать свои суждения. Тем не менее, варианты „Алтай-Буучая", собранные и опубликованные дореволюционными фольклористами, представляют исключительный интерес. Первые записи „Алтай-Буучая", сделанные до революции, донесли до нас такие детали эпоса, которые в устах современных нам сказителей не могли не подвергнуться каким-то изменениям и переосмыслениям. Ценность дореволюционных вариантов усиливается и тем, что они произведены в разных концах Алтая и у различных алтайских племен: теленгетов, алтайцев и телеутов.

В советский период впервые было осуществлено издание на алтайском языке героического сказания „Алтай-Буучай". Это—вариант жившего в долине реки Сары-Кокши, в местности Сыгын-Туу, алтайского сказителя-орденоносца Н. У. Улагашева (1867—1946)[1] из племени туба, записанный студенткой педагогического техникума А. Роголевой в 1940 году. В литературной редакции П. Кучияка, переведшего диалектизмы туба на литературный язык, это сказание опубликовано в сборнике Улагашева „Чӧрчӧктӧр"[2] и в поэтическом переводе на русский язык А. Смердова—в сборнике „Алтай-Бучай"[3].

Улагашев принадлежал к старшему поколению кайчи[4] советского времени. Он был учеником известного в свое время сказителя Кабака Тадыжекова из села Салганда. В его богатый репертуар входили не только тадыжековские сказания, но и те, которые он слышал от других хранителей и исполнителей эпоса. Как сообщает известный исследователь алтайского фольклора А. Л. Коптелов „Н. У. Улагашев слышал поэму лет сорок тому назад (т. е. примерно в 1900 г.—С. С.) от сказителя Чамчия, который приезжал из-за реки Катуни"[5].

Отличительной чертой варианта Н. Улагашева является значительная социальная заостренность его содержания, в чем, несомненно, сказалось влияние советского времени на этого сказителя. В исполнении эпоса он всегда стремился выпукло показывать социальные противоречия и конфликты, остро высмеивал богачей и грабителей.

Однако подлинник записи улагашёвского варианта утерян. В связи с этим обстоятельством, а также желая продолжить сбор вариантов эпоса „Алтай-Буучай", автор данной работы по

---

[1] Биографию Н. У. Улагашева см. А. Л. Коптелов. Н. У. Улагашев и ойротский народный эпос, в книге „Алтай-Буучай", Новосибирск, 1941.

[2] *Н Улагашев.* Чӧрчӧктӧр, Ойрот-Тура, 1941.

[3] *Н. Улагашев.* Алтай-Бучай, Ойротский народный эпос, под редакцией А. Коптелова, Новосибирск, 1941, стр. 51—78.

[4] Кайчи—сказитель героического эпоса, исполняющий особым горловым пением, называемым „кай", под аккомпанемент двухструнного щипкового инструмента—топшуура.

[5] Сборник „Алтай-Бучай", Примечания, стр. 369.

заданию Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы произвел изустные записи на магнитофоне от других сказителей, исполняющих его. Таковы записи, сделанные от сказителей А. Г. Калкина, Ч. Бутуева, Е. К. Таштамышевой и публикуемые в этой книге[1].

Алексей Григорьевич Калкин, от которого записан один из лучших вариантов „Алтай-Буучая", родился в 1927 году в селе Саратан Улаганского аймака в семье скотовода-крестьянина. Его отец, Григорий Иванович Калкин, известный в долине реки Башкаус сказитель-кайчи. Им исполнялись героические сказания „Маадай-Кара", „Очы-Бала", „Алтай-Буучай", „Кара-Таајы кыс" и другие. До войны он считался мастером горлового пения, умел красочно и подробно рассказывать подвиги богатырей. Во время Великой Отечественной войны он участвовал в боях, был контужен, потерял зрение и слух, вследствие чего теперь перестал исполнять эпос.

Его сын Алексей с детства любил слушать отцовское исполнение. Он запоминал яркие поэтические обороты речи, подвиги богатырей, а затем рассказывал сверстникам. В 1939 году его, больного, привезли в Горно-Алтайск, в областную больницу, где в то время находился на лечении сказитель Н. У. Улагашев. Двенадцатилетний Алексей рассказывал собиравшимся вокруг него детям и взрослым сказки и даже крупные эпические произведения. Улагашев, услышав его исполнение, похвалил его способности и великолепную память, посоветовал научиться петь сказания каем. Затем Улагашев сам рассказал сказку. Эта встреча со знаменитым сказителем запомнилась мальчику на всю жизнь. Алексей, после возвращения домой, стал, подражая отцу, петь каем и играть на топшууре. Учеба длилась в течение нескольких лет, и к 16—17 годам он уже стал выступать с горловым пением. Его голос, обычно высокий и звонкий, при исполнении эпоса каем стал звучать басисто, звуки стали выходить как будто „из чрева". Зная, что Алексей—сын известного кайчи и по наследству перенял искусство горлового пения и исполнения эпоса от отца, его стали приглашать в соседние и даже в отдаленные села.

В 1947 году в день двадцатипятилетия Горно-Алтайской автономной области в г. Горно-Алтайске было организовано областное состязание лучших сказителей, на которое приехал и А. Калкин. Молодой двадцатилетний сказитель стал общепризнанным победителем состязания. Эту победу он одержал благодаря искусству традиционного исполнения кая, идущего из глубокой старины и наиболее любимого народом до сих пор. В этом же году он поехал в Москву на Всесоюзный смотр художественной самодеятельности. Центральный Дом народного

---

[1] Рукописи записей хранятся в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

творчества им. Н. К. Крупской организовал от него запись сказания „Маадай-Кара“[1]. После возвращения его из Москвы терминологическая комиссия при Горно-Алтайском облисполкоме организовала запись ряда его героических сказаний (записи П. Чакыровой). Кроме того, его сказания записывали С. Суразаков, поэты Л. Кокышев, А. Адаров и другие[2].

А. Калкин не только хранитель традиционного фольклора (кроме героического эпоса, он знает сказки, песни). Он слагает новые сказки и стихи. В Горно-Алтайском областном и краевом альманахах и газетах публиковались его стихотворения „Бригадир“, „Москва“, „Пастух“ и другие.

Сказание „Алтай-Буучай“ записано от него мною в 1958 году на магнитофонную ленту. Он исполнил его каем под аккомпанимент топшуура. При перенесении текста сказания с магнитофонной ленты на бумагу сказитель присутствовал сам и помогал точнее записывать текст. Кроме того, он дал объяснение тех слов (особенно теленгетских диалектизмов и архаизмов), которые не были понятны записывающему.

Героическое сказание „Алтай-Буучай“ А. Калкин перенял от своего отца. Оно до сих пор распространено в Улаганском аймаке Горно-Алтайской области, и его, кроме Калкина, исполняют ныне пожилые улаганские сказители Юлуков Григорий (село Чибиля), Конышев Егор, Санин Моисей (село Кара-Кудюр) и другие[3]. В прошлом, как рассказывают старики-теленгеты, он был у них самым популярным и любимым сказанием.

Улаганские сказители исполняют эпос преимущественно горловым пением—каем, с подробными эпическими описаниями, замедленным развертываением действия, сохранением всех поэтических деталей и повторов. Это видно и из нашей записи „Алтай-Буучая“ от А. Калкина. Вариант А. Калкина, полученный из района, откуда это сказание прежде не записывалось, не только расширил наши представления о границах его распространения, но и значительно пополнил новыми данными, необходимыми для изучения его содержания.

В 1958 г. в селе Черный Ануй нынешнего Усть-Канского аймака у представителя племени алтай-кижи, Чопоя Бутуева (род. в 1902 г.), мною был записан новый интересный вариант „Алтай-Буучая“. В этом районе „Алтай-Буучай“ прежде также

---

[1] В Центральный Дом народного творчества передан подстрочный перевод этого сказания, сделанный С. С. Суразаковым. На алтайском языке оно полностью издано отдельной книгой в 1957 году Горно-Алтайским книжным издательством.

[2] Все эти записи (более 10 сказаний) хранятся в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

[3] Запись „Алтай-Буучая“ от этих сказителей, кроме Г. С. Юлукова, не производилась. О записи от Г. С. Юлукова С. С. Каташем см. дальше.

никем не записывался. По сообщению Ч. Бутуева, его в старину исполняли многие сказители, в том числе прославленный в этих местах сказитель Дьелей, про которого говорят, что он знал „семьдесят семь“ сказаний. Сам же Ч. Бутуев с молодых лет неоднократно слышал исполнение этого сказания местными сказителями Тыкыком (умер в 1948 г., прожив около ста лет) и Сюри Мурсуковым (умер в 1954 году), а также от исполнителей, приезжавших к ним издалека. Ч. Бутуев ныне знатный чабан колхоза. Он активный участник художественной самодеятельности, неоднократно выступал с исполнением различных сказаний на районном и областном смотрах и по областному радиовещанию. Эпические произведения он постоянно исполняет каем, проявляя при этом исключительное мастерство. Большой знаток и хранитель старинных легенд. преданий и эпоса, хороший рассказчик и исполнитель, он всегда стремится передать слышанное так, как прежде рассказывали. Сказание „Алтай-Буучай“ он исполняет со слов своего учителя Тыкыка, хотя, как он сообщил, другие приезжие исполнители, которых ему приходилось слышать, рассказывали иначе. Вариант, записанный от Бутуева, во многом отличается от прежних. Это прежде всего касается всей системы поэтических оборотов речи и образов, а также некоторых эпизодов и сцен.

Третья запись произведена от Евдокии Константиновны Таштамышевой (девичья фамилия: Оськина). Она родилась в 1878 году в селе Карасук нынешнего Майминского аймака, принадлежит к роду ярык из племени туба. Евдокия (до крещения: Балака) семи лет осталась сиротой и воспитывалась у дяди. В Карасуке жил известный сказитель Сары-Уул, про которого рассказывают, что он объездил всех прославленных сказителей северной части Алтая, в том числе телеутских, чтобы послушать их сказания. Сары-Уул знал много сказаний, которые исполнялись им с большим мастерством. Он обладал необыкновенным голосом; его считали „ээлу кайчи“, т. е. сказителем, который поет не сам, а поет дух, сидящий в нем. Таштамышева рассказывает, что во время исполнения Сары-Уула люди, слушая его, плакали. А это у алтайцев считается как бы высшей оценкой сказителю. Сары-Уул имел своих учеников, среди которых особенно выделялся Кабак Тадыжеков из рода комдош. По рассказу Таштамышевой, ее дядя Шююнек любил устраивать состязание Сары-Уула и Кабака в исполнении эпоса, при этом обычно верх брал Сары-Уул.

Е. Таштамышева много раз слушала Сары-Уула. Ей особенно нравилось его сказание „Кан-Тайчи и Ак-Тайчи“. Но чаще ей приходилось слушать Кабака Тадыжекова, который после смерти Сары-Уула стал очень популярным сказителем. Его часто возили в другие села. У него было много учеников, в том числе и Н. У. Улагашев.

Кабак после смерти жены жил вдовцом. Поэтому, как рассказывает Таштамышева, девушки мыли пол в его домике, стоявшем на окраине села, стирали и шили ему. За это Кабак исполнял им сказания, делал тепши (деревянная посуда для мяса), домашние предметы из жести. Кабак был высокого роста, крепко сложенный, добрый и тихий человек. В обычной жизни он не был словоохотливым и красноречивым человеком („эрвек таап болбос", т. е. не находил что сказать), но когда в руки брал топшуур, он вдруг преображался, становился красноречивым, слова лились у него сами собой. Его кай был сильным, далеко слышным, на топшууре он мог подражать топоту коня, звону мечей, кукованию кукушки и т. д. Достоинством его исполнения считалось то, что во время кая он четко и внятно выговаривал все слова, его кай не заглушал рассказ.

Кабак Тадыжеков пользовался в народе большим почетом и уважением. Когда он умер (примерно в 1909 году, около 60 лет от роду), его похоронили все жители села Салганды.

Е. К. Таштамышева оказалась восприимчивой ученицей Кабака. Кабак всегда выделял и хвалил ее. „Некоторые люди—говорит она,—что прослушают тут же забывают, а я запоминала слово в слово. Мы Кабака всегда посещали втроем, три подруги. Любили слушать его исполнение. За это он хвалил нас". Таштамышева любила не только слушать, но и рассказывать. Страсть к рассказыванию она с молодых лет сохранила до самой старости. Воспитывая своих четырех детей, она им постоянно исполняла героические сказания, рассказывала сказки, легенды, предания, различные были, пела песни. Несмотря на то, что ей сейчас уже 82 года, она очень бодрая, разговорчивая, хорошо помнит все, что раньше слышала и видела.

В репертуаре Е. К. Таштамышевой много героических сказаний: „Алтын-Бизе", „Апанаскай", „Кан-Алтын", „Шайын-Шара", „Алтай-Буучай" и другие. Сказание „Алтай-Буучай" она слышала от Кабака Тадыжекова, когда ей было примерно лет тридцать. Кабак говорил, что это сказание пришло к ним от телеутов. А однажды он сказал ей: „Кандый ла чӧрчӧк байат—сана јеринен келген, топшуур, конгыс анаң ок" („Всякое сказание пришло от баятов—сана, топшуур и комус оттуда же").

Это произведение было в ее репертуаре в числе тех, которые она постоянно рассказывала. Но, как призналась сама сказительница, она рассказывает его очень кратко, намного короче, чем Тадыжеков, без тех многочисленных эпических описаний, на которые был способен этот кайчи.

Кроме произведения записей на магнитофоне, автором данной работы под диктовку записан (в 1958 г.) текст еще одного варианта „Алтай-Буучая" от сказительницы—туба из села

Кузя Натальи Павловны Черноевой[1] (род. в 1925 г.). Дед Н. П. Черноевой, по имени Кабака (ум. в 1937 году, 96 лет от роду), был известным сказителем-кайчи в районе сел Кузя, Никольское, Кайачак, Сӱри, Чолушкара, Ынырга нынешнего Майминского аймака. Черноева с малых лет слушала сказания своего деда, но рассказывать начала с 13 лет. Ее после смерти деда часто приглашали в гости, чтобы послушать сказания Кабаки. В 1944 году она встретилась с Улагашевым и рассказала ему сказание „Алтын-Бизе". Улагашев ее похвалил. „Когда я умру—сказал он,—вместо меня будешь рассказывать сказания". В репертуаре Н. П. Черноевой десять сказаний, в том числе и „Алтай-Буучай", усвоенное ею от деда. Ее вариант близок к вариантам Таштамышевой и Улагашева, хотя в нем имеются очень интересные новые эпизоды и сцены. Однако, текст варианта Черноевой поэтически слабее, чем у Таштамышевой, почему мы и предпочли опубликовать вариант последней.

Кроме этих полных записей вариантов „Алтай-Буучая", в течение 1956—1959 годов во время разъездов по разным районам Алтая мне удалось послушать исполнение этого эпоса в ряде других мест и записать отрывки или краткое его содержание, а также некоторые сведения о бытовании эпоса.

В 1956 году во время поездки в составе научной экспедиции в Улаганский аймак в Чолушманской долине (село Балыкча) это сказание исполнил мне Тантыев Бекий (ему было тогда 55 лет).[2] Он сообщил также, что в старину чолушманские сказители, в том числе его отец Баслей, исполняли „Алтай-Буучай" в течение 5—6 ночей[3].

В период экспедиции 1959 года в Кош-Агачский аймак конспективная запись другого варианта этого сказания произведена мною в верховьях реки Кокоря у представителя чуйских теленгетов от старика-чабана К. Сонукова (родился в 1887 году.)[4].

Кроме того, во время научных и других служебных командировок мне не раз приходилось слышать его исполнение другими сказителями. В долине реки Чарыша (село Мендюр-Соккон, Усть-Канский аймак) это сказание исполнил сказитель-алтаец Чагыш Бапин (70 лет)[5]. Из кумандинских сказителей „Алтай-Буучая"

---

[1] Рукопись хранитса в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

[2] Краткая запись этого исполнения хранится в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, в папке „Материалы научной экспедиции 1956 г."

[3] Исполнение эпоса в старину проводилось ночами, днем сказитель отдыхал, а его слушатели занимались своими делами.

[4] Запись хранится там же, в папке „Материалы научной экспедиции 1959 г."

[5] Конспективная запись хранится в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института ИЯЛ.

хорошо рассказал старик Очубай Алексеев (село Нарлык, Старо-Бардинский район)[1], к которому в 1957 году была мной совершена специальная поездка.

Некоторые сведения об этом эпосе дали также чумышские и карабинские телеуты нынешнего Сорокинского и Кытмановского районов Алтайского края. Правда, у них ныне не нашлись исполнители „Алтай-Буучая“, но старики говорят, что он прежде широко бытовал среди телеутов. Его, как нам сообщили, рассказывали знаменитый в своё время слепой сказитель Чаштанов Еречеп, Бедреев Шанпар и др. У телеутов Беловского района Кемеровской области (куда автор совершил поездку в 1957 году) эпос также широко бытовал, но под названием „Алтай-Куучун“. В конце XIX—начале XX вв. там, как рассказывают, его исполняли Чымый Алагызов, Алешке Хлопатин, Адару Колмаков[2]. Нам удалось прослушать и кратко записать (в 1957 г.) содержание телеутских вариантов от нынешних пожилых сказителей Кузьмы Баксарина (с. Чолухой) и Оскота Мандыякова (село Чарту)[3].

Помимо записей, произведенных автором данной работы, еще необходимо отметить очень интересную запись фольклориста С. С. Каташа, принимавшего участие в экспедиции Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы в 1956 году в Улаганский аймак[4]. Он записал от колхозника-сказителя Григория Севастьяновича Юлукова (род. в 1912 г.) из села Чибиля, колхоза „Пограничник“. Юлуков знает сказания „Кан-Будай“, „Öскӱс-Уул“ и „Алтай-Буучай“, которые он слышал от сказителя Курманова (умер в 1955 г.). Юлуков сообщил, что теленгеты считают это сказание своим, теленгетским, а не перенятым от других племен. Его у теленгетов исполняли, сказал он, с незапамятных племен. Запись этого варианта С. С. Каташом произведена под диктовку, очень точно.

Таким образом, мы имеем самые различные записи эпоса „Алтай-Буучай“: от конспективных и отрывочных до полных и точных. Они сделаны в самых различных местах и у самых различных племен: теленгетов, алтайцев, телеутов, тубаларов и кумандинцев. Нами не найдено следов его бытования лишь у челканцев, живущих по долинам рек Байгола и Лебеди, и у шорцев. Факт широкой распространенности этого сказания

---

[1] От Алексеева мною записан отрывок о женитьбе сына Алтай-Буучая, рукопись хранится у меня.

[2] От Ч. Алагызова „Алтай-Буучая“ записал Г. Токмашов (см. выше). От Алешке Хлопатина и Адару Колмакова записей не было.

[3] Записи от К. Баксарина и О. Мандыякова хранятся в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

[4] Запись С. С. Каташа хранится в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, в папке „Материалы научной экспедиции 1956 года“.

на Алтае показывает, что оно стало как бы общим почти для всех алтайских племен эпическим произведением.

Если по собиранию и публикации вариантов этого сказания от различных племен проведена все-таки значительная работа, то по его изучению сделано гораздо меньше. В дореволюционный период по поводу „Алтай-Буучая" были высказаны лишь некоторые попутные замечания А. Калачевым и Г. Н. Потаниным. Но они не занимались специальным исследованием этого эпоса.

В советский период в связи с публикацией на алтайском и русском языках эпических произведений Н. У. Улагашева, в том числе и „Алтай-Буучая", к его сборникам были написаны большие вступительные статьи упомянутым выше сибирским писателем и фольклористом А. Л. Коптеловым[1].

А. Л. Коптелов отмечает, что „текст сказителя-орденоносца весьма существенно отличается от всех ранее известных вариантов „Алтай-Буучая" сильным социальным звучанием этой вещи, классовой ненавистью к врагам. Аранай и Шаранай здесь показаны не только как личные враги богатыря, но и как враги народа, поработители, покорившие всех жителей Алтая, кроме тех, которых оберегал Алтай-Буучай. Уничтожив ханов Араная и Шараная, богатырь освобождает пленный им народ"[2]. Характеризуя образ Алтай-Буучая, он отмечает в нем типичные черты кочевника, хорошего скотовода и отличного зверолова, защитника народа; ему присущи честность, храбрость, непоколебимость в бою.

Проф. Л. П. Потапов в статье „Героический эпос алтайцев" останавливается на проблемах социальной среды, в которой возник эпос, народности и идейного содержания его[3]. По его мнению, „Алтай-Буучай" принадлежит к тем эпическим произведениям, творцом которого является народная масса кочевников, а не аристократическая верхушка. Доказательством служит идейное содержание этого эпоса, его социальная направленность, благородный образ богатыря, побеждающего злых и коварных ханов.

Автор данной работы в статье „Героический эпос алтайцев" также трактовал борьбу Алтай-Буучая против Араная и Шараная как отражение борьбы трудового народа против феодального порабощения масс, против захватов и грабежей чужого скота и имущества[4].

---

[1] См. А. Л. Коптелов „Н. У. Улагашев и ойротский народный эпос", в сб. „Алтай-Буучай", а также примечания к этому сказанию на стр. 369—373.

[2] Сб. „Алтай-Буучай", стр. 370.

[3] *Л. П. Потапов.* Героический эпос алтайцев, Советская этнография, 1949, № 1, стр. 110—132.

[4] *Суразаков С. С.* Героический эпос алтайцев, Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, вып. 2, 1958 г.

Однако все указанные высказывания по поводу данного эпоса основывались лишь на одном варианте Н. У. Улагашева, а остальные упускались из виду. Недостаточно учитывалась и возможность личного творческого дополнения этим крупнейшим алтайским сказителем и импровизатором советского периода. Кроме того, для изучения содержания эпоса брались лишь отдельные сентенции, заключенные в эпосе, и основные поступки героев, глубокого же анализа тем, мотивов, образов эпоса не давалось.

Автор данной работы ставил задачей ознакомить со всеми записанными вариантами эпоса „Алтай-Буучай", чтобы дать материал для изучения сюжетов и образов его, присовокупив те сведения, которые он получил непосредственно от сказителей о бытовании и исполнении эпоса, попутно высказать также и некоторые свои соображения по этим вопросам.

II. СЮЖЕТЫ И ВАРИАНТЫ ЭПОСА „АЛТАЙ-БУУЧАЙ"

По сюжетам, мотивам, именам персонажей, трактовке образов все варианты сказания „Алтай-Буучай" в основном сходны. Несомненно, это — варианты одного эпического произведения, бережно сохраненного сказителями всех племен Алтая. Они восходят к общему древнему источнику, хотя и содержат следы дальнейшей переработки различных поколений сказителей. Эта переработка шла по линии введения новых элементов, отражающих жизнь, быт и верования создателей эпоса, их идеологию, а также своеобразие школ сказителей и индивидуальных особенностей каждого из них. Поэтому очень важно выявление основных сюжетов и мотивов данного сказания путем сравнения их между собой. Однако было бы неправильно думать, что все повторения и сходные места разных вариантов представляют общую или первоначальную древнюю основу только данного эпоса. Многие повторения и сходства (особенно в поэтических оборотах речи, в „общих местах" и т. д.) могут быть характерны не только для вариантов „Алтай-Буучая", но и для всего алтайского эпоса (а часто и для эпоса вообще). С другой стороны, некоторые эпизоды и детали сказания, встречающиеся в каком-нибудь одном варианте, порой могут быть более архаичными, чем те, которые повторяются в разных вариантах. Установление древности тех или иных сюжетов или мотивов эпоса проводится путем сложного этногенетического и филологического анализа с привлечением архивных и исторических документов. Но в данной работе, в соответствии со своей задачей дать материал, мы не проводим этот анализ, а стремимся только установить сходства и отличия разных вариантов эпоса и вывести из этого первичную рабочую гипотезу об истоках

эпоса „Алтай-Буучай". Многие из них действительно могут быть отнесены к древней основе сказания и в какой-то мере помогут раскрыть его первоначальное конкретно-историческое содержание. Они помогут также определить то, что в его вариантах является наносным.

Сказание „Алтай-Буучай" во всех своих вариантах—результат длительного коллективного народного творчества. Сказители многих поколений принимали участие не только в бережном хранении этого сказания, но и в его дальнейшей разработке, внося новый вклад в тот или иной вариант сказания, дополняя и расширяя его содержание.

Из имеющихся в нашем распоряжении различных записей вариантов „Алтай-Буучая" наиболее близкими друг к другу являются теленгетские (текст Калачева, варианты Калкина, Юлукова и Сонукова). К ним примыкают телеутские (Алагызова, Баксарина и Мандыякова).

Поэтому при сопоставлении вариантов „Алтай-Буучая", на наш взгляд, удобнее всего отталкиваться от них—наибольшего числа вариантов, которые особенно близки друг к другу. Но поскольку телеуты по своему этническому происхождению являются племенем, отделившимся от теленгетов и перекочевавшим с юга на север Алтая (о чем говорится подробнее дальше), то лучше всего начать сопоставление с вариантов теленгетов, из которых по полноте и точности записи, кроме публикуемого в данной книге калкинского, выделяется текст сказителя Г. С. Юлукова, записанный С. С. Каташом[1]. В нем представлено наибольшее число мотивов, повторяющихся в других теленгетских вариантах.

Г. С. Юлуков начинает сказание с обращения к своему топшууру воспеть „без ошибок" и „без упущений" подвиги богатыря, чтобы „старикам развлечение было, молодым забавой послужило". Затем переходит к повествованию. Оно начинается с обычного для алтайских героических сказаний вступления, в котором дается описание местности и стойбища, где живет богатырь, сообщается его имя, состав семьи, кличка коня и т. д.

Топонимика очень условна, по ней невозможно судить о конкретном географическом районе, где живет богатырь и где развертываются события. Тем не менее с помощью различных эмоциональных эпитетов и метафор создается яркая поэтическая картина природы той земли, которой владеет богатырь. На алтае[2] богатыря стоит вечнозеленое лето, не переставая, кукуют кукушки, текут целебные воды, стоят две высокие горы.

---

[1] Рукопись хранится в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, „Материалы научной экспедиции 1956 года".

[2] Слово „алтай" в эпосе часто употребляется не как географическое название, а в смысле „(его) земля, владение".

У богатыря жена по имени Алтын-Тана, младшая сестра Алтын-Сырга и малолетний сын. Конь, на котором богатырь выезжает на охоту, называется „Алтын-Сары“ (золотисто-желтой масти), на войну—„Кара Айгыр“ (вороной жеребец). Сам Алтай-Буучай изображен состарившимся: крепкие кости его ослабели, похожие на белые корни кандыка зубы пожелтели, черная, как крыло ворона, голова поседела. Но он все еще крепок:

Јаактуга айттырбас,
Јарындуга јыктырбас,
Алтан каанды акалаган,
Јетен каанды јеңелеген.[1]

(Имеющим щеки не даст себя выбранить.
Имеющим плечи—себя побороть,
Шестидесяти ханов он лучший,
Над семьюдесятью ханами взял верх.)

Однако во вступлении (обычно небольшом по объему) даются лишь первоначальные сведения о богатыре и его жизни до основных событий. Вступление—это экспозиция эпоса.

События начинаются с отъезда богатыря на охоту. Алтай-Буучай говорит:

Энем өскөн алтайдаң
Элик барып ададым—дийт,
Адам өскөн алтайдаң
Аң балазын ададым—дийт.
Эр карааны—өлүмтик,
Ат карааны—согумтык,
Алтай јерим көрөтөм—дийт.[2]

(На алтае, где выросла мать,
Косулю застрелить поеду.
На алтае, где вырос отец,
Детеныша марала застрелю.
Состарившийся муж близок к смерти,
Состарившийся конь становится согумом,[3]
Поеду, чтоб на алтай свой взглянуть.)

Богатырь собирается на охоту: седлает коня золотисто-желтой масти, облачается в охотничье снаряжение, вьючит припасы. Он обещает вернуться с охоты „если скоро—через пятьдесят лет, если долго—через шестьдесят лет“.

Очень важным в этой завязке сюжета мотивом является наказ (запрет) богатыря своей жене и сестре в его отсутствие не жарить на костре очага „черную печень скотины“, не под-

---

[1] Фольклорный архив Горно-Алтайского научно-исследовательского института ИЯЛ, папка „Материалы научной экспедиции 1956 г.“ (Записи С. С. Каташа), 1-я тетрадь, стр. 62.

[2] Там же, стр. 63.

[3] С о г у м—конь, предназначенный к убою.

17
Горно-А
БИБЛИО

02-1
-1816

ниматься на вершину черной горы; не ходить на берег черного озера.

Прощание с женой и сестрой, отъезд из дому, богатырская езда, охота описаны общими для всего алтайского эпоса традиционными поэтическими формулами. Таковы, например, сцены охоты богатыря:

Сууның ағын сууга кырган,
Туунын ағын тууга кырган,
Кийиктиң семизин
Талдап адып јӱрет,
Киштиң каразын
Талдап өлтӱрип јӱрет.
Бир билинзе,
Бежен јылга једе берген.[1]

(Водяных зверьков в водах бил,
Горных зверей в горах бил,
Жирных зверей
По выбору стрелял.
Почернее соболей
По выбору убивал.
Когда однажды опомнился—
Пятьдесят лет, оказывается, прошло).

Во время долгого отсутствия богатыря на охоте жена нарушает наказ: колет черного торбока[2] и начинает жарить на костре его „черную печень“, огонь тотчас гаснет; тогда она вместе с Алтын-Сырга поднимается на вершину черной горы, откуда видит круглое черное озеро вдали; придя на берег озера, они ловят двух уток, которые там плавали. Женщины спрашивают у уток: „Видели ли вы какое-нибудь живое существо на земле?“ (Јер-телекейдиң ӱстӱнде тынар-тынду неме көрдиң бе?[3]) Утки ответили, что они никого не видели, кроме братьев-знаменитых силачей Араная и Чараная, живущих на берегу черного моря. Тогда Алтын-Тана пишет на крыльях обеих уток письмо Аранаю и Чаранаю:

Ээн јерде мал калды,
Элеңкейде јурт калды.
Алтай-Буучай барганнаң бери
Јетен јылга једе берди.
Өлгӧни јарт.
Капчай бисти келип алзын.[4]

(Без хозяина скот остался,
Без мужчины юрта осталась.
Алтай-Буучай как уехал—
Семьдесят лет прошло.
Ясно, что он погиб.
Приезжайте и берите нас.)

---

[1] Там же, стр. 67.
[2] Торбок—бычок по второму году.
[3] Вопрос, по-видимому, имел смысл: „Видели ли вы Алтай-Буучая?“
[4] Там же. стр. 69—70.

Утки прилетели к водопою братьев Араная и Чараная. Утром приходит раб-водоносец Тастаракай и видит уток с письмом на крыльях. Он хотел об этом сказать своим богатырям, но три дня подряд забывал, на четвертый—исцарапал до крови щеку. Аранай и Чаранай видят кровь у него на щеке и спрашивают: „Кто щеку твою исцарапал?“ Раб отвечает, что сам себе исцарапал, чтобы не забыть сообщить о виденных утках.

Аранай и Чаранай поймали уток, прочитали письмо, которое сильно обрадовало их. „Готовый скот, готовые жены!“ Они немедля седлают коней, чтобы поехать в стойбище Алтай-Буучая. Но их отец, дряхлый старик, у которого „борода до пояса выросла“, „крепкие кости ослабели“, „ум помутился“, узнав о намерении сыновей, останавливает их от безрассудного поступка:

Акыр, акыр уулдар—дийт.
Алтай-Буучай јаан каан,
Өлөтөн оныҥ тыны јок,
Өзөтөн оныҥ јажы јок.
Ого барар деп нени айдазаар?
Өлбөгөн бойоор өлөрөөр,
Барбаган бойоор бараraар![1]

(Стойте, постойте, сыновья!
Алтай-Буучай великий хан,
Умереть—нет души у него,
Состариться—нет предела летам.
Как вы могли решиться ехать в его стойбище?
Неумиравшие вы умрете.
Неуходившие уйдете!)

Но сыновья грубо обрывают старика: „Куда нам ехать—тебе ли, старому негодяю, знать?“ Ударив его плетью, садятся на коней и отправляются в стойбище Алтай-Буучая.

В это время жена Алтай-Буучая Алтын-Тана „шестью железными путами“ спутала боевого коня богатыря—вороного жеребца, „четырьмя цепями“ привязала его двух собак, карауливших вход в юрту, „тремя цепями“—двух черных соколов, охранявших дымоход. Всех их заперла в каменном сооружении.

Женщины торжественно встречают Араная и Чараная: принимают коней, вводят в юрту, усаживают на ковре, угощают аракой и яствами. На случай возвращения Алтай-Буучая готовят ядовитое вино, „сто тажууров[2] араки, перегнав в один тажуур“.

Алтай-Буучай возвращается с охоты. Он везет много добычи. Но, приблизившись к стойбищу, его конь вдруг останавливается и предупреждает хозяина, что чует в юрте опасность. Алтай-Буучай сердится на него:

---

[1] Там же, стр. 73.
[2] Тажуур—сасуд для вина.

„Ичиң болзо јин, тангма—дийт,
Сыртың болзо туулак—дийт.
Мен билбеенди сен билер бе?
Мен сеспеенди сен сезер бе?“—
Јамакайын јыра тартты,
Јал соорызын јара чапты.[1]

(„Внутри у тебя—потроха, негодяй,
Снаружи у тебя—толстая кожа.
Ты ли узнал то, что еще я не узнал?
Ты ли почуял то, чего еще я не почуял?“—
Щеки коня удилами рванул,
Бока плетью рассек.)

Жена и сестра, спрятав Араная и Чараная в женской половине юрты, с притворной радостью встречают приехавшего богатыря, берут повод и привязывают коня, помогают снять вьюки, вводят под руки в юрту, угощают яствами. Сестра подает араку, но богатырь отказывается пить:

Энеден чыккайлык,
Эттең јарылгайлык,
Андый неме амзап көрбөгөм.[2]

(С тех пор, как от матери родился,
От ее тела отделился,
Такой напиток не пробовал.)

Тогда сестра, держа в руке чарку с вином и присев на колени перед братом, поёт, сравнивая его „со всеми звездами на небе и со всеми цветами на земле“. Богатырь не выдерживает и выпивает. Затем он, сильно опьянев, просит еще вина, и жена говорит: „В углу есть желтый тажуур с вином, сам поищи“. Алтай-Буучай шарит в углу рукой, и попадаются ему Аранай и Чаранай. Богатыри, хватая друг друга, выбегают на улицу, и начинается неравная схватка. В ходе борьбы, когда богатырь, мучимый выпитым ядом, начинает ослабевать, он зовет своего боевого коня, двух собак и двух соколов. Боевой конь, услышав зов, порвал три железные путы, но на трех других удержался, две собаки, оторвавшись от двух цепей, на двух других удержались, два сокола, две цепи порвали, но третью не смогли одолеть. Тогда Алтай-Буучай просит жену и сестру под ноги Араная и Чараная насыпать пшеницу, чтобы они подскользнулись, а под его ноги—горошины[3]. Женщины

---

[1] Там же, стр. 78.
[2] Там же, етр. 79.
[3] Здесь сказитель, по-видимому, забыл распространенный мотив: под ноги Араная и Чараная сыплют пшеницу или горошины, а под ноги Алтай-Буучая—сосновые шишки или муку.

поступают наоборот: мешок пшеницы сыплют под ноги Алтай-Буучая, мешок горошин—под ноги Араная и Чараная. Братья валят богатыря на землю. Тогда Алтай-Буучай превращается в „золотой камень“. Аранаю и Чаранаю удается лишь отрезать большой палец правой руки, в котором таилась его сила. У малолетнего сына отхватывают ноги. Мальчик уползает в гору, и там его принимает скала, которая открывается, впускает его во внутрь и закрывается снова.

После этого Аранай и Чаранай увозят имущество богатыря, плетью угоняют скот, пикой—народ, уводят жен. Сами едут на конях богатыря.

На половине пути одна игреневая кобыла, возглавлявшая табун Алтай-Буучая, убегает назад. Аранай и Чаранай гонятся за ней. Проскакав через одну гору и одну долину, вдруг кони под ними падают. Аранай и Чаранай воскликнув: „Разве это кони хорошего мужа? Это же торбоки, если не могли нас провезти и подохли!“—ударяют их по голове плетью, снимают седла и узды и, догнав караван, садятся на своих коней. А притворившиеся мертвыми кони богатыря после них поднимаются и убегают прочь.

По совету вороного жеребца конь золотисто-желтой масти оборачивается „шестидесятиветвисторогим маралом“ и скачет впереди каравана. Аранай и Чаранай, завидев его, отпускают двух собак, которые, погнавшись за маралом, не возвращаются, узнав в нем своего друга. Затем две собаки по приказанию вороного жеребца оборачиваются двумя лисицами и, пробежав впереди каравана, начинают ловить мышей. Аранай и Чаранай, завидев их, отпускают двух соколов, которые, преследуя лисиц, также исчезают с глаз и не возвращаются обратно.

После этого конь золотисто-желтой масти зафыркал, стал кровью мочиться—ударил сильный мороз, пошел крупный дождь. Аранай и Чаранай ставят шалаш и в нем спасаются от непогоды. Соколы Алтай-Буучая влетают в шалаш, обернувшись воробьями, и, будто найдя добычу, начинают клевать палец Алтай-Буучая и ноги его сына, затем хватают их клювом и улетают.

Женщины, предчувствуя беду, плачут, а Аранай и Чаранай хохочут: „В ненастье воробьи, конечно, будут голодными, зачем плакать?“

За этими событиями следует повествование об оживлении Алтай-Буучая и его сына, об их мести Аранаю и Чаранаю. В рассказе об оживлении богатыря и его сына главным действующим лицом выступает вороной жеребец. Он отправляется во владения Кюн-хана (Солнце-хана), чтобы привезти его дочь Алтын-Дьюстюк (Золотой перстень), которая может оживить мертвого.

По дороге жеребец преодолевает различные препятствия.

Первое препятствие—это два черных кузнеца, которые, увидев его, хотят сжечь на уголь. Жеребец бросает им привезенные с собой два мешка угля, и те не трогают его. Второе препятствие—две желтые женщины, желающие вытянуть его жилы на нитки, но, получив от жеребца готовые нитки, они благодарят его. Третье препятствие—два черных ворона, угрожающие выклевать ему глаза. Он бросает им черные угольки вместо глаз. Четвертое препятствие—два желтых верблюда, которые ищут предмет, чтобы почесаться; богатырь ставит им два столба. И последнее препятствие—желтое ядовитое море, которое он, не найдя переправы, перепрыгивает.

Однако рассказ о преодолении жеребцом препятствий на пути к Кюн-хану встречается только в одном варианте Юлукова. В других его нет. Причем в той трактовке, какая дается здесь (два черных кузнеца, две желтые женщины, два черных ворона и т. д.), этот мотив не оригинален, а встречается как характерный мотив во многих алтайских сказаниях о поездке богатырей в подземный мир. Там—это препятствия подземного владыки Эрлика (например, в сказаниях „Кан-Сулутай“ „Алтын-Тууди“ и др.).

Прибыв во владения Кюн-хана, вороной жеребец пристает к его табуну. Табунщик поражен его красотой и иноходью. Табунщик сообщает об этом Кюн-хану, и тот просит пригнать и поймать его. Табун пригнан, но вороного жеребца поймать не могут, он уходит от аркана. Тогда дочь Кюн-хана Алтын-Дьюстюк, не имевшая своего коня, говорит: „Может, бог-отец создал его для меня? Если так, то он подойдет ко мне и полижет мою ладонь“. Она идет к нему навстречу, вытянув руку. Жеребец подходит и лижет обе ладони Алтын-Дьюстюк. Она, тут же зануздав и заседлав его, ездит на нем. Жеребец под ней начинает ходить самой красивой иноходью, так, „как еще никогда не хаживал и не гуливал“. И когда окончательно понравился ей, он просит ее взять отцовскую плеть и белый платок (чудесные предметы, которыми можно оживить мертвеца), обещав, что тогда он пройдет еще лучшей иноходью. Алтын-Дьюстюк, выпросив все это у родителей, садится на него, три раза кружит вокруг дворца и ударяет его отцовской плетью по крупу. И тогда: „где конь стоял—следы остались, куда умчался—следов не видно“[1]. Вороной жеребец прямо мчится домой, „спереди гривой, сзади хвостом поддерживает ее“. Кюн-хан громко, горько заплакав, просит своих помощников (желтое море, черных воронов, верблюдов и т. д.) остановить жеребца, но те, вспомнив его благодеяния, пропускают его, не задерживая. Когда девица опомнилась, она уже была около погибшего Алтай-Буучая и его сына.

Прибыв, жеребец низко кланяется и умоляет:

---

1 Формула быстрого выезда богатыря

Jеезелӱ jурт jемирилген,
Jердеги малды айдаган.
Ады jаан каан өлгөн,
Арга jокто слерди экелдис.
Өлгөнди тиргизетен,
Өчкөнди камызатан деп уккам.
Оныг учун экелдис.
Керек болзо, ойто апарып койорым.
Ады jаан каанды тиргизип беригер.[1]

(Мшистая юрта разрушена,
Скот с пастбищ угнан.
Знаменитый хан погиб.
Несчастье заставило меня вас привезти.
Я слышал: умершего воскресить,
Угасший огонь зажечь способны вы.
Поэтому я привез вас сюда.
Если надо, обратно отвезу.
Но знаменитого хана воскресите.)

Девушка Алтын-Дьюстюк соглашается. Она, приставив большой палец богатыря к руке, материнский платок развевает над ним, отцовской плетью ударяет. Алтай-Буучай вскакивает на ноги и сначала думает, что долго спал, но затем все узнает от своего коня. Алтын-Дьюстюк поднимается на гору и подходит к скале, принявшей мальчика.

Jарык кайа jарыла бер,
Jаңыс балам алайын!
Кыпту кайа кыптала бер,
Кызыл тынын алайын![2]

(Открывающаяся скала, откройся,
Единственного сына возьму!
Рядная скала, по рядам раздвинься,
Красную душу его спасу!)

Скала раздвигается, и мальчик скатывается к ней. Она оживляет и его. Мальчик стал „в два раза лучше, чем прежде, в десять раз лучше, чем раньше".

Мальчик-богатырь немедля садится на вороного жеребца и преследует противников. Алтай-Буучай на золотисто-желтом коне следует за ним.

Описание встречи и единоборства богатырей дается в традиционных поэтических формулах. Подчеркивается, что в процессе борьбы младенец все больше растет и крепнет, а затем, поровнявшись ростом с врагами, уничтожает их. После этого он подходит к сестре и спрашивает загадкой: „Что желаешь скребок для выделки кожи или яловую кобылицу?" (Кыңырак керек пе, кызырак керек пе?). Сестра отвечает: „Если дашь: скребок, я выделаю тебе овчину, если дашь яловую кобылицу,

---

[1] Там же, стр. 79.
[2] Там же, стр. 185.

надою молока и сварю вино". Мальчик привязывает сестру к хвостам пяти кобылиц и отпускает их в разные стороны. Кобылицы разрывают ее на части. Расправу с матерью предоставляет отцу. Алтай-Буучай, приехав вслед за сыном, жестоко наказывает жену.

Затем отец с сыном обратно угоняют свой скот, увозят свое добро, и Алтай-Буучай, женившись на дочери Кюн-хана, живет мирной жизнью. На этом сказание заканчивается.

Из вариантов „Алтай-Буучая" наиболее близко к приведенному стоит вариант А. Калкина („Алтай-Буучый")[1], так же, как Юлуков, принадлежащего к теленгетам Улаганского аймака. Расстояние между их местожительством около тридцати километров. Но в варианте А. Калкина нет некоторых эпизодов, имеющихся в варианте Юлукова. Очень важный эпизод о запрете богатыря жене и сестре в его отсутствие подниматься на вершину горы и нарушение ими этого запрета в варианте Калкина отсутствует. Нет также таких ярких эпизодов, как обращение сестры к брату выпить вина (однако предлагаемое ею с коварной целью), вызов богатырем боевого коня, собак и беркутов во время единоборства с соперниками; уползание изуродованного сына героя в гору (в варианте Калкина сына умерщвляют вместе с отцом). По-иному, своеобразно трактуются отдельные эпизоды и мотивы. Так, например, отец Арная и Чарная (так звучат их имена у Калкина), услышав ложную весть о гибели Алтай-Буучая на охоте, глубоко печалится:

Албатыга быйан болгон
Алтай-Бучый јаан баатыр
Өлүп токтоор тыны јок эди,
Акчыл-быкчыл көөркий эди.
Калак-корон, кандый түбек болды![2]

(Народу благом ставший
Алтай-Бучый великий богатырь
Не имел души, чтобы умереть,
Не имел предела своей жизни.
Доброе сердце он, дорогой, имел,
О горе, какая бела с ним случилась!)

И уже затем он останавливает сыновей от безрассудного поступка:

Алтайына барбагар,
Айыл-јуртын тонобогор,
Ак малына шоктобогор.[3]

---

[1] Рукопись хранится в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, записано С. Суразаковым в 1958 г. Печатается в настоящем издании (см. тексты, стр. 79—121).

[2] См. в настоящей книге раздел „Тексты", стр. 87.

[3] См. раздел „Тексты", стр. 87.

(Не ездите на его землю,
Не трогайте его юрту,
Не угоняйте его белый[1] скот).

Начало эпизода мнимой смерти коней Алтай-Буучая с целью избавления от наездников-противников у А. Калкина трактуется также иначе: это случилось не в погоне за отделившейся от табуна кобылой, а во время испытания бега богатырских коней Арнаем и Чарнаем. Причем у Алтай-Буучая не два коня, а три, к которым постоянно применяется следующая поэтическяя формула:

Тенгери берген Темичи-кўреҥ,
Байана берген Бараан-чоокыр,
Ўлген берген Ўлбў-чоокыр.[2]

(Данный небом карий конь Темичи[3]
Данный Байаном[4] Темно-полосатый,
Данный Улгенем[5] Полосатый с крапинками.)

Своеобразен также эпизод вызова мороза и снега богатырским конем, обладающим чудесной силой дьада[6].

Јада тўжўп бу аҥданды,
Тура јўгўрип бу силкинди.
Өзөк ичи өлө туман
Эмди кайнай бербей кайтты,
Кырдыҥ бажы кызыл туман
Эмди борлой бербей кайтты.
Јаткан јадык јада аҥданар
Салкын болды.
Турган агаш тура сынар
Соок болды.
Ат капталга кар јаады,
Андый јаан калап болды.[7]

(Лег на землю, повалялся,
На ноги вскочив, встряхнулся.
Пестрый туман
В долине закипел.
Красный туман
На горе забурлил.
Подул ветер,
Валежники переворачивающий,
Ударил мороз,
Стоящие деревья ломающий.
До живота коня выпал снег,
Так вокруг стало страшно.)

---

[1] Белый—в оригинале „ак". Можно также понимать в смысле „многочисленный".
[2] См. раздел „Тексты", стр. 80.
[3] Темичи—титул помощника зайсана.
[4] Байана—доброе божество.
[5] Ўлген—верховное небесное божество.
[6] Дьада—магическое действие для изменения погоды.
[7] См. раз ел „Тексты", стр. 101.

После этого беркуты, приняв облик воробьев, летят к Арнаю и Чарнаю и отнимают палец своего хозяина и ноги его сына. Увидев это, у Калкина причитают не женщины, а мужчины.

Есть у Калкина и композиционная перестановка сюжетов. У Юлукова сначала богатырский конь привозит дочь Кюн-хана, которая оживляет богатыря и его сына, а затем сын едет, чтобы отомстить врагам. У Калкина же богатырские кони сначала оживляют сына Алтай-Буучая, который сразу едет для мести к Арнаю и Чарнаю, и уже после этого богатырский конь отправляется за дочерью небожителя Тенери-хана Алтын-Дьюстюк. В данном варианте на деве-воскресительнице женится не сам Алтай-Буучай, а его сын.

Разно произносятся также и имена персонажей у Калкина: жена—Яра-Чечен, дочь—Озо-Чечен, соперники—Арнай и Чарнай, имя их отца—Алтан-Шалтан, отец девы-воскресительницы—небожитель Тенери-хан (Небо-хан), а имя самого героя произносится как Алтай-Бучый.

В варианте А. Калкина встречаются и другие мотивы. Например, сын Алтай-Буучая, расправившись с Арнаем и Чарнаем, отрубает им головы и выставляет их на скале, сделав надпись:

Каан кижи туштагажын,
Тӱкӱреле, ӧдӱп јӱрзин,
Баатыр кижи туштагажын,
Ат камчыла согуп ӧтсин [1]

(Если хан приедет,
Пусть плюнет на них и проедет,
Если богатырь мимо поедет,
Пусть ударит их плетью).

Весьма интересным эпизодом в варианте А. Калкина является повествование о борьбе Алтай-Буучая и его сына с мстителями за Арная и Чарная—с тремя монгусами, вышедшими из подземелья,—эпизод, встречающийся в редких вариантах „Алтай-Буучая". Алтай-Буучай вместе с сыном сражается с многочисленным войском—нечистой подземной силой и одерживает победу. После этого они живут мирно и счастливо. Другой пример. У Юлукова дева-воскресительница оживляет мертвого богатыря с помощью отцовской плети и материнского платка, а у Калкина говорится:

Кӱннең туткан койу эмле
Эки кӧзин эмдей берди.
Айданг туткан ару эмле
Эки эргегин эмдей салды.
Јети ле јеерен бу байталдың
Сӱдин томдоп бу ичирди,

[1] См. раздел „Тексты", стр. 108.

Тогус кырлу кара ташты
Өкпө-јўрек бу тужуна
Јаба тудуп бу томдоды.
Торко кара пыладыла
Јал јўреги бу тужуна
Јаба тудуп бу томдоды.[1]

(От солнца густое лекарство поймала,
Два глаза его вылечила,
От луны чистое лекарство поймала,
Два пальца его вылечила.
Из молока семи рыжих нежеребившихся кобылиц
Лекарство сделав, его поила,
Девятигранный черный камень
На легкие и сердце кладя,
Стала его лечить.
Черный шелковый платок развернув.
На место, где сердце, положила,
Стала лечить.)

Таким образом, отличие варианта А. Калкина от юлуковского сводятся, в основном, к отдельным эпизодам, перестановке и к несколько своеобразной трактовке некоторых сюжетов и мотивов; кроме того, у Калкина есть сюжет о борьбе Алтай-Буучая и его сына с заступниками Арная и Чарная, чего нет у Юлукова. Но в своих главных сюжетных линиях, в действиях персонажей и в их характеристике—это очень близкие варианты, бытовавшие в одном районе.

Чуйские теленгеты, от которых были проведены записи А. Калачева в 1896 году и автора данной работы от сказителя К. Сонукова в 1959 г. (запись в конспекте), живут на значительном расстоянии от улаганских теленгетов (более 150 км.). Однако контакт между ними существовал постоянно. Чуйские теленгеты на белкованье и рыбную ловлю часто ездили в район рек Башкауса и Улагана, где живут их соплеменники. Кроме того, по рассказу стариков—чуйских теленгетов, их предки пришли в долину Чуи и Аркыта с Башкауса и Улагана. Так, например, во время нашей экспедиции в 1959 году в Кош-Агачский аймак колхозник колхоза „Мухор-Тархата" Уванчиков Петр из рода сагал сообщил нам, что в старину выше Курая по течению реки Чуи и в Аркыте жили монголы, а затем—сойоны. Поэтому некоторые географические названия в этом районе остались от них (Мухор, Таркаты, Тоготы, Каракем и др.).[2] Названия Курая и Аркыта чуйские теленгеты также связывают с пребыванием там сойонов. Когда сойоны

---

[1] См. раздел „Тексты", стр. 114.

[2] Материалы научной экспедиции 1959 года в Кош-Агачский аймак, фольклорный архив Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, записи Суразакова С. от Уванчикова П.

жили в долине Курая, выпал большой снег, и весь их скот пал. Они прокляли это место и назвали его Курай (Пустырь)[1]. А про реку Аркыт говорят: однажды сойоны устроили в ее долине большой свадебный пир, женив своих девять парней на девяти девушках. В это время на них напали монголы. Сойоны убежали, повесив на дерево свой аркыт (кожаная посудина), сказав:

Jакшылыкта ўстў-jўўлў кан аркыт,
Jамандыкта канду-jиндў кал аркыт.[2]
(Когда мирно, наполнишься жиром и салом,
почтенный аркыт,
Когда война, наполнишься кровью и нечистью,
почтенный аркыт.)

С тех пор эта долина и река стали называться Аркыт. Подобных рассказов о пребывании и уходе монголов и сойонов с района Кош-Агача много. Но нам важны не эти рассказы, а рассказы о новом заселении этого района. В них в качестве новых засельщиков фигурируют теленгеты и казахи, поныне живущие там. Теленгеты, говорится в них, пришли с района Башкауса и Улагана. Так, например, житель села Джасатер, Кондратий Егорович Янгинов, из рода кöбöк (этот род очень распространен в Улаганском аймаке) сообщил нам предание, относящееся к его предкам. Мой дед Янга, говорит он, принадлежит к числу первых людей, переехавших с Башкауса в долину Аркыта[3]. А Уванчиков Петр говорит, что люди его рода (сагал) в район Чуи прибыли даже с долины Чолушмана через Улаган.[4] Сказитель Сонуков Казакпай также сообщил о своих предках,[5] как пришлых в долине Чуи, но прибывших уже с севера Алтая. Эти события заселения теленгетами долин Чуи и Аркыта, по-видимому, происходили в XVIII и в течение XIX веков. Что касается казахов, то их переселение в Кош-Агач, как рассказывают сами казахи, происходило во второй половине XIX века (примерно в конце 1870-х годов), когда казахи под предводительством князька Абдуллы прибыли в долину Таркаты. Но они здесь уже застали теленгетов, зайсаном которых был Сама[6].

Таким образом, на наш взгляд, есть основание считать, что чуйский вариант „Алтай-Буучая“ занесён в этот район переселившимися сюда теленгетами.

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же, запись от Янгинова К. Е.
[4] Там же, запись от Уванчикова П.
[5] Там же, запись от Сонукова К.
[6] Там же, запись от Оспана, село Ортолык.

Но как бы то ни было, сопоставление вариантов улаганских и чуйских теленгетов показывает их близость между собою, что является результатом их взаимосвязи.

В варианте, записанном А. Калачевым[1], представлены почти все важнейшие сюжеты и мотивы, составляющие содержание данного сказания и повторяющиеся в других его вариантах: отъезд богатыря на охоту; наказ сестре перед отъездом не залезать на золотую гору; нарушение наказа, в результате которого сестра увидела двух уток на устье реки; узнавание от уток о братьях Аранае и Шаранае и приглашение их в свое стойбище; возвращение Алтай-Буучая домой; отравление богатыря заранее приготовленным ядом; умерщвление противниками богатыря и его малолетнего сына; увоз врагами жены и сестры богатыря и всего его добра; избавление богатырских коней, соколов и собак; поездка богатырского коня за небесной девицей Темене-Коо, которая, спустившись на землю, оживляет богатыря; месть богатыря врагам и наказание жены и сестры; женитьба Алтай-Буучая на небесной девице. Отклонение имеется только в начале повествования: Алтай-Буучай, выехав на охоту, совершает поездку на небо, чтобы жениться на Темене-Коо (но это ему не удаётся); затем он едет воевать против Чингиз-хана(?). Последнее, по-моему, является позднейшим привнесением. В облике Алтай-Буучая выпячены черты молодечества и бахвальства своей силой и способностью разрушить все:

До скончания века буду жить, воевать!
Что можно рвать, все разорву,
Что можно резать, все изрежу я!

Но это встречается только в начале сказания, а в ходе основных событий богатырь ничего не разрушает. Возможно, это связано с несколько вольным изложением переводчика.

Вариант К. Сонукова[2], также совпадающий с вышеназванными по своему сюжету и мотивам, отличается от них лишь рассказом об оживлении богатыря и его сына. В этом рассказе выступает новый персонаж, старуха Мать Земли (Jер-эне), к которой после гибели своего хозяина является богатырский конь Темичи-Дьеерен (Рыжий Темичи) за советом. Она живет в юрте величиной „с сердце“, из которой выходит тонкая, „как жилка“, дым. Ее внешность неприглядна: слюнявая, глаза гноящиеся. Старуха посылает коня к семидесятирогому маралу-хозяину черного моря, который „идущих по земле

---

[1] *А. Калачев.* Былина об Алтай-Бучае, Живая старина, выпуск 3—4 1896, стр. 492—499.

[2] Рукопись краткой записи хранится в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, папка „Материалы научной экспедиции 1959 г.“ Запись С. Суразакова.

языком хватает, летящих по воздуху дыханием втягивает". Между двух глаз этого чудовища есть черная родинка, которой можно оживить богатыря. Повествование о поездке коня к маралу и борьбе с ним занимает значительное место. После добычи „черной родинки" конь возвращается к старухе и, взяв ее с собой, приезжает к хозяину. Богатырь лежит в глубокой яме, куда его столкнули враги. Старуха опускает на дно ямы шестидесятиаршинный аркан, который недостает дня. Тогда она отрезает свои косы и подвязывает к аркану. Вытащив таким образом богатыря, она оживляет его.

Затем богатырский конь отправляется за небесной девицей, которая по прибытии оживляет сына Алтай-Буучая—Эрке-Мендира. За то, что небесная дева спускалась на землю и осквернилась, отец не принял обратно на небо, и она вышла замуж за Эрке-Мендира. Последний мотив, как видим, сближает этот вариант с юлуковским.

За теленгетскими вариантами следуют варианты, записанные от телеутов. Телеуты ныне, как известно, живут на севере Алтая, в степной части (нынешние Кытмановский и Сорокинский районы Алтайского края) и по реке Бочаты (Беловский район Кемеровской области). Однако, это племя стоит, ближе к теленгетам. У них наблюдается особенно много общих черт в языке, в быту, в обычаях, в поверьях, в обрядах и в одежде. Но наиболее ярко об этнической близости телеутов и теленгетов может свидетельствовать то, что у них общими являются, во-первых, названия многих родов: төлөс, найман, меркит, мундус и др., во-вторых, самоназвание всего племени: теленгетом себя называют не только улаганские и чуйские теленгеты, но и телеуты[1].

Этническая общность телеутов и теленгетов находит подтверждение и в рассказах стариков как телеутов, так и теленгетов, которые говорят, что они составляют „один народ". Телеуты, утверждая о своем племени, как пришлом в степь с юга, доказывают это известной легендой о богатыре Шӱнӱ, который якобы привел их с собой на север, поссорившись с отцом и братьями. Поэтому старики-телеуты до сих пор говорят: „Мы народ Шӱнӱ". Легенда о Шӱнӱ имеется и у чуйских теленгетов.

О том, что телеуты на теперешние места жительства когда-то пришли с юга, постепенно кочуя по Иртышу, Чарышу, Алею, Чулыму, Оби, свидетельствуют данные истории. В XVI—XVII вв. они входили в Джунгарию и составляли в ней, как указывает проф. Л. П. Потапов, особый оток (подразделение). „Часть телеутов,—пишет он,—в промежутке между 1658 и 1665 гг. переселилась к Кузнецку, где и осталась жить

---

[1] Название телеут, принятое в научной литературе, не вполне соответствует самоназванию племени.

постоянно"[1]. Поэтому-то в песнях телеутов так часто упоминается река Иртыш, а многие географические названия рек, сел и даже городов на территории Алтайского края и Восточного Казахстана, в том числе и Барнаул[2], являются телеутскими.

Благодаря тому, что телеуты жили на юге и составляли, по-видимому, одно племя с теленгетами, в телеутском и теленгетском вариантах сказания „Алтай-Буучай" оказалось особенно много общего и близкого. В них совпадают не только важнейшие эпизоды и мотивы, персонажи и их имена, но даже отдельные поэтические детали.

В варианте Чымыя Алагызова[3] главный герой носит имя Алтай-Куучуны, жена—Эрме-Чечен, сестра—Эрке-Чечен, противники—Арайан и Чарайан. Он имеет трех коней, к которым применяется такая же поэтическая формула, как и у А. Калкина:

Тенгери берген Темичи-јеерен,
Байана берген Бай-чоокыр,
Ўлген берген Ўлбўс-чоокыр.

(Данный небом рыжий Темичи,
Данный Байаном Богато-полосатый,
Данный ўлгеном Полосатый с крапинками.)

Этой формулы нет ни в одном другом варианте, кроме теленгетских и телеутских, за исключением кумандинского варианта О. Алексеева.

Завязкой действия является отъезд богатыря на охоту:

Я поеду на охоту на девять лет.
Вы (до моего приезда) на гору, которую зовут
Јуутунынг јурун туу, Кангкылдаган кара туу
не заходите.

Жена и сестра нарушают наказ. Увидев с горы двух уток, плавающих на воде, они отпускают двух соколов, которые доставляют их. Женщины спрашивают: „Знаете ли вы на этом свете кого-нибудь лучше богатыря Алтай-Куучуна? Ведь нет реки, через которую бы вы не перелетали, нет гор, через которые вы бы не перебирались, нет народа, которого бы вы не знали... Состарился ведь Алтай-Куучуны, прошли уж его годы". Утки отвечают: „И теперь лучше Алтай-Куучуна нет богатыря". Тогда Эрке-Чечен и Эрме-Чечен рассади-

---

1 *Л. П. Потапов.* Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953, стр. 117.

2 *Барнаул*—от Барнур (Есть озеро), как его называли и называют до сих пор телеуты Кытмачовского и Сорокинского районов.

3 Телеутские материалы (собраны Г. М. Токмашовым) I. Сказка об Алтай-Куучуны. Труды Томского общества изучения Сибири, том III, вып. I, Томск, 1915 г.

ли уток, чтобы одна не повторяла то, что скажет другая. Стали сначала пытать селезня, выщипывая перья на спине. Селезень отвечает, „что лучше Алтай-Куучуна нет богатыря“ и погибает за правду. Утка-самка не выдерживает страшных мук и говорит неправду: „За семью небесами, за семью лугами живут два брата Арайан и Чарайан. Самые лучшие богатыри они; лучше их нет“. Тогда женщины пишут им письмо с приглашением. В это время Алтай-Куучуны возвращается с охоты. Конь предупреждает об опасности. Жена и сестра, приготовившие яд, с притворной радостью встречают его, преподносят вино. Богатырь думает: „Я поверил лошади, у которой снаружи твердо, а внутри жидко“. Он выпивает вино, а оно такое, что „если вылить на камень—камень сгорает, не оставляя пепла; если вылить на дерево—дерево сгорает, не оставляя золы“. Богатырь пьянеет и засыпает „на девять лет“. Затем прибывают Арайан и Чарайан с войском и покоряют весь народ, отрезают большой палец правой руки Алтай-Куучуна, где была „душа богатыря“. В эту минуту из-под подола Эрме-Чечен спускается мальчик и бежит на гору. Мать гонится за ним, держа в руке медные ножницы. Она кричит: „Постой, дитя мое! Пососи молоко из груди... ты никогда есть не захочешь!“ Мальчик отвечает: „Иди и роди от Чарайана! Иди и роди от Арайана! Иди, корми детей от них!“ Эрме-Чечен догоняет мальчика и отсекает ему ножницами правую ногу: „Куда ему без ноги, будет пищей птиц и собак!“ После этого Арайан и Чарайан, ограбив стойбище, возвращаются домой с женой и сестрой богатыря.

Рассказ о хитром избавлении коней, собак и соколов богатыря, о заполучении его большого пальца и ноги сына почти такой же, как и в предыдущих вариантах. Но оригинальным является эпизод насылания на землю непогоды. Конь Темичи-Дьеерен поднимается к „хозяину камней и льда“ и начинает молиться: „Мой богатырь Алтай-Куучуны... напился вина и одурел. Умер там, где не надо, перешел туда, куда не нужно. Мы теперь вода без берега, одежда без ворота. Мы теперь—скот в пустыне. Я теперь конь без хозяина. Добрый мой хозяин умер. Победили его кровяные пули, накрыла его черная война. Правый большой палец идет в царство к двум братьям Арайану и Чарайану. Чтобы выручить палец, дай теперь град!“ „Хозяин камней и льда“, вняв мольбе, стал спускать каменный град.

Враги, спасаясь, сделали шалаш из правого пальца богатыря и ноги его сына. В это время конь Темичи-Дьеерен, приняв облик воробья, прилетает и уносит палец и ногу.

После этого боевой конь поднимается на небо, чтобы привезти дочь Творца (Дьайачы). Рассказ об этом также сходен с вариантами теленгетов. Привез конь дочь Творца и умоляет ее: „Привез тебя не от радости, привез тебя, когда нет радости.

Привез тебя не от надежды, привез тебя когда нет надежды. Помер мой добрый хозяин, привез тебя лечить его. Ты не бойся. Я тебя отвезу обратно". Дочь Творца посылает его за лекарством—„черным мозгом" чудовища Дьеек-Дьылана (Змеи-обжоры). Дьеек-Дьылан хочет проглотить прибывшего к нему коня, но конь задними ногами забивает его нутро камнями, деревьями, разбивает его чарку и достает мозги. Дочь Творца этим мозгом оживляет Алтай-Куучуна, его сына Эрке-Мöндӱра и выходит замуж за первого. „Сор не гниет, месть не старится". Эрке-Мöндӱр едет, чтобы отомстить Арайану и Чарайану. В единоборстве он побеждает их, не оставляет от них „ни крови, которую полизала бы собака, ни мяса, которое пободала бы корова". Затем пригоняет домой свой скот и народ.

Эрке-Мöндӱр едет сватать дочь Сары-хана. Сары-хан ставит условие: спустить с неба месяц и солнце и привязать их в его стойбище, чтобы он мог повелевать ими. Месяц и солнце соглашаются исполнить просьбу Эрке-Мöндӱра и побывать в стойбище Сары-хана. Но когда они поочередно спускаются, то от холода и жары погибает половина скота и народа Сары-хана. Тогда он просит Эрке-Мöндӱра отпустить их обратно и соглашается отдать за него замуж свою дочь. Сказание заканчивается возвращением сына домой и свадебным пиром.

К варианту Ч. Алагызова весьма близки варианты телеутов, К. Баксарина и О. Мандыякова[1]. В них, кроме общих сюжетов и мотивов, совпадают имена персонажей, поэтическая формула, применяемая к коням богатыря, название тайги, которой владеет богатырь (Дьуутунын јурун туу, Канкылдаган кара туу), мотивировка действий. Например, в этих вариантах жена и сестра богатыря, пытая уток, спрашивают: „Нет ли богатыря лучше Алтай-Куучуна?", а в теленгетских вариантах они пишут им письмо, полагая, что их богатырь-хозяин погиб. Характерной общей особенностью этих вариантов, в отличие от теленгетских, является отсутствие персонажей раба или рабыни-водоносицы, а также старика-отца Арайана и Чарайана и всех действий, связанных с ними. О поездке богатырского коня в небесный мир за девой-воскресительницей рассказывается очень кратко, зато много места уделено рассказу о добыче конем черного мозга (или черной родинки) от чудовища-змея—мотиву, также отличающему эту группу вариантов от теленгетских. В эпизоде расправы с противниками на первый план выступает сын. По Мандыякову, Эрке-Мöндӱр, отлучившись поохотиться на зайцев, „пока вскипал чай", успел

---

[1] Рукописи кратких записей от К. Баксарина и О. Мандыякова хранятся в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (записаны С. С. Суразаковым).

съездить в стойбище Арайана и Чарайана и учинить над ними расправу. У Алагызова нет вопроса—загадки („Что нужно: скребок или яловая кобылица?"), задаваемой сыном матери и тетке, но у Баксарина и Мандыякова этот мотив имеется. По-видимому, Алагызов просто забыл его.

Но наиболее важным в телеутских вариантах (Алагызова и Мандыякова) является наличие сюжета о женитьбе Эрке-Мёндӱра. Этот сюжет, по-видимому, возник на основе традиционного эпического представления, что ни один богатырь не должен быть оставлен без жены. Такого случая, чтобы богатырь в конечном счете не женился, нет почти ни в одном алтайском героическом сказании. Но возможно, что здесь сюжет о женитьбе сына вошел позднее, чем повествование о борьбе Алтай-Буучая с Аранаем и Шаранаем, и в такой трактовке, как у Алагызова и Мандыякова,—именно у телеутов, ибо у сказителей других районов, если он имеет место, то излагается по-другому. О более позднем включении этого сюжета в сказание об Алтай-Буучае может свидетельствовать его неустойчивость и различие у сказителей различных районов. Вообще, в данном сказании первоначально, должно быть, говорилось только о самом Алтай-Буучае, а весь сюжет об его сыне (как представителе второго поколения богатырей) вошел в эпос уже позднее.

Все варианты „Алтай-Буучая" совпадают друг с другом своими важнейшими эпизодами и мотивами, и поэтому трудно определить пути распространения каждого из них от сказителя к сказителю, от племени к племени. Опорой здесь могут быть те некоторые сюжеты, которые выделяют одну группу вариантов от других. В данном случае такую роль может служить сюжет о женитьбе Эрке-Мёндӱра с выполнением трудных поручений (спуск на землю месяца и солнца). По этому признаку к телеутским вариантам близко стоят варианты сказителей Усть-Канского аймака Ч. Бапина[1] и Ч. Бутуева[2].

У Бапина богатырь, получив трудную задачу от будущего тестя, одевает „девятирядную ледяную шубу" и поднимается к солнцу. От спустившегося солнца горит земля, поэтому по просьбе тестя богатырь отпускает его обратно. Этот вариант близок к телеутским и другими деталями. Например, сын богатыря так же, как и у Алагызова, рождается во время единоборства Алтай-Буучая с соперниками. Младенец убегает в гору, а мать кричит вслед: „Иди, иди, дитя мое, из моей груди молоко течет; иди, пососи!"

Наиболее интересным из этих двух вариантов является бутуевский, публикуемый в данной книге. Он значительно от-

---

1 Конспективная запись С. С. Суразакова от Чагыша Бапина хранится в фондах Горно-Алт. института ИЯЛ.

2 Запись С. С. Суразакова от Ч. Бутуева см. „Тексты" к данной работе.

личается от всех других вариантов, носит следы творческой переработки (проделанной возможно, именно в среде сказителей Усть-Канского аймака). Интересно указание, что сын богатыря, Эрке-Мöндӱр, сначала был калекой:

Одус јылга чыгара
Туруп баспас бала болт[1].

(В течение тридцати лет
Он на ноги не вставал, не ходил.)

Этот сюжет о богатыре—калеке (кстати, являющийся международным сюжетом) по-новому трактует образ героя второго поколения и, несомненно, введен в „Алтай-Буучай" позднее, из других сказаний. Об этом говорит его эпизодический характер в данном сказании.

В этом варианте несколько иначе трактуется и встреча героя с врагами, а особенно оживление его сына. Богатырь по возвращении домой с охоты застает дома пирующих Апана и Апшина (имена соперников). Алтай-Буучай обменивается с ними приветствиями, расспрашивает, кто они и куда едут. Братья отвечают:

Кулак узун—укканыс:
Темтең-тумтаң базытту
Темичи-јеерен ол атту
Алтай-Буучай болгожын,
Ат-нерелӱ баатыр дешкен.
Аштаганга курсак берер,
Арыганга ат берер.
Мындый деп угала,
Айылдап келген кижи эдис.[2]

(Уши слышат далеко—слух дошел:
Говорят, что на иноходце
Темичи-Дьеерене ездящий
Алтай-Буучай, если про него сказать,
Славный богатырь, говорят.
Голодным пищу дает,
Пешим коня дает,
Про это услыхали
И к тебе в гости приехали.)

Алтай-Буучай рад гостям, он садится с ними за стол и продолжает пир, начатый без него. Во время пира жена подает ему яд. Богатырский конь, стоявший на привязи, рвет повод и сразу поднимается на небо за девой-воскресительницей. Дочь Юч-Курбустана оживляет богатыря и его сына.

Алтын-Тана бу бала
Кайран да јаш баланы

---

[1] См. ниже раздел „Тексты", стр. 156
[2] См. ниже раздел „Тексты", стр. 158—159

Эдектиҥ алдына сугала,
Јаҥы чыккан јаш бала эдип,
Чупча согуп алып келеле,
Ары-бейин экчеп, тиргизип алды.[1]

(Девушка та Алтын-Тана
Несчастного младенца
Под подол спрятала,
Как новорожденного ребенка
Снова (из-под подола) вытащила.
На руках туда и сюда покачав,
оживила.)

После этого она становится матерью сына Алтай-Буучая.

Судя по сходству сюжета о втором поколении варианта Бутуева (как и бапинского) с телеутскими (у Бутуева сын во время сватовства также спускает солнце и луну) можно сделать предположение, что это сказание распространилось у усть-канских алтайцев от телеутов (возможно, еще в период кочевания последних по Чарышу, когда усть-канские алтайцы непосредственно соседствовали с ними).

Варианты „Алтай-Буучая", записанные от других племен и районов—центральных алтайцев, тубаларов и кумандинцев,—также имеют много общих сюжетов и мотивов с вариантами теленгетов и телеутов. Вариант, записанный Г. Н. Потаниным в Онгудае[2]—в центре Горного Алтая, во многом сходен с теленгетскими, особенно в своей первой части. В нем также рассказывается о поездке богатыря Алтай-Бучи (по записи Потанина) на охоту, приглашении женой и сестрой Араная и Чараная, убийстве богатыря и ограблении его имущества, о мести богатыря после оживления и т. п. Некоторые эпизоды особенно эпизод обмана Араная и Чараная богатырскими конями, беркутами и собаками с целью избавления от них и возвращения с пути домой, изложены очень подробно и интересно. В этом варианте так же, как и у Калкина, небесная девица выходит замуж не за самого Алтай-Бучи, а за его сына Кан-Сорыша[3]. А Алтай-Бучи сам добывает себе жену.

Повествование о женитьбе Алтай-Бучи составляет вторую часть этого варианта. Алтай-Бучи воюет с Кан-Джекпеем, чтобы жениться на его дочери. Победив его и женившись на его дочери, он уже по поручению побежденного тестя, ищет пропавшего его сына Алтын-Гереля, едет в подземное царство Эрлика[4]. Затем следует повествование о битвах Кан-Джекпея и Кан-Сорыша.

Однако вторая часть, на наш взгляд, результат попытки

---

[1] См. ниже раздел „Тексты", стр. 163

[2] *Г. Н. Потанин.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, Живая старина, вып. 2—3 за 1916, Петроград, 1917, стр. 180—186.

[3] Там же, стр. 181—182.

[4] Там же, стр. 182—184.

расширения этого эпического произведения на основе контаминации различных сюжетов и мотивов. Об этом говорит тот факт, что многие сюжеты и мотивы второй части (дружба Алтай-Бучи с мифической птицей Кан-Кереде, муки людей в подземном мире Эрлика) взяты из других сказаний (ср. с „Когутеем", „Маадай-Кара" и др.).

У нижнекатунских алтайцев района Аноса, в частности у Чолтыша Куранакова[1], „Алтай-Буучай" (в „Аносском сборнике" герой именуется Алтай-Бучый) значительно больше сохранился в композиционно стройном, я бы сказал, „в первоначальном" виде. В нем есть почти все персонажи и эпизоды, которые составляют это сказание: жена—Темене-Коо, сестра—Эрмен-Чечен, сын—Эрке-Мöндӱр (родившийся во время возвращения богатыря с охоты), чудесные помощники героя—три коня, две собаки и два беркута; отъезд на охоту и наказ жене и сестре не отлучаться из дому; охота богатыря; нарушение наказа богатыря женой и сестрой; пытка уток и написание письма; случай со слугой-водоносицей; отцы Араная и Шараная (их имена Алтан и Шалтан), предупреждающие сыновей о бессмертии Алтай-Бучыя; поездка Араная и Шараная в стойбище Алтай-Бучыя и пир у женщин; приготовление яда; возвращение богатыря с охоты с богатой добычей. Но в этом месте идет несколько своеобразное изложение, подчеркивающее чудесный характер событий: перед возвращением героя Аранай и Шаранай превращаются в два черных пня около дороги. Когда богатырь ехал домой, то „два черных беркута, пролетая мимо двух черных пней, два раза взглянули на них". Предстоящую опасность чувствует и конь, который советует богатырю по возвращении не пить вина. Приехав домой, герой узнает, что у него, оказывается, родился сын. Алтай-Бучый, сильно обрадовавшись, снова едет на охоту, чтобы привезти сыну костный мозг (дьилик) зверя. По-видимому, этот эпизод введен согласно обычаю северных алтайцев, по которому, если родится ребенок, то отец должен сейчас же отправиться на охоту и принести свежую шкуру зверя и костный мозг. Однако в сюжете данного сказания этот эпизод лишен смысла, ибо Алтай-Бучый только что вернулся с охоты (и, стало быть, привёз и шкуру и мозг). В дальнейшем повествование идет сходно с сюжетами, известными и по другим вариантам „Алтай-Буучая": угощение богатыря вином и яствами, отказ от вина, упрашивание пением, отравление вином; просьба богатыря отпустить коней, собак и беркутов и надевание женой и сестрой на них пут; появление Араная и Шараная, избиение богатыря плетьми, отрезание большого пальца его правой руки и обеих ног его сына; ограбление стойбища

---

[1] *Н. Я. Никифоров.* Аносский сборник. Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества, том 37, Омск, 1915 г., стр. 2—30.

Аранаем и Шаранаем и их отъезд; хитрое избавление коней, собак и беркутов героя от Араная и Шараная и похищение от них пальца и ног его сына; как и в других вариантах, женщины причитают, хлопая себя по коленям: „Не быть, видно, нам вашими женами, не быть вам нашими мужьями!“; поездка богатырского коня к духу Белой тайги—к Белой старухе (Ак тайганың ээзи Ак эмеген), которая и есть мать Алтай-Бучыя (этот персонаж в теленгетских вариантах встречается у Сонукова); поездка коня в небесный мир Ак-Бурхана за его дочерью Ак-Тааджи и похищение им этой девы-воскресительницы; оживление Алтай-Бучыя и его сына, и женитьба Алтай-Бучыя на Ак-Тааджи; месть Алтай-Бучыя Аранаю и Шаранаю и наказание им прежней своей жены и сестры; встреча и диалог Алтай-Бучыя с Алтаном и Шалтаном, просящими прощения; возвращение героя домой со спасенным народом и скотом.

Вторая часть сказания—о женитьбе Эрке-Мöндӱра. Он едет сватать дочь Алтын-хана. Приехав во дворец хана, „коленами был зятем, языком был сватом“. Алтын-хан, хотя и говорит, что бог вам вместе „выкраивал ваши пуповины, вытягивал ваши ресницы“[1], однако хочет испытать его силу и способности. И в этом варианте хан дает ему задание, но не спустить месяц и солнце, а привезти клыки чудовища карагулы—хозяина тайги, чтобы ими подпереть свою сгнившую юрту.[2] В данном варианте уделяется значительное место повествованию о подвиге Эрке-Мöндӱра в борьбе с этим чудовищем. Эрке-Мöндӱр, после того, как привез клыки чудовища, берет дочь Алтын-хана, Алтын-Чачак, в жены, устраивается свадьба. Пожив некоторое время у тестя, Эрке-Мöндӱр говорит: „Кто имеет землю, должен ехать в свою землю, кто имеет свой юрт (т. е. юрту—С. С.), должен ехать в свой юрт“.[3] С молодой женой он отправляется к своему отцу и матери. По дороге „Эрке-Мöндӱр раз встряхнулся, сделался белопестрой рысью и поскакал, во второй раз встрепенулся, сделался черным аттыгыр маралом и поскакал; в третий раз встряхнулся, сделался чернопегим беркутом и полетел выше белых облаков. Жена раз встряхнулась, сделалась золотым платком и обвила шею и плечи (Эрке-Мöндӱра); во второй раз встряхнулась, сделалась красной лисицей и побежала трухней (т.е. мелкой рысцой); в третий раз встряхнулась, сделалась золотой кукушкой и над головой коня по обе стороны кукует[4]“. По возвращении домой устраивается свадебный пир. На этом сказание заканчивается.

К нижнекатунскому варианту Ч. Куранакова по наличию персонажа Белой старухи или Матери Земли (Jер-эне) примыкают все тубаларские варианты (Н. П. Черноевой, Н. У. Ула-

---

[1] *Н. Я. Никифоров*. Аносский сборник, стр. 24.
[2] Там же стр. 25.
[3] Там же, стр. 29.
[4] Там же стр. 30.

гашева, Е. К. Таштамышевой). В то же время в тубаларских вариантах есть эпизоды и мотивы, сближающие их с вариантами телеутов. Это относится, главным образом, к эпизоду добычи богатырским конем молока, печени, черной родинки или мозга какого-нибудь животного или чудовища для оживления героя и его сына. Рассказ об этом в каждом из тубаларских вариантов занимает большое место. Кроме того, в каждом из них есть также некоторые оригинальные мотивы и трактовки. Поскольку вариант Н. У. Улагашева опубликован, а Таштамышевой публикуется в данной книге, более подробно остановимся на варианте Н. П. Черноевой,[1] полностью записанной нами.

В ее варианте действие также начинается с отъезда богатыря на охоту.

Аттыҥ эди јыту эмес,
Аҥныҥ эди санал болды.
Малдыҥ эди јыту эмес,
Балык эди санал болды.[2]

(Конское мясо не дурно пахнет,
Марального мяса захотелось поесть,
Скотское мясо не дурно пахнет,
Рыбу захотелось поесть.)

Во время многолетнего пребывания богатыря на охоте жена Эже-Буудай и сестра Дьаран-Чечен ловят двух уток и пытают:

Суудыҥ бажына слер чыккан,
Суудыҥ белтирине слер тўшкен,
Јердиҥ сыртын јети айланган,
Алтай сыртын алты айланган,
Кайда јакшы каан көрдөөр?[3]

(К истокам рек вы поднимались,
К слияньям рек вы спускались,
Семь раз землю облетели,
Шесть раз Алтай облетели,
Скажите: где лучшего хана видели?)

Селезень отвечает, что „лучше и сильнее Алтай-Буучая никого нет на свете“. Жена и сестра не верят, что Алтай-Буучай жив. Они начинают пытать селезня, выщипывая пух. Но селезень твердит одно и то же и „умирает“ за правду. Тогда женщины принимаются пытать утку, которая вынуждена сказать неправду:

---

[1] Фольклорный фонд Горно-Алтайского научно-исследовательского института ИЯЛ, папка 172.
[2] Там же, стр. 5.
[3] Там же, стр. 10.

Мениҥ јӱрбеген суу јок,
Меииҥ көрбөгөн јер јок.
Аранай, Шаранай эки карындаш—
Олордоҥ артык эр јок.[1]

(Нет реки, где бы я не плавала.
Нет места, которого бы я не видела.
Аранай и Шаранай два брата живут,
Нет лучше их мужей на свете.)

Женщины пишут письмо Аранаю и Шаранаю на крыле утки, „что жена осталась без мужа, скот остался без хозяина". Но Алтай-Буучай возвращается раньше их приезда. По возвращении он делит свою богатую добычу народу:

Аҥ-кийиктиҥ эдини
Эли-јонго ӱлеп турат.
Киш каразыныҥ терезини
Бөөлји эдерге ӱлеп турат.[2]

(Мясо зверей
Племени-народу делит.
Шкуры черных соболей
Для украшения шапок делит.)

Жена представляется больной и просит его привезти молоко маралухи, затем—печень семи желтых собак, оказавшихся духами-хозяевами. Богатырь добывает маралье молоко и печень семи желтых собак, чтобы ими исцелить жену, но старуха, у которой богатырь останавливался на отдых, крадет все это и заменяет коровьим молоком и печенью простой собаки. Впоследствии спрятанные средства пригодились для оживления Алтай-Буучая. Во время этих поездок Алтай-Буучая жена приготовляет вино-яд. Когда Алтай-Буучаю жена предложила выпить вина, он говорит:

Адам айдатан озо:
„Эзириктиҥ эрмеги эндөг болор,
Калаҥыныҥ эрмеги калјуур болор,
Оны ичпейтен".[3]

(Отец прежде говаривал:
„Речь пьяного глупой бывает,
Речь хмельного бранной бывает,
Пить его нельзя".)

Но сестра, взяв золотую чашку с вином и держа ее перед старшим братом, поет так, что „на твердой земле цветок растет, засохшее дерево пускает листья". Богатырь продолжает отказываться. Тогда жена берет на руки своего сына Эрке-

---

[1] Там же. стр. 11.
[2] Там же стр. 20.
[3] Там же стр. 21.

Мендира и говорит: „Попробуй хоть одну чарку ради единственного сына". Алтай-Буучай не выдерживает и выпивает. Затем он просит еще вина, и жена подает вторую, третью чарку, а в конце преподносит яд. Когда Алтай-Буучай свалился, приезжают Аранай и Шаранай и начинают пинать пьяного, колоть пикой. Затем отрезают его правый большой палец и обе ноги. Сын Эрке-Мендир бежит на гору, мать зовет его пососать грудь и отсекает ножницами ногу.

После этого Аранай и Шаранай угнали скот и народ. По дороге часть скота отделилась и побежала назад. Аранай погнался за скотом и богатырский конь под ним „пал". Затем побежала другая часть скота, и Шаранай, погнавшись за нею, также остаётся без коня: второй конь также вытянул ноги. Рассказ о спасении боевым конем богатыря двух его собак, двух соколов, отнятии от врагов большого пальца и ног героя почти такой же, как и во всех других вариантах. Затем богатырский конь отправляется в поиски лекарства для оживления своего хозяина и его сына к старухе Матери-Земле. По прибытии к ней, он говорит:

Ээр кажы сынган-дийт,
Эр-алыбым өлгөн-дийт.[1]

(Лука седла сломалась,
Муж-витязь погиб.)

Старуха сначала не верит, что это конь Алтай-Буучая.

Алтай-Буучай кайдып өлгөн?
Алтай-Буучай өлбөскө бүткен.[2]

(Алтай-Буучай как может погибнуть?
Он родился бессмертным.)

Она подвергает коня испытанию: протягивает девяностосаженный аркан, ставит на круп коня золотую чашку с молоком и пускает его бегать по аркану. Если молоко прольется —конь не Алтай-Буучая, не прольется—значит, его. Темичи-Дьеерен не проливает ни капли. Старуха, наконец, поверив, скорбит и причитает. Затем она велит ему привезти младшую дочь Юч-Курбустана, Эрке-Коо. Рассказ о поездке богатырского боевого коня в небесный мир и похищении девы-воскресительницы также совпадает с предыдущими вариантами, в особенности с теленгетскими. Как и в других вариантах, конь привозит ее, низко кланяется и просит оживить своего хозяина и его сына. Дева Эрке-Коо оживляет их полученными от старухи маральим молоком и печенью собаки, приговаривая:

---

[5] Там же, стр. 38.
[6] Там же, стр. 38

Өчкөн оды камылзын,
Өлгөн кижи тирилзин,
Алтай-Буучай
Ал тайгазына ангдап јӱрзин,
Албаты—јонын көрӱп јӱрзин![1]

(Угасший огонь пусть зажжется,
Умерший человек пусть воскреснет,
Алтай-Буучай
Пусть в богатой своей тайге охотится,
Пусть живет и смотрит на свой народ!)

После оживления хозяина конь доставляет Эрке-Коо обратно на небо, но отец ее не принимает. Он велит сказать Алтай-Буучаю: „Бойына алып, эмеген эттен беди, уулына берип, келин эттен беди бойы билзин“ (Взяв за себя, женой сделать хочет ли, выдав за сына, снохой сделать хочет ли—пусть сам знает). Алтай-Буучай, услышав это, говорит: „Јаш кижи бойы таап алар, бойым аладым“. (Молодой человек сам себе жену найдет, лучше за себя возьму). Тут же устраивается свадебный пир. Мстить Аранаю и Шаранаю отправляется сын Эрке-Мендир. Аранай и Шаранай не оказываются дома: они уехали воевать братьев Ойтолбо и Бойтолбо. Погнавшись за ними, Эрке-Мендир по дороге видит: лежат чьи-то руки, оторванные от туловища, затем встречает оторванные ноги, потом видит два пня, которые разговаривают между собой—это и есть Ойтолбо и Бойтолбо. Над ними поиздевались Аранай и Шаранай. Эрке-Мендир восстанавливает им руки и ноги, а сам догоняет Араная и Шараная и зарубает их.

Возвратившись домой, Эрке-Мендир сообщает, что хочет жениться на дочери Кӱнгер-хана Алтын-Тане.

Айыбыс бирде туулган,
Кӱнибис бирде чыккан,
Одыбыс ньангыс кӱйген,
Орыныбыс ньангыс төжөлгөн.[2]

(Наша луна в один день родилась,
Наше солнце в один день взошло.
Один очаг для нас зажжен,
Одна постель для нас постлана.)

Сюжет о женитьбе Эрке-Мендира отличен от телеутских. Он берет жену силой, уничтожив Кӱнгер-хана, встретившего его войною. После возвращения с женой к отцу и матери, он едет сражаться с сыном Ӱлгена Ай-Кууком, который „дно ведра лизал, у многих кровь выпил“ (көптиң канын ичкен, көнөктиң тӱбин јалаган). Одержав победу над ним, сын с отцом зажил мирной жизнью.

---

[1] Там же, стр. 45.
[2] Там же, стр. 63.

В вариантах Улагашева и Таштамышевой, очень сходных между собой, нет эпизода ловли и пытки уток. Жена богатыря, Эрмен-Чечен, отправляет свою дочь Дьараа-Чечен (которая в этих вариантах выступает вместо сестры богатыря) на вершину горы, дав ей волшебное зеркальце.

Бо көрнөшти
Јердиң сыртыны эбреде тудуп,
Алтай сыртыны айландра тудуп,
Көр турзаң,
Кандый ла каан јуртап јаткан—
Көдрө сениң алдына келер.
Айарда,
Каты јок каан кайда бар—
Аны көр—дийт.[1]

(Это зеркальце
На все стороны света направь,
Алтая поверхность вокруг отрази.
Глянешь—
Все ханы, где б ни жили,
Перед тобой предстанут.
И тогда посмотри:
Кто из них не женат.)

Дочь с помощью зеркальца видит стойбища неженатых Араная и Шараная. Эрмен-Чечен пишет им письмо, которое отвозит Дьараа-Чечен.

Иначе рассказывается эпизод и об оживлении богатыря и его сына. Конь Темичи-Дьеерен, строго наказав собакам ни на шаг не отходя караулить тело хозяина и его сына, не допускать ни птиц, ни червей, а беркутам—доставлять собакам зайцев и кормить их, сам отправляется по Алтаю в поисках лекарства.

Алтай-Буучайны тиргизетен
Эм табарга
Өлөңди өлөңгө түңнеп,
Агашты агашка түңнеп,
Алтай сыртын айланып јүрет,
Јердиң сыртын эбирип јүрет.[2]

(Чтобы Алтай-Буучая оживить способное
Лекарство чтоб найти,
Травы с травами сравнивая,
Деревья с деревьями сравнивая,
Он по Алтаю кружит,
Всю землю обегает.)

Ему в пути встречается маленькая юрта (јүлтече јурт), из которой выходит тонкая струйка дыма (јүлүнче түдүн). Конь заглядывает во внутрь и видит: лежит старуха, „одним ухом накрывшись, другое под себя подстелив“ (бир кулагыны јабынган, бир кулагыны јастанган). Это Мать-Земля (Јер-эне).

---

[1] См. ниже раздел „Тексты“, стр. 123
[2] См. ниже раздел „Тексты“, стр. 136

Он а-то и есть мать Алтай-Буучая. У Улагашева и Таштамышевой она сразу узнает Темичи-Дьеерена и спрашивает: „Зачем явился?“ Конь отвечает:

Ээр кажы сынды—дийт,
Эр кижи ӧлди—дийт.[1]

(Лука седла сломалась,
Богатырь-хозяин погиб.)

Старуха посылает Темичи-Дьеерена к красной лисе с „семьюдесятьюсаженным“ хвостом, которая лежит „на перекрестке семи дорог под семиствольным железным тополем“. Лиса, услышав просьбу низко поклонившегося ей коня, засыпает на своем пышном хвосте, отказавшись от услужливо предложенного темичи-дьеереновского хвоста—„жесткой постели“. Через некоторое время она просыпается и сообщает увиденное во сне: Алтай-Буучая можно оживить только родимым пятном девяностоголового чудовища Дьелбегена.

Темичи-Дьеерен отправляется на землю Дьелбегена, где „нет ни зеленой травинки, ни листочка на деревьях“, куда „ни зверь не заходит, ни птица не залетает“. Чудовище живет в „девяностодевятиуглой“ черной юрте с „девяносто“ дымоходами. Конь превращается в воробья и пролетает над юртой. Дьелбеген, заметив его тень, выбегает посмотреть, что это за невидаль летает. Девяносто голов его кружатся, сто восемьдесят глаз следят за птицей, но что это за существо—понять не может. Дьелбеген повертывает назад, чтобы взять лук и стрелу. Но едва он открывает двери, как конь, красной нитью спустившись с неба, лягает чудовище в спину, зубами отрывает между девяноста голов Дьелбегена родимое пятно величиной с овцу и мчится домой.

Темичи-Дьеерен с добычей возвращается на свою землю. Он видит, что тела хозяина и его сына целы, собаки, караулившие их, живя на всем готовом, разжирели так, что не могут с места подняться, а беркуты, беспрерывно доставлявшие им пищу, настолько исхудали, что еле живы.

Конь, приставив большой палец богатыря к руке, смазывает родимым пятном Дьелбегена, кладет в рот Алтай-Буучая, и тот сразу вскакивает на ноги, став „в два раза лучше, чем прежде, в десять раз сильнее, чем раньше“. Алтай-Буучай думает, что он долго спал и восклицает: „Съешь мясо отца![2] Ну и спал же я!“ Но конь рассказывает о случившемся.

В этих вариантах также имеется рассказ о поездке богатырского коня в небесный мир за девой-воскресительницей. Но ее привозят для того, чтобы оживить не Алтай-Буучая, а его сына.

---

[1] См. ниже раздел „Тексты“, стр. 138

[2] Съешь мясо отца!—бранное выражение.

Эпизод похищения дочери Тенери-хана здесь несколько усложнен. В них говорится, что Темене-Коо уже была сосватана за сына другого небесного жителя—Темир-хана. В полнолуние младшая сестра жениха на вороном коне приезжала к невесте и вместе ездила с ней. Темичи-Дьеерен, узнав об этом, превращается в воронка, из одного волоса своего хвоста делает „младшую сестру жениха“ и, приехав к Темене-Коо, приглашает ее поездить. Темене-Коо соглашается. Конь мчит ее на землю. Когда девушка приходит в сознание, она оказывается уже около Алтай-Буучая и его мертвого сына.

Очень интересным эпизодом в варианте Улагашева и Таштамышевой, так же, как и у Куранакова, является встреча и диалог Алтай-Буучая со стариком-отцом Араная и Шараная, после расправы с последними. Старик говорит богатырю:

Je Алтай-Буучай,
Уулдарым барып,
Jуртыҥ ӱсти дейле,
Ӧлтӧрзӧҥ—бойыҥда,
Ӧстӧрзӧҥ—бойыҥда.
Мен токтот болбийин салгам.[1]

(Ну что ж, Алтай-Буучай,
Мои сыновья
Разорили твоё стойбище.
Теперь в твоей воле:
Хочешь—убей меня,
Хочешь—оставь в живых.
Сыновья меня не послушались.)

Алтай-Буучай ему отвечает:

Je, апшыйак,
Малыҥнаҥ мал албазым,
Jӱртыҥ тегбезим.
Ас-тос малынды башкарып,
Арга-ньонынды башкарып,
Ӧлгӧнчӧ jуртап jат.[2]

(Ладно, старик,
Твоего скота не возьму,
Твое стойбище не трону.
Правь своим немногим скотом и народом,
Живи до самой смерти.)

У Улагашева и Таштамышевой Алтай-Буучай говорит, что воюет только с врагами, а стариков не трогает. Алтай-Буучай берет только свой народ и свой скот и отправляется на свою землю.

Бойыныҥ ла малыны,
Бойыныҥ ла ньоныны
Айдап алып,
Ньанып нйди.[3]

---

[1] См. ниже раздел „Тексты“. стр. 151
[2] См. ниже раздел „Тексты“, стр. 151
[3] См. ниже раздел „Тексты“, стр. 151

(Только свой скот гоня,
Только свой народ ведя,
Домой поехал.)

А остальным пленникам, когда-то взятым Аранаем и Шаранаем, он предоставляет свободу.

В вариантах Улагашева и Таштамышевой нет вопроса-загадки, задаваемой богатырем женщинам-изменницам. У Улагашева во время вторичного единоборства богатыря с соперниками последним также помогают женщины, бросая под ноги кобылий послед и сосновые шишки. Алтай-Буучай, разгневавшись, говорит:

Аштап јаткан тужунда
Ан эдиле азырайтам слерди.
Јылу јакшы јўрзин деп
Кишле слерди оройтом.
Нениҥ учун экинчизин
Меге кара санандыгар?

(*Н. Улагашев.*)

(Когда голодными вы были,
Я маралье мясо вам привозил.
Чтобы вам было тепло,
В соболиную шубу одевал.
Почему же вы вторично
Черный замысел на меня имеете?)

Он пинает их ногой, и они отлетают „за несколько гор". А у Таштамышевой богатырь разрывает их на части.

Повествования о женитьбе сына в этих вариантах нет.

Кумандинский сказитель О. Алексеев при записи от него „Алтай-Буучая" сообщил нам, что слышал это сказание от сказителя—туба Кабака Тыдыжекова, от которого слышала и Е. К. Таштамышева. Но в его варианте[1] некоторые эпизоды отличаются от тубаларских вариантов. Так, например, рассказ о поездке в небесный мир богатырского коня и похищении девы-воскресительницы, будучи схож с вариантами, записанными от сказителей других алтайских племен, отличается от тубаларских. Небесная дева перешагивает через тело богатыря со словами:

Ыйык бойым јўрген боом,
Эр ўстўне алтабаам,
Кыс балазы болгон боом,
Тирилзин деп алтадым.

(Я, целомудренная девушка,
Через мужчину не перешагивала,
Я, чистая девственница,
Чтобы ожил богатырь, перешагиваю.)

---

[1] Отрывок „Алтай-Буучая", записанный мною в 1957 г. от Очубая Алексеева, хранится у меня.

Она богатыря оживить оживила, но дар речи не возвращается к нему. Конь отправляется в поиски средства от этого недуга. Ему встречаются две лягушки—белая и черная,—бьющиеся между двумя озерами—белым и черным. Выслушав их спор и узнав, что черная лягушка хочет захватить оба озера, Темичи-Дьеерен, разгневанный за ее несправедливость, убивает ее. Белая лягушка, которой конь поведал о своем горе и о целях поездки, в благодарность за помощь дает ему половину своего языка. С тех пор, говорится в сказании, лягушки и квакают:

Тилининг јарымызы јок учун
„Мак! Мак!“ деп макылдайт.

(Нет у них половины языка,
Потому и говорят лишь: „ква! ква!“)

Алтай-Буучай съедает половину лягушачьего языка, и к нему возвращается дар речи.

Кроме того, в варианте О. Алексеева есть повествование о женитьбе сына Алтай-Буучая, но оно, по-видимому, возникло совсем недавно. В этом рассказе получили отражение современные обряды и обычаи кумандинской свадьбы.

К тубаларским вариантам также близок вариант чолушманского сказителя Бекия Тантыева[1]. В них совпадают имена персонажей: жена—Эрмен-Чечен, дочь (а не сестра)—Дьараа-Чечен, боевой конь—Темичи-Дьеерен, эпизоды охоты богатыря, отравления его вином-ядом, единоборства и т. д. На основании этих сходств можно предположить, что варианты тубаларов и чолушманцев имеют общий источник. Различие заключается только в том, что, убив богатыря Алтай-Буучая, Аранай и Шаранай вместе с его женой и дочерью не убивают его новорожденного сына, а бросают на произвол судьбы. Мальчика подбирает старуха, оставшаяся в живых после разгрома, которая и воспитывает его. Имеются некоторые и другие отличия от тубаларских. Чтобы осуществить месть Аранаю и Шаранаю, отец с сыном едут к ним вместе. Приехав в их стойбище, они останавливаются черными тучами над их стойбищами. Аранай и Шаранай догадываются, что это прибыли мстители, начинается борьба.

У Тантыева есть также рассказ о женитьбе сына Алтай-Буучая (имя сына—Боодый-Бурхан) на дочери Сары-хана. Боодый-Бурхан, приехав к Сары-хану, узнает, что его дочь сватает много богатырей. Тогда он превращается в волос и начинает плавать на поверхности водопоя. Дочь Сары-хана

---

[1] Рукопись краткой записи, сделанной мною в 1956 г., находится в фольклорном архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, папка „Материалы научной экспедиции 1956 г.“

приходит за водой и, зачерпнув, видит в ведре волос. Она хватает его пальцами и выбрасывает. Волос, т. е. Боодый-Бурхан, успевает в это время вытащить ее обручальное кольцо. Затем он в облике паршивого мужичка Тастаракая приходит к ней. Девушка горюет, обнаружив потерю кольца. Тастаракай говорит: „Вот у меня есть кольцо, но оно принадлежит той, которая должна стать моей женой. Если это твое кольцо, то ты—моя". Девушка согласна выйти за него замуж, если он одержит победу на состязаниях богатырей. Первое состязание—бег богатырей. Но во время бегов, Тастаракай, принявший участие в них, на полпути забывает до какого места они должны добежать и возвращается обратно, чтобы спросить. Побежав после этого, он обгоняет всех и одерживает победу. Второе состязание—найти по следу семилетней давности пробежавшего в горах хорька. Боевой конь Боодый-Бурхана находит этот след, а по следу—и самого хорька. Богатырь берет верх и в других состязаниях, а в конце побеждает самих соперников, которые хотели отнять его невесту силой.

К числу вариантов северных племен Алтая относится и текст Н. М. Ядринцева[1]. Он совпадает с основными вариантами „Алтай-Буучая" большинством своих эпизодов: отъезд богатыря Демчи-Ереня на охоту; пребывание на охоте в течение многих лет; приглашение женой и дочерью сына неба, Чахыр-Саяна, с целью выйти за него замуж („Дом находится без хозяина, женщина без мужа"); возвращение богатыря домой; его подозрение в намерении жены и дочери совершить измену; отравление богатыря вином-ядом во время угощения; приезд Чахыр-Саяна; умерщвление пьяного Демчи-Ереня и увоз его жены и дочери, а также „имения"; побег коня Демчи-Ереня, на котором ехал Чахыр-Саян; поездка богатырского коня на небо и кража из двух сестер Чахыр-Саяна младшей, которая, доставленная на землю, оживляет богатыря Демчи-Ереня; просьба младшей сестры Чахыр-Саяна возвратить ее обратно на небо.

Дальше идет повествование, значительно отличающееся от всех других вариантов. Демчи-Ерень обещает возвратить девицу на небо при условии, если она выкрадет у брата семь собак, принадлежавших ранее ему и уведенных Чахыр-Саяном; сестра просит утку отпустить собак; Чахыр-Саян, погнавшись за собаками и спустившись на землю, сталкивается с оживленным богатырем; происходит борьба, в которой ни тот, ни другой не может взять верх; тогда они мирятся: Чахыр-Саян возвращает Демчи-Ереню его жену, дочь и имение.

Этот вариант от основной массы других вариантов данного

---

[1] *Г. Н. Потанин.* Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, СПБ, 1883, стр. 369—371 (сказка „Демчи-Ерень").

сказания отличается в своей первой части лишь тем, что противник носит не встречающееся в этом сказании имя Чахыр-Саян, а также тем, что он живет на небе и является сыном неба. Вторая часть, видимо, результат поздней переработки, поскольку во всех других вариантах мы имеем во многом сходную, но совершенно отличающуюся от данного варианта концовку.

Таковы все сюжеты и мотивы записанных вариантов сказания „Алтай-Буучай". Из сопоставления их видно, что „Алтай-Буучай" во всех этих вариантах является единым произведением, с твердо устоявшимися сюжетами и деталями, особенно в первой части.

В итоге сопоставления вариантов можно выделить следующую сюжетную основу.

1. Богатырь Алтай-Буучай—глава рода, скотовод и охотник. У него есть жена, сестра (в вариантах тубаларов и Тантыева —дочь) и малолетний сын. Имена их варьируются. Богатырь имеет трех коней, двух собак и двух соколов (или беркутов). Этот мотив встречается во всех вариантах, за исключением вариантов Юлукова, Бутуева и Тантыева, в которых богатырь имеет одного или двух коней.

2. Действие начинается с отъезда богатыря на охоту. В тексте А. Калачева причина отъезда мотивируется иначе, чем в других:

Возьму своих молодцов,
Прогуляться пойду по белому свету,
Всех джигитов пути выслежу,
Следы их всех вымеряю.

Во всех других вариантах говорится об отъезде богатыря на охоту.

Аҥнап, суулап барадым—дийт,
Азык-тӱлӱк јазалар—дийт,
Эјиҥей-быштак эттер—дийт.
Алтайыма аҥ өскөн болор—дийт.
Талайыма балык көп бӱткен болор—дийт,
Одус јылга бар јадым,
Одус јылдыҥ азыгын эттер—дийт.[1]

(Я поеду на охоту,
Припасы мне готовьте,
Сыр и творог сделайте.
Наверно, в тайге моей зверей прибавилось,
В море моем рыба размножилась.
Я поеду на тридцать лет,
На тридцать лет припасы готовьте.)

Сценам охоты богатыря в сказании уделяется

[1] См, «Тексты», стр. 125.

значительное место. Сказители воспевают охоту с особенной любовью, тщательно отрабатывая каждую деталь, опоэтизируя картины труда охотника. Причем в эти картины каждый из сказителей привносит то, что характерно для охотничьего промысла в их местности, что наиболее близко и знакомо им. Так, например, у Калкина Алтай-Буучай охотится на медведей, волков, кабанов, соболей и выдр, у Бутуева—только лишь на маралов приемом выгона их на открытое место, у Курганакова—на маралов и горных козлов, у Таштамышевой—на соболей, выдр. А охота на этих зверей как раз наиболее характерно для тех мест, где записаны варианты этих сказаний. Кроме того, у Таштамышевой богатырь еще рыбачит. Охота всегда описывается как очень удачная:

Туудыҥ аҥын тууга атты,
Суудыҥ аҥын сууга тутты.
Камду аҥныҥ јакшыларын
Карызынаҥ тизендеди,
Албаа аҥныҥ аруларын
Тумчугынаҥ тизендеди.
Удра тиштӱ айу-бӧрӱни
Азузынаҥ тизен салды,
Кайра тиштӱ какайларды
Карызынаҥ тизен салды.
„Алуларды кӧдӱрерге
Кабыргам мениҥ чылады—дийт.
Бу ла аҥды артынарга
Арка-белим јободы“—дийт.[1]

(Горных зверей убивает,
На водных зверьков охотится,
Лучших выдр ловит,
За ноги на веревочки нижет,
Чистых соболей ловит,
В ноздри веревочку продевает.
Прямоклыких медведей, волков
За клыки к седлу торочит,
Кривоклыких кабанов
Ногами вверх привязывает.
„Шкуры зверей поднимать
Ребра мои устали,
Мясо зверей возить
Спина заболела“—конь говорит.)

Повсюду подчеркивается, что охота эта длилась очень долго: „Как из дома выехал, прошло шесть месяцев“ (запись Калачева); „Много лет он был на охоте, и когда опомнился, его волосы были седы“ (запись Ядринцева.)

3. Очень важным мотивом в завязке сюжета является нарушение женой и сестрой наказа богатыря, повлекшее за собой дальнейшие события. Наказ богатыря

[1] См. «Тексты», стр. 82—83.

трактуется по-разному: не класть в огонь „черную печень“ скотины (Юлуков), не мыть ногу в целебной воде (Улагашев), „не спать на мягкой постели, не класть голову на высокую подушку“, чтобы „мысли о мужчине в голову не приходили и не тревожили“ (Черноева) и другие. Но это, по-видимому, различные поздние наслоения к главному наказу, который имеется почти во всех вариантах: не подниматься на вершину горы.

Мен ӱйде јок тужунда
Боро тайга кырына чыкпа,
(В мое отсутствие
На вершину серой горы не поднимайся.)

Во время очень долгого пребывания богатыря на охоте жена и сестра полагают, что он погиб и нарушают наказ.

В некоторых вариантах (Улагашева, Таштамышевой и др.) говорится, что дочь, поднявшись на вершину горы, увидела стойбище неженатых братьев Араная и Шараная, к которым она затем едет сама с письмом матери.

Но в абсолютном большинстве вариантов (Юлукова, Калкина, Сонукова, Алагызова, Черноевой, Куранакова и других) наличествует мотив л о в л и и п ы т к и у т о к.

Јердиҥ сыртын јети айланганг,
Алтай сыртын алты айланганг,
Кандый каан алмын-чулмун
бар болгонын
Кӧрдиҥ бе ле айдып бер—дийт.[1]

(Вы поверхность земли семь раз
облетели,
По Алтаю шесть раз кружили:
Хана сильного и ловкого
Где видели—скажите.)

Получив от утки-самки ответ, что такими ханами являются Аранай и Шаранай, женщины пишут письмо им на ее крыле.

4. Эпизод д о с т а в к и п и с ь м а у т к о й, а также эпизоды, связанные с рабыней-водоносицей, отцами Араная и Шараная—Алтаном-Шалтаном и столкновением с ними их сыновей в некоторых вариантах, например, телеутских, отсутствуют. Но они связаны с предыдущим мотивом, и варианты, в которых они имеются, кажутся более полными.

5. Следующим эпизодом является п р и е з д А р а н а я и Ш а р а н а я в с т о й б и щ е А л т а й-Б у у ч а я и п и р у ж е н щ и н. В варианте Алагызова и в тексте Ядринцева противники приезжают в стойбище после возвращения бога-

[1] См. «Тексты», стр. 84.

тыря с охоты и отравления его женщинами. Однако во всех остальных вариантах они приезжают раньше. Старший брат Аранай намеревается жениться на жене богатыря, младший, Шаранай—на сестре, скот и народ решают угнать, стойбище—разрушить.

Но возвращается с охоты Алтай-Буучай. Эрмен-Чечен и Дьараа-Чечен в страхе, что богатырь жестоко накажет их, принимают коварное решение—отравить его ядом. Мотив приготовления яда встречается во многих вариантах. В записи Потанина говорится, что женщины приготовили яд из человеческого и конского пота и семидесяти цветов. У Ч. Бутуева жена и сестра сделали яд из змеиной крови. В записи Калачева и других вариантах рассказывается о приготовлении трех видов вина (араки) путем многократной перегонки:

Первое высиживали—напоить его, чтоб помутился ум,
Второе высиживали—напоить его до бесчувствия,
Третье высиживали—отравить его.

Аранай и Шаранай прячутся в это время или в женской половине юрты (эпши јанында), или в вырытых ямах внутри юрты (Улагашев, Таштамышева), или превращаются в двух пней (Куранаков). Только в одном варианте Бутуева соперники остаются сидеть в юрте в качестве „гостей".

6. Возвращение Алтай-Буучая с охоты в большинстве вариантов рассказывается весьма подробно. Сначала появляются две собаки, которые принесли по „семьдесят оленьих тушь". Затем к стойбищу подъезжает сам Алтай-Буучай. Два серых беркута сидят на его плечах. У коня хвост и грива не видны: много добра навьючено, с богатой добычей богатырь вернулся.

В тубаларских вариантах (Черноевой и Таштамышевой) в эпизоде возвращения богатыря встречается очень интересная деталь, отсутствующая в других. Это—раздача богатырем привезенной добычи. В варианте Черноевой он свою добычу делит народу (см. выше). У Таштамышевой богатырь делит добычу между женой и дочерью:

„Аймактан көрүп талдап алган
Көзи јараш эжим—деди.
Мыны тон эдин"—деп,
Камнаа терезин таштап берди.
„Јараа-Чечен јараш балам,
Мыны тон эт кий"—деп,
Киш терезин таштап берди.[1]

(„Из аймака выбранная
Красивоокая жена.
На, сшей себе шубу"—
Шкурки выдр ей к ногам бросил.

[1] См. «Тексты», стр. 131.

„Дьараа-Чечен дочь-красавица,
Из этого сшей себе шубу"—
Соболиные шкуры ей бросил.)

7. Одним из основных сюжетов сказания является о т р а в л е н и е и у м е р щ в л е н и е б о г а т ы р я. Он имеется во всех без исключения вариантах. Различия встречаются лишь в деталях. В отдельных вариантах (Куранаков и др.) богатырский конь еще в пути заранее предчувствует опасность и предупреждает об этом своего хозяина. Это один из древнейших мотивов алтайского эпоса. Однако богатырь не слушается своего мудрого советника—коня и поэтому попадает в беду. Жена и сестра во время угощения его преподносят вино-яд. По некоторым вариантам, отравленный богатырь падает, а Аранай и Шаранай его бьют, отрезают большой палец его правой руки. Но наиболее часто встречается эпизод единоборства богатырей и связанные с ним различные другие мотивы: зов коней, собак, соколов; обращение к жене и сестре отпустить коней, собак, беркутов; просьба под ноги Араная и Шараная бросить скользкий предмет (кобылий послед и др.), а под его ноги—твердый предмет (сосновые шишки и др.).

Аранай и Шаранай с помощью женщин валят богатыря на землю, но умертвить не могут: рубят мечом—мечи ломаются, колют пикой—проткнуть не могут, стреляют из лука—стрела отскакивает. Жена Эрмен-Чечен говорит, что „душа" Алтай-Буучая находится в большом пальце его правой руки. Аранай и Шаранай его собственным мечом (по Калкину—складным ножом) отрубают большой палец (по Калкину—выколупывают и глаза), вьючат на коня (или верблюда), чтобы увезти с собой, а тело сталкивают в глубокую яму. Противники вместе с отцом умерщвляют и его малолетнего сына, Эрке-Мендира, еще не вставшего на ноги, а по многим вариантам—мать отсекает ножницами его ноги.

После этого Аранай и Шаранай осуществляют свой замысел: грабят и увозят имущество богатыря, сжигают стойбище, гонят табуны, уводят жен, а в некоторых вариантах (Калкина, Таштамышевой, Черноевой, Куранакова, Мандыякова)—и народ.

8. Переход к дальнейшим событиям связан с эпизодом и з б а в л е н и я к о н е й, с о б а к, б е р к у т о в и о т н я т и я о т в р а г о в б о л ь ш о г о п р а в о г о п а л ь ц а б о г а т ы р я и н о г е г о с ы н а. Эти эпизоды отсутствуют лишь у Бутуева. Но во всех остальных они имеются. Различия есть только в деталях. По некоторым вариантам (Калкин и другие) Аранай и Шаранай, ехавшие на конях Алтай-Буучая решили испытать их бег. Во время состязания один из коней „об один камень споткнулся, о другой голову себе пробил, землю боднув, растянулся". Так все кони представляются мертвыми и остаются лежать на дороге. Аранай и Шаранай, поиздевавшись над ними и сняв седла, пересаживаются на

своих коней. По другим вариантам кони падают во время погони за отделившейся от табуна кобылой или частью табуна. Когда Аранай и Шаранай оставляют их, то они „в трех местах повалялись, сорвали вершинки семи трав и убежали". Варьируется также мотив оборачивания коней и собак (в марала, медведя, волков, лисиц и т. д.), а беркуты, которые должны были полететь за пальцем богатыря и ногами его сына, во всех вариантах превращаются в воробья көктиек.

Добыв палец Алтай-Буучая и ноги Эрке-Мендира, собаки и беркуты прячут тело богатыря в непроходимом лесу.

Тӱшчи кижи тӱженип таппас,
Тармачы кижи тармадап таппас.

(Сновидец во сне не найдет,
Гадатель на яву не отыщет.)

И когда Аранай и Шаранай возвращаются, чтобы сжечь тело богатыря, то ничего не находят. Ханы восклицают:

„Чӧӧ! Ту кажы јерде ӧлӱп,
Чирип калган кижи дийт ол,
Куш-курт јев ок бардыйн.
Аны бедреп јӱртен
Бу бистиҥ ле јӱӱлгегис"—дежип,
Каткыла, јыргалла ньанып ийдилер.[1]

(„Тьфу! Он ведь давно умер,
Кости его истлели,
Птицы и муравьи растащили.
Зачем мы его ищем?
Что за глупость на нас нашла?"—
Со смехом и весельем домой повернули.)

9. За этими событиями следует повествование о оживлении Алтай-Буучая и его сына. Рассказ об оживлении богатыря и его сына имеет несколько вариантов. Главными из них являются: поездка богатырского коня прямо за дочерью небожителя, которая и оживляет богатыря и его сына (тексты Калачева, Потанина, вариант Юлукова); поездка коня к старухе Матери-Земли, которая отправляет его за девой-воскресительницей (Куранаков); старуха Мать-Земли посылает коня добыть черную родинку какого-либо чудовища (Сонуков, Улагашев, Таштамышева), и уже затем конь едет за небесной девой; дева-воскресительница посылает коня добыть лекарство для оживления богатыря (Алагызов, Алексеев).

Во всех этих вариантах значительное место занимает рассказ о поездке богатырского коня на небо и похищении дочери небожителя. Этот рассказ во всех вариантах очень сходен, кро-

[1] См. „Тексты". стр. 137

ме текста Потанина и вариантов Улагашева и Таштамышевой, где он несколько осложнен (см. выше). В телеутских, тубаларских и кумандинском вариантах много места занимает и повествование о приключениях богатырского коня во время добычи средства для оживления богатыря: черной родинки Дьелбегена, мозга змея, языка лягушки и т. д. По-видимому, эпизоды, связанные с поисками средства для оживления героя, в северных вариантах введены в разное время или заимствованы из разных источников. Поэтому, наверное, и возникло двойное нахождение богатырским конем средства или способа оживления богатыря и его сына: небесная дева и какой-нибудь атрибут чудовища. В телеутских вариантах небесная дева сама оживляет и богатыря и его сына, без каких-либо лекарств или средств—просто перешагивая через тело и ударяя плетью (этот мотив, кстати, встречается во многих алтайских сказаниях: „Когутей", „Алтайын Сайын Салам" и другие).

10. Затем идет сюжет отвержения небожителем своей дочери. Алтай-Буучай, оживленный девой, выражает свою благодарность и велит коню отвезти ее обратно на небо (а в некоторых вариантах она сама, обратившись ласточкой или гусем, улетает на небо). Но отец ее не принимает, приказывает покинуть небо, мотивируя тем, что она осквернилась, побывав на земле, а в вариантах Улагашева и Таштамышевой—тем, что она оживила охотника, который не приносил ему жертвы.

„Анды өлтүргенде,
Jөөжөни тапканда,
Качан да биске берү бербеен"—деп
Чуулдады аа jок.[1]

(Когда зверей убивал,
Шкуры добывал,
Никогда жертву не приносил"—
Так, сердясь, говорил.)

Дева возвращается на землю и выходит замуж за Алтай-Буучая. При этом она говорит ему: „Я и есть та, на которой ты должен жениться" (Салымду алатан эш-нөкөринг мен болгом). В некоторых теленгетских вариантах ее берет в жены Эрке-Мендир.

11. После оживления богатыря следует сюжет о мести противникам, который также варьируется, хотя содержание от этого не изменяется.

В вариантах А. Калкина, Баксарина, Мандыякова и Черноевой месть совершает сын Алтай-Буучая Эрке-Мендир (или же сын с отцом).

Но в большинстве вариантов расправа над противниками

---

[1] См. „Тексты". стр. 148

предоставляется самому Алтай-Буучаю. Сборы богатыря в поход, богатырская поездка, сражение, поединок или единоборство рассказываются в традиционном плане, они не особенно отличаются от подобных сюжетов других алтайских сказаний. Перед сражением богатырь произносит обвинение:

Адаардаң арткан
Алымыгар менде калды ба?
Энеердиң берген
Эскигер менде калды ба?
Јееземди јемирип,
Јерде малым не айдадаар?
Коозомды кодорып,
Колдо јөөжөм не коштодоор?
Көлди болзо слер ичкен,
Көпти болзо слер јиген.
Аныҥ каруузына эмди туругар![1]

(Данный вашим отцом
Долг у меня остался что ли?
Данное вашей матерью
Старье осталось что ли?
Почему мое жилище разбросали,
Скот с пастбищ угнали?
Почему навоз раскопали,
Имущество мое увезли?
Выпили вы целое озеро,
Съели вы многих людей,
За все теперь отвечайте!)

Богатыри стреляют из лука, колют друг друга пикой, рубят мечом, а затем вступают в единоборство.

В некоторых вариантах враги выступают против богатыря с войском. Тогда изображается битва богатыря с вражеским войском. При этом иногда богатырь, поднявшись на гору, обрушивает на них камни.

После осуществления мести Аранаю и Шаранаю в вариантах Куранакова, Улагашева и Таштамышевой Алтай-Буучай встречается с их отцом, щадит его жизнь, затем возвращает свой скот и народ.

12. В заключительном эпизоде первой части сказания нужно особо выделить расправу Алтай-Буучая с изменницами—женой и сестрой. Он или его сын пинает их ногой, или ударяет плетью насмерть, или вешает вниз головой на коновязь. Но самым распространенным (причем в вариантах различных районов: тексты Калачева и Потанина, варианты Юлукова, Сонукова, Мандыякова, Баксарина, Алексеева и других) мотивом является привязывание их к хвостам кобылиц и казнь скребком для выделки кожи. Причем во всех этих вариантах богатырь спрашивает по очереди

---

[1] См. „Тексты", стр. 106

у женщин: „Что желаете: скребок или яловую кобылицу?“ Сестра отвечает: „Если дашь скребок, я выделаю кожу и сошью тебе шубу“. Богатырь, накалив в огне скребок, вонзает его в сестру или отрубает ей голову. Жена говорит: „Если дашь яловую кобылицу, я буду доить и из ее молока сделаю вино“. Богатырь привязывает ее к хвостам кобылиц, которых разгоняет в разные стороны.

Если наказание производит сын (например, у Юлукова), то и вопрос и наказание он осуществляет только в отношении сестры отца, а расправу над матерью он предоставляет отцу.

13. Повествование о женитьбе сына Алтай-Буучая (или сюжет о самостоятельной жизни и борьбе героя второго поколения), как мы уже видели, встречается не во всех вариантах. Женитьба Эрке-Мендира происходит в результате героического сватовства. Но детали при этом бывают весьма разнообразными. Вообще же, как уже указывалось, сюжет о женитьбе сына, должно быть, позднего происхождения. Первоначально, вероятно, в сказании повествовалось о женитьбе самого Алтая-Буучая после победы его над врагами и наказания жены. Но наличие в некоторых вариантах сказания сына, роль которого вначале, должно быть, сводилась к демонстрации жестокости женщин, изувечивших невинного ребенка, могло навести на мысль показать и его судьбу, его будущую счастливую жизнь, олицетворением чего в эпосе и является благополучная женитьба молодого героя. Раз начавшийся сюжет в дальнейшем мог развиваться и ответвляться на множество вариантов, что мы и видим сейчас в истории второго поколения эпоса „Алтай-Буучай“.

14. Сюжет об отражении нападения заступников Араная и Шараная (Черноева, Бутуев, Калкин) не развернут широко, но тем не менее на него следует обратить внимание. Он возник, вероятно, в дальнейшем развитии эпоса для демонстрации достоинств сына Алтай-Буучая, не уступающего ему в своих героических делах. И только после совершения этого подвига сыном (или сыном совместно с отцом) они заживают мирно и счастливо, охраняя свой народ и богатство.

Из перечня основных сюжетов и мотивов сказания „Алтай-Буучай“ видно, что важнейшими конфликтами в них являются: конфликт между богатырем и его женой и сестрой (мотив нарушения запрета и измены с последующим переходом на сторону врага и расправой с мужем и сыном), борьба между героем и братьями Аранаем и Шаранаем как представителями другого племени, переосмысленных впоследствии как представители чуждого класса (угон скота, месть); борьба Эрке-Мендира с отцом невесты (выполнение трудных заданий); наконец, отражение нашествия злых сил. В последнем случае выступает мотив борьбы с чудовищами, что говорит о том, что при со-

здании сюжета о втором поколении сказители использовали уже бытовавшие в народе сюжеты и мотивы. Это наиболее главные конфликты. Помимо них есть сопутствующие им мотивы: столкновение Араная и Шараная со своими родителями, богатырский конь как помощник героя и другие чудесные помощники, изгнание Тенери-ханом своей дочери и т. д. Но поскольку эти сопутствующие сюжеты введены в сказание как вставные рассказы, то некоторые из них часто выпадают из отдельных вариантов, без большого ущерба для дальнейшего хода повествования.

Центральными персонажами сказания являются отец и сын— Алтай-Буучай и Эрке-Мендир, вокруг которых и строится все повествование. Такое построение характерно и для ряда других древних эпических произведений алтайцев („Маадай-Кара", „Сӱмер-Тайчы" и др.), причем в этом повествовании отец обязательно гибнет или попадает в плен, а сын, выросший богатырем, мстит за него, а затем женится и закладывает основу дальнейшей счастливой жизни рода или племени.

В некоторых вариантах, как мы уже видели, есть попытки продолжить повествование за счет введения других сюжетов. В этом нужно видеть последующее стремление к созданию большого эпического произведения. Примером такой попытки является онгудайский вариант, записанный Г. Н. Потаниным, в котором вокруг имени Алтай-Буучая и его сына стали контаминироваться различные сюжеты и мотивы, взятые сказителями из других эпических произведений. Но этот процесс в отношении эпоса „Алтай-Буучай" не получил широкого развития. Не получила устойчивости и попытка создания алтайцами своего „Джангара", наподобие калмыцкого, путем сведения в одну крупную эпопею всех алтайских сказаний, в том числе и „Алтай-Буучая" (Алтай-Буучай—средний сын Jангар-Боодо), о чем свидетельствуют сведения Ч. Бутуева, а также Н. У. Улагашева об этом же цикле под таким же названием[1]. „Алтай-Буучай" так же, как и другие сказания алтайцев, остался самостоятельным эпическим произведением, главным образом, в своей древнейшей сюжетной основе.

Характерными особенностями композиции героического сказания алтайцев, в том числе и „Алтай-Буучая", является то, что в каждом из них соблюдается принцип определенной последовательности всех эпизодов и сцен. Эта последовательность в данном сказании является традиционной. Могут быть случаи забвения и изменения отдельных имен персонажей

---

[1] Об Улагашевском цикле „Дьанар" см. Л. П. Потапов, Выступление на заседании Ученого Совета института этнографии АН СССР, Сов. Этнография, № 6, 1944; С. С. Суразаков, Героический эпос алтайцев, Ученые записки Горно-Алт. НИИ ИЯЛ, вып. 2, 1958, стр. 95.

(в „Алтай-Буучае“: жена—Эрмен-Чечен, Эрке-Чечен, Озо-Чечен, дочь—Яраа-Чечен, Ямчыр-Чечен и т. д.), могут даже забываться и исчезать некоторые эпизоды, появляться новые, но конкретная последовательность их изложения почти всегда остается неизменной. При этом эпизоды и сцены имеют внутри произведения некоторую самостоятельность (расчлененность) и переход от одних к другим часто осуществляется с помощью выражений: „Онойтконның ол соңында“ (после того, что было) или „аның кийининде“ (после этого) и т. д. Сказители считали своим долгом рассказать лишь то, что рассказывали их предшественники. За пропуски и упущения, говорили они, богатырь может наказать. И именно об Алтай-Буучае особенно распространены рассказы о том, что он к сказителю, который что-либо про него забывал, являясь во сне, жестоко его наказывал[1]. Основные поступки и действия персонажей сказителями запоминались твердо, что не мешало характерному для всякого живого эпоса вариативности сюжетного развития данного сказания.

А. Калачев писал о значении эпоса в жизни теленгетов: „Если они и не переживают той эпохи, когда складывались у них эти песни, легенды (это, конечно, относится и у них к самой глубокой древности), то они переживают эпоху, когда эти былины и легенды тесно сливаются с самой их жизнью, выражая их понятия, верования и мечты“.[2] Поэтому у теленгетов исполнение эпоса считалось очень важным и серьезным делом, не допускались смех и шутки, повествование всегда велось каем под аккомпанемент топшуура с подробным перечислением и описанием всех эпизодов, сцен, деталей. Произведение носит строго эпический и героический характер, с большими батальными сценами, образы героев представляются возвышенными, монументальными. Такими являются варианты не только теленгетов (А. Калкин и запись Калачева), но и Бутуева, Бапина и других сказителей, исполнявших эпос каем.

Но наряду с этим встречаются варианты (Мандыякова, Таштамышевой, Черноевой и др.), исполненные, главным образом, рассказыванием, в которых жанровые особенности героического эпоса несколько изменились, повествование больше приближается к бытовому рассказу, к сказочности, снижается его героико-эпический стиль. Эти исполнители стараются оживить рассказ, внести в него юмор, смех, делают различные отступления от повествования. Так, например, Мандыяков, рассказывая об охране Алтай-Буучая его собаками, не допускавшими ни одного существа, от себя добавляет:

---

1 *А. Коптелов.* Н. У. Улагашев и ойротский народный эпос, в книге „Алтай-Бучай“, стр. 46.

2 *А. Калачев.* Поездка к теленгетам. „Живая старина“, вып. III и IV, Спб, 1896, стр. 489.

Мен, Мандыяков, барамда, јуутпадылар.

(Я, Мандыяков, пошел к ним—не пустили.)

Такие же оживляющие места и отступления имеются и у Таштамышевой, Черноевой и др. Особенностью повествования последних является динамичность развертывания сюжетов, отсутствие больших эпических украшательств и тавтологий, краткость описания так называемых общих сцен и эпизодов, в том числе и батальных. Но от всего этого героико-эпический характер сказания все-таки не исчезает. Наличие мифологических и фантастических элементов, которые в отдельных вариантах особенно сильны, также не меняет существа сказания как произведения эпоса, отражающего важнейшие явления общественной жизни.

В характеристике персонажей, в описании их деяний сказители часто пользуются традиционными поэтическими формулами, которые у них всегда имеются в большом запасе. Они представляют собой поэтизированное с помощью сравнений, эпитетов, метафор, гиперболизированное изображение общих для эпических произведений картин: седлание коня, богатырская поездка, портрет героя, сражение и т. д.

При изображении сборов богатыря в поход, например, рассказывается, что богатырь надевает на коня „серебряную узду“, кладет потник „во всю степь шириной,“ седло „будто седловина гор“, „девяносто девятью“ подпругами седло подтягивает, берет в руки плеть, свитую из кож „девяноста быков“, нацепляет луноподобный лук и колчан со стрелами, надевает сапоги из барсовой шкуры, бобровую шапку, шубу, „черную, как уголь“, подпоясывается белым поясом и т. д. Сопоставление поэтического стиля различных вариантов „Алтай-Буучая“ показывает, что в них есть много общих подобных поэтических оборотов речи, эпитетов, метафор, сравнений. Они повторяются во всех вариантах теленгетов, алтайцев, кумандинцев, телеутов, тубаларов. Таковы, например, устойчивые поэтические формулы и сочетания: ак кемирчек ак өргөө (как белый хрящ, белая юрта), јаҥмыр тӱшпес јай алтай (летний Алтай, где нет дождя), ак мал (белый скот), алтын чакы (золотая коновязь), ак ӱлдӱ (белая сабля), кӱннинҥ көзи (глаз солнца), ай судур (луноподобная книга судур), јетен јети тайга (семьдесят семь гор), ай канатту суукуштар (лунокрылые утки) и т. д. Понятно, что эти постоянные образные выражения и сочетания распространились к различным племенам не в форме отдельных сочетаний, хотя этот способ нельзя полностью отрицать, а главным образом вместе с теми произведениями, словесно-выразительную ткань которых они составляли. В данном случае „Алтай-Буучай“ относится именно к таким произведениям, поскольку он широко распространен у различных племен. Сказители различ-

ных племен, перенимая сюжеты и мотивы этого эпоса, вместе с тем пополняли свой запас поэтических выражений, которые применялись ими при исполнении и других произведений. Вот почему, например, у Калкина и других сказителей при исполнении различных сказаний, в том числе и „Алтай-Буучая", весьма часто повторяются одни и те же фразы, эпитеты, метафоры, сравнения, общие поэтические картины. Но наряду с этим запас поэтических выражений у различных сказителей, в особенности у сказителей различных районов, сильно отличается. В данном случае, например, очень своеобразным по поэтическому стилю и языку является вариант Ч. Бутуева. Такие фразы, как „темтең-тумтаң базытту темичи-јеерен ол ады" (со звонким и ровным топотом рыжий конь темичи), төрт туйгагы төрт алтайдың күскү таштый турбай кайтты (четыре копыта, как четырех алтаев зеркальные камни, сверкают), эрјененің тебеези, эр кижининг шибеези кызыл-күреңг тайга (для драгоценного скота стоянкой служащая, для мужа-богатыря крепостью являющаяся красно-коричневая гора) и т. д. характерны только для его варианта и не встречаются в записях, сделанных в других районах и у других сказителей. Подобных оригинальных выражений и образных сочетаний очень много не только в его вариантах, но и в других. Все это показывает, что сказители постоянно создавали новые яркие изречения, образные выражения. Лучшие талантливые сказители не только хранили, но и создавали и обогащали эпическую поэзию все новыми и новыми яркими афористическими выражениями, которые подхватывались другими сказителями.

В лексическом отношении во всех вариантах „Алтай-Буучая" наличествует много архаизмов (саадак, өргөө, кутук, сүмер), диалектизмов (косок, мөөрү, куйуткак), но вставляются и новые слова, даже заимствованные из русского языка (остол, пелбен).

Строфики в „Алтай-Буучае", как и во всех других алтайских эпических произведениях, нет. Но однако при исполнении, особенно каем, постоянно чувствуется наличие определенных речевых отрезков, после которых кайчы обычно поет бессловесно гласными а, о, у, а рассказчик делает паузу. Эти отрезки являются законченными интонационно-синтаксическими единицами и состоят чаще всего из двух-трех, а иногда и более стихотворных строк. Эти строки обычно связываются анафорой.

Ак ла малы болгожын,
Алтай сынын ажынган,
Албатызы болгожын,
Алтын чөлгө јайылган.

или:

Темтең-тумтаң базытту
Темичи-јеерен ол атту.

Ритмический строй речи тесно связан с мелодикой исполнения. У А. Калкина, поющего эпос каем, стихотворная строка обычно состоит из восьми слогов, у Ч. Бутуева—из семи. А у Таштамышевой речь близка к прозе, но следы стиха везде чувствуются, особенно в устойчивых поэтических формулах.

Жанровые особенности и поэтический стиль эпоса „Алтай-Буучай" показывают его древнее происхождение, его совершенствование в течение нескольких веков. В них воплощены глубоко народные эпические традиции, развивавшиеся вместе с историческим развитием алтайского народа.

3. ИДЕИ И ОБРАЗЫ

Кумандинский сказитель О. Алексеев рассказывал, что однажды в тайге во время охоты встретились несколько сказителей. После исполнения известным сказителем Кабаком Тадыжековым „Алтай-Буучая" между ними произошел спор о том, почему жена и сестра изменили богатырю. Говорили, что так не бывает в сказаниях. Действительно, в алтайском эпосе женщины преимущественно показываются мудрыми помощницами, преданными советницами своих мужей. Естественно поэтому, в эпосе „Алтай-Буучай" уже издавна пытаются объяснить причины измены женщин.

В варианте Бутуева измена жены, например, объясняется тем, что богатырь женился на другой невесте, а не на той, на которой должен был жениться согласно предписанию судьбы. Темене-Коо, после того, как богатырь предложил ей стать его женой, говорит: „Я и есть та, на которой ты должен был жениться". Сказитель от своего имени комментирует это место: „Он погиб от того, что женился на другой, не взяв ту, которую должен был взять" (Ол öскö кижини алып өлгөн туру, чын алатан кижини албай).

В варианте А. Калкина мы видим то же самое. Богатырский конь Темичи-Дьеерен после гибели своего хозяина смотрит в книгу судьбы, откуда узнает, что его хозяину, оказывается, женой была предопределена дочь небесного жителя Тенгери-хана Темене-Коо.

Үч теңгери бу тўбинде,
Көк булуттың ары јанында,
Алтын сўрлў бу өргөөлў
Теңгери-кааннын бу ла кызын
Алып јуртайтан салымду болтыр.[1]

(За тремя небесами,
За синими тучами

[1] См. „Тексты". стр .111

В золотом дворце живущего
Тенери-хана дочь
В жены он должен был взять).

Это объяснение, по-видимому, отражает обычай родового строя, по которому молодые люди одного рода должны были брать себе жен из-определенного другого рода. Этот обычай в алтайском эпосе можно видеть в часто встречающемся эпизоде предварительного узнавания имени суженой (по книге судьбы или из уст старца) еще до того, как богатырь отправляется на поиски ее. Так узнает свою суженую сын Алтай-Буучая, Эрке-Мендир, в ряде вариантов данного сказания. По этой традиции Алтай-Буучай нарушил старинный обычай, женившись не по указанию судьбы, и, в соответствии с представлениями родового строя, он попадает в беду. Его гибель —это его наказание. И только тогда, когда нашлась настоящая суженая, она смогла вернуть его к жизни.

В вариантах Алагызова и Куранакова указывается, что беда с богатырем случилась потому, что он не послушался своего коня, предупреждавшего его об опасности.

В некоторых вариантах (Улагашева, Таштамышевой и др.) приглашение женщинами братьев Араная и Шараная объясняется долгим пребыванием богатыря на охоте и предположением женщин, что он погиб. Так, например, у Таштамышевой жена богатыря говорит своей дочери:

Балам! Одус јылга барган аданг
Одус јылдаң ажа конды.
Нениң учун бу саадады?
Өлгöни чын дийт мыныг.[1]

(Дочь моя!
На тридцать лет твой отец уехал,
За тридцать лет перевалило.
Почему он долго не едет?
Что погиб он—это верно).

Если богатырь погиб, то женщинам одним оставаться опасно: могут напасть враги, насильно увезти их и превратить в рабынь, угнать скот, ограбить имущество. Они решают лучше добровольно выйти замуж за сильных и могущественных братьев Араная и Шараная, поэтому их и приглашают. Но затем узнают, что Алтай-Буучай жив и возвращается домой. Допущена роковая ошибка, которую невозможно исправить. В страхе, что богатырь жестоко накажет их, женщины принимают пагубное решение отравить его.

В вариантах Бутуева, Алагызова, Таштамышевой, Черноевой делается попытка объяснить измену жены несоответствием возраста старого Алтай-Буучая и его молодой жены.

---

[1] См. „Тексты". стр. 125

Так объясняют сейчас сказители конфликт между Алтай-Буучаем и его женой. Но как бы ни объяснять конфликт между мужем—героем и его женой, не трудно заметить отражение в эпосе „Алтай-Буучай“ отношений патриархального общества, в котором главную роль играл мужчина. Мужчина пасет скот, ездит на охоту, защищает семью, род или племя от набегов. Он—хозяин, глава семьи, женщина же должна подчиняться, быть верной и преданной ему. Но если она изменит ему, то независимо от причин, она виновна и должна быть наказана.

Эпос осуждает неверную жену. Более того, эпос осуждает вообще всякую борьбу женщин против своего мужа. В борющихся против мужа женщинах показаны слабые, отрицательные черты их, подчеркивающие силу и превосходство мужчины, его высокую роль и значение в семье и роде. В этом отношении очень интересным является тот факт, что в большинстве вариантов в измене участвует не только жена, но и сестра богатыря, которая позднее в ряде вариантов заменяется дочерью (по-видимому, из тех соображений, что сестра, мол, не может идти против брата, а дочь, поскольку она находится под влиянием матери, может). В патриархальном обществе противопоставление сестры и брата, показ сестры в отрицательном, а брата в положительном плане соответствовали основам его идеологии. Девушка не остается дома, она стремится уйти в чужое стойбище, поэтому семье и роду, борющимся за свое продолжение и укрепление, считался более нужным наследник—сын или брат. В сказании воспевается Алтай-Буучай как глава семьи, сторонник ее укрепления и порицается Дьараа-Чечен, которая изображается как разрушительница семейных устоев. Поскольку род продолжается по мужской линии и отца заменяет сын, а сына—внук, то в сказаниях мы видим, какое важное значение придается наличию в семье сына. В „Алтай-Буучае“ женщины убивают не только самого богатыря, но и его сына. Б. Тантыев объясняет это тем, что „сын потом заступит место Алтай-Буучая“ (Алтай-Буучайдын ордын базатан бала). И действительно, Эрке-Мендир впоследствии заступает его место, мстит за своего отца, в некоторых вариантах убивает даже свою мать.

Сказание наделяет своих героев соответствующими его основной идее чертами. Алтай-Буучай—трудолюбивый семьянин, заботящийся о том, чтобы члены его семьи—жена, сестра или дочь были сыты, тепло одеты, ни в чем не нуждались, старающийся создать благополучие семьи. Но у сестры и жены нет верности и преданности семье, они изменяют ей, коварно убивают брата и мужа. В них осуждаются непостоянство, измена, нарушение семейных устоев. При этом с течением времени отрицательное изображение женщины—изменницы получает даже некоторое психологическое углубление. В варианте

Таштамышевой, например, подчеркивается, что Эрмен-Чечен и Дьараа-Чечен обладают внешней красотой, но у них нет внутреннего содержания. Они изображены легкомысленными, малодушными. Алтай-Буучай жестоко расправляется с изменницами.

Контрастно изменницам изображен образ небесной девицы Темене-Коо, воплощающей идеал жены-подруги и помощницы богатыря. Первоначально этот образ, вероятно, был введен в сказание как образ чистой небесной девы-покровительницы героя, волшебницы, которая чудесным образом оживляет богатыря. Это была чудесная помощница героя, появляющаяся в критический момент, чтобы спасти его, а потом исчезающая. Но впоследствии она получает новую функцию—невесты, которая предопределена богатырю самой судьбой. Соответственно в ее образе появляются черты верности и преданности богатырю, самоотверженности (спускается на землю против воли отца), она без колебания выходит замуж за богатыря, усыновляет его сына. Она превращается в идеал невесты и жены, в которой моральная чистота и мудрость сочетаются с трудолюбием и преданностью мужу. Словом, образ чудесной небесной помощницы героя эволюционирует в образ жены—помощницы мужа.

Однако содержание эпоса „Алтай-Буучай“ не сводится лишь к утверждению патриархальных семейных отношений. Оно гораздо шире. В конфликте между Алтай-Буучаем и Аранаем и Шаранаем отражен характерный для эпохи постепенного разложения первобытно-общинного строя процесс социального расслоения, которому сопутствовало, как известно, усиление набегов и грабежей. В „Алтай-Буучае“ дается яркая картина межродовых столкновений. Ограбление Аранаем и Шаранаем стойбища Алтай-Буучая, угон его скота, увод жены, сестры (или дочери)—это явления, показывающие, что в эпосе происходит столкновение между представителями разных родов. В эпосе указывается также, что Аранай и Шаранай уводят и народ (т. е. род) Алтай-Буучая. Впоследствии Алтай-Буучай, уничтожив врагов, едет домой:

Только свой скот гоня,
Только свой народ ведя.

(*Е. Таштамышева*)

Другими словами, герой здесь выступает не только в защиту своей семьи, но и своего рода, которым, как видно, он предводительствовал (см. также наказ жене и сестре в его отсутствие следить за скотом и народом в варианте А. Калкина). Эта межродовая (или межплеменная) борьба в эпосе истолкована как борьба героя с грабителями и захватчиками во имя защиты своего народа.

Характеризуя развитие кочевого общества на Алтае в XII веке, профессор Л. П. Потапов пишет, что в этом обществе хотя и сохранялось еще совместное общинное владение пастбищами, но развивалась частная собственность на скот и имущественное неравенство, возникали классовые отношения внутри общин, политическая власть стала основываться на богатстве[1]. В этих условиях борьба за богатство и через него за господствующее положение в обществе, за политическую власть стали характерными для родовой верхушки. Богатство приобреталось путем эксплуатации труда захваченных на войне рабов, зависимых рядовых кочевников, грабежа, угона скота других родов и племен. Все это вызывало в массе рядовых кочевников дух борьбы против грабителей. В сказании „Алтай-Буучай" в конфликте между героем Алтай-Буучаем и братьями Аранаем и Шаранаем отражены эти антиграбительские настроения масс. Поэтому Алтай-Буучай показан идеальным народным героем, выступающим против грабителей, его борьбе придан характер справедливой борьбы, отвечающей чаяниям рядовых кочевников жить мирно, без грабежа и набегов, без увода людей в рабство. Впоследствии, в эпоху развития классовых противоречий и усиления недовольства масс угнетателями, шло дальнейшее демократическое развитие этого сказания, и образ Алтай-Буучая становился все более близким и родным трудовой массе.

В скотоводческом хозяйстве Алтай-Буучая видны черты древности. Основным видом скота, которым он владеет, являются лошади. Из поэтической формулы:

Одорлуга малын салат,
Одындуга јуртын салат.

(Где густые травы—ставит скот,
Где много дров—юрту ставит.)

видно, что он ведет кочевой образ жизни с содержанием скота на пастбищах. Постоянная пастьба лошадей не применялась. Богатырь лишь время от времени выезжает на своем коне Улбус-Чоокыре осматривать табуны. Количество скота обычно определяется поэтическими формулами: „Ак малы алтай өткөн" (Его скот на Алтае[2] не вмещается) или: „Тӱк билишпес малду" (Разномастный скот имел, в смысле: „очень много скота имел"). В этой поэтической гиперболе выражена мечта каждого кочевника об изобилии скота и богатой жизни. Именно потому, что лошадь являлась главным видом скота и играла

---

[1] *Л. П. Потапов.* Очерки по истории алтайцев, стр. 140.

[2] Слово „алтай" в данном случае не является географическим названием, а означает „его земля", „его территория" „Кажы алтайдан келген баатыр" (Из какого алтая ты, богатырь, приехал?")—часто спрашивают у богатыря.

наиболее важную роль в хозяйстве скотовода, в охотничьем промысле и в военных действиях, так сильно и с такой большой любовью опоэтизированы кони Алтай-Буучая. Народный эпос не только воспевает быстроту езды, выносливость богатырского коня, но показывает его верным другом, мудрым советчиком, постоянным помощником богатыря. Конь Темичи-Дьеерен обладает прозорливостью, чудесной способностью оборотничества, самостоятельно совершает удивительные подвиги. Он чудесный помощник героя.

Алтай-Буучай выступает не только скотоводом, но и охотником. К его имени в ряде вариантов постоянно прибавляется эпитет «анчы-кушчы» (зверолов-птицелов), он имеет свою богатую тайгу, является ее хозяином. В этом нельзя не видеть отражение еще существовавшей в период сложения эпоса родовой собственности на охотничьи угодья. Охота Алтай-Буучая — это не забава или развлечение, которые устраивались лишь аристократической знатью, вполне обеспеченной продуктами скотоводства. Это — его постоянный промысел, одно из главных занятий, являющийся источником материального благосостояния его семьи. Орудиями охоты являются лук и стрелы. Эпос ярко и красочно воспевает богатую добычу охотника.

Кийик терези кижи бажын ашты,
Кийин канjаапа толо берди.
Ан терези ат бажын ашты,
Алын канjаага толо берди.
Jаан өзөктөр jинле агып турат,
Кичӱ өзөк канла агып турат.

(Козлиные шкуры выше головы всадника—
Сзади к седлу приторочил.
Маральи шкуры выше головы коня —
Спереди к седлу приторочил.
По низинам кишки валяются,
По ложбинам кровь течет).

(*Б. Тантыев*)

Богатырь — гиперболический едок своей добычи: «Шестьдесят маралов садит на вертела, жарит на костре и ест», мелкие кости «через нос выбрасывает», крупные кости «изо рта выплевывает». Схоже изображается и картина возвращения богатыря с охоты:

Бай-jеерен аттың бели
Кайыжып келип jатпай кайтты.
Эки боро тайгылдар
Алтан анаанг азуларга илген,
Jеңил келип jатқылады.

(Спина коня Бай-Дьеерен
Под тяжестью добычи гнулась,
Две серые собаки,

По шестьдесят маралов неся,
Впереди бежали).

(*Н. Улагашев*)

или:

Ан семизин талдап аткан,
Ат ўстўне бу артынган,
Алу кишти талдап аткан,
Камду, албаа бу коштогон.

(Жирных маралов по выбору настрелял,
На коня навьючив, вез,
Лучших соболей и выдр наловил,
К седлу приторочив, вез).

Труд скотовода и охотника определяет и все обычаи богатыря, весь его облик: он гостеприимен, готов поделиться с каждым тем, что у него есть («пешему дает коня, голодному — пищу»).

Алтай-Буучай показан сильным, бесстрашным богатырем-воином, стоящим на страже своего рода и племени. В то же время он не показан захватчиком. Он не нападает на другие стойбища с целью грабежа. Эпос подчеркивает, что богатырь сам никогда не затевает войн, но если на него нападут, то живым от него не уходят. Алтай-Буучай как воин-богатырь наделен высокими моральными качествами. В варианте Таштамышевой постоянным эпитетом к имени богатыря служат слова «доброжелательный», «справедливый» (ак сагышту Алтай-Буучай). Доброжелательным и справедливым он выступает во всех вариантах эпоса. В варианте О. Алексеева богатырский конь, персонифицирующий героя, заступается за белую лягушку и убивает черную лягушку, попытавшуюся захватить оба озера, вытеснив белую лягушку. Он справедлив в отношении невинных стариков — отцов Араная и Шараная.

В монументальном образе Алтай-Буучая воплощены реальные черты скотоводов и охотников. Как носитель народных черт, он изображен могучим и бессмертным героем, перед которым трепещут все ханы на земле, он не боится небесного бога и подземного Эрлика, ему покровительствует сама Мать-Земля (Jер-эне). В ряде вариантов (Бутуев, Таштамышева и др.) богатырь показан родившимся не от обычных родителей, а от Матери-Земли или созданным силами стихий. Образ Матери-Земли призван показать связь и единство богатыря с родной землей. Благодаря всему этому образ героя Алтай-Буучая всегда производил на слушателей необыкновенное впечатление, покорял их воображение. Образ богатыря поднимал в них дух свободолюбия и независимости, честности и гуманности, дух борьбы со всем злом и несправедливостью на земле.

Во второй части сказания главным героем выступает уже не сам Алтай-Буучай, а его сын Эрке-Мендир. Он введен в сказание в роли продолжателя дела отца и мстителя за него. Но у него есть и своя функция — это добыча невесты, героическая же-

нитьба. Добыча невесты в эпосе всегда воспевается как героический подвиг. Трудности походов в эпосе гиперболизируются, им придается фантастический характер. В число подвигов жениха-героя входят и выполнение трудных поручений, которые предъявляются отцом невесты как условие его согласия на выдачу своей дочери замуж за него (поручение привезти клыки чудовища карагула, спустить солнце и месяц, победа в богатырских состязаниях и т. д.). Эти поручения, хотя и мотивируются как нужные для хозяйства хана (например, клыки карагулы хану понадобились для того, чтобы «подпереть развалившийся дворец»), но преследуют цель испытать силу и мужество жениха, его способность в случае необходимости стать надежным союзником и защитником. Хан стремится породниться с сильным, ловким и находчивым богатырем. Это характерный для эпоса мотив трудной задачи. Причем большей частью задача отрицательно характеризует тестя как жадного и коварного в своих замыслах (тесть всегда поручает такое задание, при выполнении которого герою угрожает гибель). Выполнение героем этих поручений часто оборачивается бедой на голову тестя, от которой его впоследствии спасает все тот же герой. Здесь, видимо, имеет место отражение былой враждебности жениха и родителей невесты, когда жених выступал как враг семьи невесты.

В эпосе есть и отражение обычая «отработки» за невесту в хозяйстве родителей. Новобрачные в течение некоторого времени проживают в семье родителей невесты (правда, в отдельной юрте, построенной для них). В китайской летописи Суннской династии (581 — 618) о племени теле — предков современных теленгетов писалось, что «у них женятся уже взрослые мужчины и тотчас после свадьбы живут в доме родителей жены, ожидая, пока родится и вскормится грудью первый ребенок».[1] Этот обычай сохранялся у теленгетов в течение длительного периода и отразился в эпосе. Правда, в нем не говорится о том, что молодой богатырь с женой живет в доме родителей до тех пор, пока не родится первый ребенок. Но зато мы видим, что богатырь продолжает, живя у тестя, выполнять его поручения. Последний мотив распространен и в ряде других героических сказаний алтайцев («Көгүтей», «Маадай-Кара», «Малчы-Мерген» и др.).

В рассказе о женитьбе богатыря в центре внимания — герой и его подвиги. Тесть и даже сама невеста отходят на задний план. Их назначение — быть стимулом для свершения героических подвигов богатыря. Подвиги Эрке-Мендира даны в нарастающей трудности. Начало их — в мести Аранаю и Шараная. Это своего рода проба сил, которую молодой богатырь совершает со свойственной молодости озорством и молодече-

---

[1] *Л. П. Потапов* «Очерки по истории алтайцев», стр. 81.

ством (поездка к врагам без разрешения отца, надпись на скале, сцены погони за Аранаем и Шаранаем и др.). Зрелые богатырские качества — силу, мужество, меткость в стрельбе из лука, бесстрашие и решимость идти на свершение любого тяжкого подвига — он показывает во время выполнения поручений тестя, когда ему приходится бороться с разного рода чудовищами, спускать на землю луну и солнце.

Интересно, что сын показан сильнее своего отца. Когда Алтын-хан предлагает спустить ему луну и солнце (вариант Бутуева), то Алтай-Буучай принимает его за сумасшедшего: «Как можно с солнцем и луной тягаться?» Но сын выполняет это поручение.[1]

Во всех вариантах Эрке-Мендир по возвращению домой не отделяется от патриархальной семьи своего отца Алтай-Буучая, ставит юрту рядом с его юртой и становится помощником в его богатырских деяниях. Их хозяйство и имущество являются общими и они совместно охраняют свое стойбище.

Совместное действие отца и сына против общего врага — это основа сюжета последней части сказания об Алтай-Буучае. Они вместе сражаются со злыми силами, выступившими в роли мстителей за Араная и Шараная. Таким образом, представитель второго поколения является продолжателем дела отца — героя первого поколения. Он завершает его усилия по устройству мира и счастья для своего племени. В этом существо образа героя второго поколения в алтайском эпосе.

Алтай-Буучай, его сын Эрке-Мендир, небесная дева Темене-Коо, старуха Мать-Земля, животные персонажи: кони, собаки, беркуты богатыря — были любимыми образами народа. В Алтай-Буучае привлекали черты славного охотника, его благородство и справедливость, в его сыне — молодая богатырская сила, храбрость, чудесные способности, в Темене-Коо — самоотверженность, любовь и преданность. Все эти высокие черты богатырей и их помощников в различных вариантах сказаний, как мы видели, имеют свои оттенки, проявляющиеся в их конкретных поступках и действиях, но эпос всюду стремится возвеличить, воспеть подлинные прекрасные черты народа, воплотив их в поэтических образах эпических богатырей. Причем в разных районах и в разные исторические эпохи образы богатырей дополнялись новыми своеобразными чертами. Так, например, в тексте Н. У. Улагашева образ Алтай-Буучая приобрел черты борца за освобождение угнетенных и эксплуатируемых Аранаем и Шаранаем трудовых людей. Бывшие рабы

---

1. Все это связано с идеей, содержащейся во многих произведениях эпоса, по которой окончательное установление счастливой жизни людей является результатом борьбы и подвигов не одного, а нескольких поколений героев. В этом случае герой последнего поколения побеждает всех врагов и устанавливает счастливую жизнь своего народа. Поэтому он и показывается сильнейшим богатырем.

и пастухи Араная и Шараная, получив свободу, выбирают Алтай-Буучая своим предводителем. Это, несомненно, черта, введенная в позднейшие времена, может быть, даже в наше время. Но это говорит, что эпос жив и бытует, а его герой созвучен идеалам людей нового, нашего времени.

Герою противопоставлены образы его врагов, Араная и Шараная. Они изображены во всем противоположными ему. Герой — мирный охотник и скотовод, Аранай и Шаранай — захватчики и грабители; герой — справедлив и добродушен, его враги — жестоки и вероломны; герой — благородный и мужественный богатырь, Аранай и Шаранай — мелкие трусы и пакостники, пытающиеся воспользоваться отсутствием хозяина, чтобы присвоить его добро, и нападающие на богатыря, когда он, отравленный ядом, бессилен.

Показывая контрастные образы героя и его врагов, эпос применяет и разные приемы их изображения. Герой показан монументально, в плане восхваления и прославления, Аранай и Шаранай показаны в гротескном плане, в обрисовке их образов эпос прибегает к шаржу и карикатуре. В плане шаржа даны их гиперболическая алчность, жадность к чужому добру, их легкомыслие и хвастливость, равно как и смешное высокомерие их и претензия к власти над всеми. Целям высмеивания их служит и то, что они выставлены «парой» совершенно одинаковых, глупых и нелепых существ, с совершенно одинаковыми словами и действиями. Это окарикатуривание врагов героя идет от родового эпоса, показывавшего врагов героя глупыми чудовищами.

Вместе с тем, Аранай и Шаранай — не чудовища, а именно люди, представители чужого племени. В ряде вариантов (Н. Улагашева, А. Калкина и др.) они даже изображены богатыми и могущественными феодалами. Образы врагов героя, Араная и Шараная, в «Алтай-Буучае» показывают их эволюцию от племенных противников (представителей чужого враждебного племени) к социальным антиподам — представителям класса богачей и феодалов, ведущих борьбу против богатыря, олицетворяющего трудовой народ. В этом плане образы врагов героя в «Алтай-Буучае» особенно рельефно показывают путь, по которому шло развитие алтайского героического эпоса — от эпоса родового к эпосу классовому.

И в эту классовую эпоху усиливаются идеи эпоса, богатыри приобретают черты представителей борющихся классов. В герое усиливаются черты представителя трудового народа, а его враги получают черты паразитирующих классов, эксплуататоров и угнетателей народа.

Так, народ в классовом обществе вносил свои коррективы в древний эпос.

Но и господствующие классы в прошлом пытались использовать эпос в своих интересах и внести свои исправления. В

некоторых вариантах «Алтай-Буучая» (например, тексты Калачева и, отчасти, Потанина) в образе героя имеются черты богатого феодала, стремящегося к военной славе. В вариантах Куранакова, Тантыева и некоторых других чувствуется влияние бурханизма (Ак-Бурхан) с его обрядами «очищения» и религиозным ритуалом. Но все эти привнесения не могли серьезно повлиять на народный характер эпоса и исказить его идейное содержание и образы.

В заключение хочется очень кратко остановиться на стилистической характеристике образов эпоса «Алтай-Буучай».

Характеристика персонажей эпоса дается традиционными народными эпическими приемами и средствами. Характеры их раскрываются прежде всего в их поступках и действиях. О характере Алтай-Буучая, например, мы узнаем из эпизодов его охоты, битвы с противниками, из его обращения с женой и сестрой, с отцом противников, небесной девой.

Важную роль в обрисовке персонажей играет их речевая характеристика. Например, значительное место в речевой характеристике героя занимают его постоянные сентенции, которые он изрекает перед тем, как уничтожить врагов. Они звучат как бы обвинительным приговором по отношению к врагам, раскрывают их сущность. Таково, например, обращение Алтай-Буучая к Аранаю и Шаранаю в варианте Улагашева:

Ада тужыгарда арткан
Алымыгар менде бар болды ба?
Эне тужыгарда берген
Эскигер менде артты ба?..
Алты ўйенинг туркунына
Алтай ўстин чакпыратканыгар!
Амыр јаткан албатыны
Јуртынанг слер айдаганыгар!
Кулунду беенинг кулдын айрып,
Кунукчылду киштеткен слер,
Јаш баланы эмчегинен айрып,
Көп ыйлаткан слер эдигер.
Оныг каруузына эмди туругар!

(Данный вашим отцом
Долг у меня есть что ли?
Данное вашей матерью
Старье осталось что ли?..
В течение шести поколений
Алтай вы тревожили,
Мирно живущих людей
Со стойбищ вы угоняли!
Жеребенка, от матки отняв,
Жалобно ржать заставляли,
Ребенка, от груди матери отняв,
Много плакать заставляли.
За это теперь отвечайте!)

Весьма своеобразным приемом характеристики персонажей является изображение их путем показа отношения к ним других

персонажей эпоса. Так, например, чувство глубокой симпатии к образу Алтай-Буучая усиливается благодаря показу преданности ему богатырского коня, совершающего чудесные подвиги ради его оживления, печали и сострадания к богатырю старика Алтана-Шалтана, Матери-Земли, небесной девицы и др. Их глубоко человечные чувства доброжелательности и симпатии к богатырю передаются слушателям, вызывая в них сочувствие и сострадание.

Часто используется прием характеристики персонажей устами самого рассказчика. Они могут быть более отвлеченными, т. е. характеризующими общее положение и позицию, занимаемую героем в обществе («Сам на войну не ездил и к нему войною не шли» — говорится об Алтае-Буучае в варианте Таштамышевой), и конкретными, относящимися непосредственно к внутреннему и внешнему облику персонажей. При описании персонажей сказители часто пользуются традиционными поэтическими формулами. Однако, несмотря на это, образы эпоса не предстают совершенно похожими друг на друга. В этом можно убедиться на примере персонажей данного эпоса, в котором Алтай-Буучай не похож на своего сына, а Темене-Коо — на Эрмен-Чечен и Дьараа-Чечен.

В эпосе деление персонажей на положительных и отрицательных очень четкое, нет никакой двойственности в их оценке. Как мы видели, положительные и отрицательные персонажи противопоставлены друг другу по принципу контраста: Алтай-Буучай и Аранай и Шаранай, Темене-Коо и Эрмен-Чечен, селезень и утка, черная лягушка и белая лягушка и т. д. Но нельзя думать, что в эпосе все персонажи показаны исключительно прямолинейно: или только в положительном, или только в отрицательном плане. В богатырях эпоса, наряду с всепобеждающей силой и мудростью, мы видим и их человеческие слабости и ошибки. Алтай-Буучай, например, не послушался совета своего коня, поэтому попадает в беду. Несмотря на свою могучую силу, он все-таки оказался временно побежденным Аранаем и Шаранаем. Алтын-хан, хотя и изображается сначала в отрицательном плане, но впоследствии соглашается выдать за Эркe-Мендира свою дочь, переходит на его сторону. В этом видно какое-то движение в обрисовке характеров эпоса.

Яркие поэтические образы «Алтай-Буучая», созданные творческой фантазией народа, с большой силой воздействовали на слушателей. Люди разных эпох увлекались этим произведением, его образами, сочным и метким языком, богатством мудрости и юмора, находили в нем то, что перекликалось с современностью, что вдохновляло и поднимало их на борьбу. В этом заключается секрет неувядаемости народного сказания в течение веков, его огромное историческое и культурное значение. Народность сказания «Алтай-Буучая», его идеи борьбы за счастье и справедливость, за верность и преданность семье и на-

роду, за созидательный труд делают его созвучными и для наших дней. Он продолжает широко бытовать в народе и воздействовать, как и прежде, на умы и сердца слушателей.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭПОСА «АЛТАЙ-БУУЧАЙ»

Героическое сказание «Алтай-Буучай» принадлежит к числу тех алтайских эпических произведений, сюжеты и мотивы которых совпадают с сюжетами и мотивами эпоса других народов, в частности, бурятов. Сравнение эпоса бурятов и алтайцев показывает, что между многими их произведениями существует очень большая близость и сходство. Так, например, алтайское сказание «Алтайын Сайын Салам»[1] и бурятское «Айдурай-Мэргэн»[2] (вариант «Аламжи-Мэргэн»), по сути дела, являются национальными версиями одного и того же эпического произведения. В той и другой рассказывается о гибели богатыря на охоте; сестра, узнав об этом от коня, переодевается в одежду и боевые доспехи брата и едет искать деву-воскресительницу; она участвует в состязаниях женихов-претендентов на невесту или сталкивается с одним каким-либо соперником, одерживает победу, получает невесту и привозит ее домой; невеста воскрешает молодого богатыря и выходит за него замуж.

Алтайские и бурятские сказания совпадают между собою и в сюжетах о добыче богатырем невесты, о борьбе с чудовищами, об отражении вражеских набегов и многими другими эпизодами и сценами. В мифологии, персонажах, поэтических образных выражениях, лексике и т. д. мы также находим много сходств и совпадений.

Эти сходства и совпадения можно наблюдать также на примере сюжетов алтайского эпоса «Алтай-Буучай» и ряда бурятских эпических произведений. Так, например, в эхирит-булагатском улигере «Харасгай Мэргэн», записанном от бурятского сказителя Бубая Вахрушкинова в 1941 году, рассказывается почти то же, что и в «Алтай-Буучае».

Богатырь Хараспай Мэргэн имеет младшую сестру Агу Ногон. Он едет на охоту, чтобы привезти мясо зверей. Его конь спустился с неба, т. е. дан небом. Богатырь осматривает свой скот, переводит его на новые места, затем охотится, убивает зверей и едет домой. По пути конь предупреждает его:

Агу Ногон девица,
Твоя младшая сестра,

---

[1] *В. В. Радлов.* Образцы народной литературы тюркских племен южной Сибири, т. 1, СПБ, 1866.

[2] *А. И. Уланов.* К характеристике героического эпоса бурят, Улан-Удэ, 1957 г.

Чтобы выйти замуж
За сына Тэдэй, богатого хана,
Толи Монойхона,
Задумала злое дело,
Задумала грязное дело —
Хочет тебя убить.
Когда ты войдешь в дом,
Она угостит вином,
Из десяти котлов перегнанным дважды,
Из девяти котлов перегнанным трижды —
Так тебя ждет.
Так, это вино не пей.

Харасгай Мэргэн по возвращении домой не удержался от угощения и, выпив яд, погибает. Толи Монойхон, спрятавшийся зе перегородкой, выходит из засады и уводит Агу Ногон, угоняет народ и скот. А конь убегает на гору Сэгтэ Сумэр, встречает трех небесных девиц, рассказывает им обо всем случившемся и просит помочь. Три сестры оживляют Харасгай Мэргэна. Харасгай Мэрген едет в стойбище Толи Монойхона. Они стреляют из лука, борются. Побеждает Харасгай Мэргэн. Он отрубает голову Толи Монойхона и сжигает его труп, сестру привязывает к хвостам семидесяти кобылиц, которые разбегаются в разные стороны и разрывают ее на части.

Затем Харасгай Мэргэн отправляется за невестой Ошон — дочерью хана Осодор, участвует и побеждает в трех состязаниях, выполняет поручение хана привезти желтую собаку, которая съедает половину ханского скота. Харасгай Мэргэн отпускает ее обратно по просьбе хана, получает невесту и устра́ивает пир.[1]

В другом бурятском сказании, «Иренсей», записанном в 1905 г. от Машута Имигеева, мы также находим сходные с «Алтай-Буучаем» сюжеты и мотивы.

Старик Иренсей, у которого родился сын Ханхан-Сокто и дочь Агу Ногон, уезжает на охоту. Его жена Унтан-Дурай во время отсутствия Иренсея сошлась с Даньил Шара Мангадхаем. Иренсей с богатой добычей возвращается домой. По пути конь предупреждает, что жена изменила ему и собирается его отравить, но Иренсей не верит. Жена спаивает его ядом и вызывает спрятавшегося Мангадхая, который вступает в борьбу с Иренсеем. Унтан-Дурай бросает под ноги Мангадхая черное просо, а под ноги Иренсея — красное просо, чтобы он поскользнулся. Старик упал и убился.

Конь спасает детей. Затем сын старика Ханхан-Сокто, став богатырем, уничтожает Мангадхая и погубившую его отца изменницу-мать, оживляет труп отца живой водой. После этого Ханхан-Сокто едет к Газар Баян хану просить руку суже-

---

[1] Сюжет сказания «Харасгай Мэргэн» нами пересказывается по книге А. И. Уланова «К характеристике героического эпоса бурят», Улан-Удэ, 1957 г., стр. 75—77.

ной. Хан согласен выдать дочь при условии, если Ханхан Сокто привезет желтую собаку или достанет перо птицы Хан-Хэрдэк (ср. с алтайским Кан-Кереде). Ханхан Сокто все это выполнил и получил невесту.[1]

Из этих улигеров, кстати, имеющих и другие варианты, например, «Лодой-Мэргэн»,[2] видно, что они очень близки к алтайскому «Алтай-Буучаю», и совпадают с ним многими своими эпизодами и даже деталями (поездка героя на охоту, измена сестры или жены, предупреждение коня об ожидающей опасности, отравление богатыря, бросание под ноги скользкого предмета, оживление богатыря с помощью найденного средства или небесной девы, привязывание изменницы-сестры к хвостам кобылиц и т. д.) Если бы эти эпизоды и мотивы совпадали каждый в отдельности в разных по сюжету произведениях, то мы еще могли бы воздержаться от высказывания об едином их происхождении, но если они составляют одинаковые композиционно стройные эпические произведения, с одинаковой как у алтайцев, так и у бурятов последовательностью сюжетного развертывания, то здесь на наш взгляд, не остается места сомнению, что эти произведения генетически связаны.

Еще в 1920-х годах бурят М. Н. Забанов в своей работе «Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов» писал об этих эпических произведениях: «В каждой из этих былин мы встречаем описание Алтая и Хухэ как места рождения и действия героев. Этот край в былинах описывается в идеальных красках». И далее: «Какой же смысл и значение имели Алтай и Хухэ для эхирит-булагатов, чтобы стать предметом их поэтической идеализации, если эхирит-булагаты не имели никакой связи и отношения к названным областям? И каким стимулом и мотивом объяснить то, что для эхирит-булагатского эпоса Алтай и Хухэ приняли характер непременного и типичного? Почему, например, у эхирит-булагатов не воспевается собственная их территория, занимаемая ими в настоящее время, так же как воспевают ойраты-монголы теперь в былинах свою родину Алтай и Хангай? Почему у эхирит-булагатов не воспеваются горы Саян или горы Прибайкалья как области наиболее близкие и доступные? Все это вызывает предположение, что эхирит-булагаты, или вернее их предки, жили прежде в пределах горных систем Алтая и Хухэ или же поблизости этих систем, и впоследствии только вышли из этих пределов и поселились в Прибайкалье, и упоминание Алтая и Хухэ в эпосе эхирит-булагатов является отголоском тех отдаленных времен, когда эхирит-булагаты, точнее, их предки, жили среди западных ойрат-монголов, кочевали и охотились по Ал-

---

[1] Изложение дано по книге М. Н. Забанова «Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов», Верхнеудинск, 1929, стр. 14—19.

[2] Сходство «Алтай-Буучая» с бурятским «Лодой-Мэргэном» отметил А. Л. Коптелов в примечаниях к книге «Алтай-Буучай», стр. 370.

таю и Хухэ»[1]. Это предположение Забанова, по-видимому. должно быть правильно. Еще Г. Ф. Миллер, как известно, зафиксировал у бурят предание, о том, что «Элют», т. е. ойраты, и «Бурят» были родные братья, которые поссорились, почему, Бурят со своими людыми должен был переселиться к озеру Байкалу».[2] В Монгольской начальной хронике 1240 г. — «Сокровенном сказании» говорится, что старший сын Чингиса — Джочи в 1207 году был послан с войском к «лесным народам». Он подчинил ойратов, бурят, бархунов и др.[3], т. е. в ней об ойратах и бурятах говорится как о соседних племенах.

Из воспевания в эхирит-булагатском эпосе гор Алтая и Хухэ, из исключительных совпадений сюжетов и мотивов ряда эпических произведений бурят и алтайцев, мы делаем вывод, что многие сказания бурят, в частности эхирит-булагатов, были сложены в период их кочевки на Алтае и Хухэ, т. е. тогда, когда они были непосредственными соседями не только ойратских, но и алтайских племен и прежде всего теленгетов, проживавших еще до нашествия Чингис-Хана почти на той же территории, на которой живут и ныне[4]. Теленгеты в XII—XIII веках очень тесно общались с монгольскими племенами. После разгрома Чингисом найманов и меркитов, последние, как известно, ушли на север, вошли в состав теленгетов и других алтайских племен, а часть их ушла на запад, за Алтай. По-видимому, именно в этот период теснимые монголами эхирит-булагаты также перекочевали на северо-восток, к Байкалу.

Поэтому местом сложения бурятских сказаний «Харасгай-Мэргэн» и «Иренсей», в которых упоминаются горы Алтай и Хухэ, как и алтайского «Алтай-Буучая», на наш взгляд, следует считать район горных систем Алтая и Хухэ, район, где когда-то происходило тесное общение теленгетов и бурятов.

Сказание «Алтай-Буучай» — «Харасгай-Мэрэн» — «Иренсей», сложившиеся, таким образом, по-нашему мнению, до XIII века, возникло как общий эпос этих племен на основе значительной общности их исторического развития, быта, культуры и мировоззрения. Оно в своем содержании отражает то, что происходило в самой исторической действительности, что было характерно для всех этих племен, живших по соседству, общавшихся между собою.

Сравнивая между собою бурятские и алтайские версии данного сказания, мы видим в них отражание скотоводческого за-

---

[1] *М. Н. Забанов.* Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов, стр 16—17.

[2] *Г. Ф. Миллер.* История Сибири. М. — Л., 1937, стр. 180.

[3] *С. А. Козин.* Сокровенное сказание, М. — Л., т. I, стр. 174—175.

[4] В «Сокровенном сказании» говорится, что Чингис-хан в 1205 г. наряду с найманами, меркитами, покорил и их соседей — теленгутов, а Джочи в 1207 году — племя тубасов (туба), толесов (род тӧлӧс), которые проживали на Алтае.

нятия с тебеневкой, исключительное возвышение роли коня, охоту с луком и стрелой, идеологию патриархального общества, утверждающую господство мужчины в семье, кровную месть сына за отца, следы матрилокальности (богатырь, женившись, некоторое время живет в доме тестя), особое выделение таких видов борьбы, как поединок, единоборство, которые в древности часто практиковались между родами и племенами для разрешения споров и борьбы, угон скота и грабеж имущества, увоз женщин и т. д. Все это является общим для этих версий. Но все это отражает определенную историческую эпоху, а именно эпоху начавшегося разложения первобытно-общинного строя, т. е. того исторического процесса, усиление которого у так называемых «лесных» народов, в том числе и у алтайских племен, историки отмечают именно в период XI —XII веков.

Очень важным свидетельством того, что эпос «Алтай-Буучай» сложился в период общения алтайцев с бурятами, являются многие общие черты в их версиях, относящихся к области быта, культуры и мировоззрения: юрта, коновязь, араковарение из молока, вооружение — лук, стрела, пика, конские принадлежности, книга судьбы, представление о трех мирах, мифологические персонажи: бурятские тэнгрины и алтайские Тенери-каан, Ӱлген. Эрлик, Курбустан, шулмусы, птица Хан-Хэрдэк — Кан-Кереде и т. п. Встречающиеся в лексике алтайских вариантов (да и в самой живой речи алтайцев) многочисленные монголизмы следует также объяснять теснейшими общенями алтайцев с монголоязычными племенами в указанный период, когда в их языке было гораздо больше общности (өргөө, саадак, мендӱ-эзен и т. п.). В самом имени богатыря Алтай-Буучая мы видим наличие бурят-монгольского слова бууч — стрелок (Алтай-Буучай — Алтайский Стрелок или Золотой Стрелок), значение которого, по-видимому, раньше было понятно алтайцам, а затем забыто.

Однако все сказанное о месте и периоде сложения эпоса «Алтай-Буучай» является лишь первоначальной гипотезой автора данной работы, требующей дальнейшей проверки и уточнения на основе более углубленного и детального анализа всех версий сказания, а также широкого привлечения исторического материала.

II. ТЕКСТЫ

АЛТАЙ-БУЧЫЙ

(вариант *А. Г. Калкина)*

Алты ӱйелӱ ак тайганың
Айаң болгон колтыгында,
Јылар-јылбас кӧк талайдың
Кеен болгон јаказында

Атту-чуулу Алтай-Бучый
јуртап јатты.
Одорлуга малын салган,

Одындуга јуртын салган,

Тебеелӱге малын салган,

Тергеелӱге јуртын салган.

Улаазынаң уйлар ичкен,

Улу-јаан баатыр болды,
Эжигинең элдер ичкен,
Эрлу-јаан кезер болды.
Киндигине бу болгозын,
Кир ле согуп артабаган,

Кирбигине бу болгозын,
Јаш согулып ыйлабаган.

Ады чыккан кезер болтыр,
Јолы чыккан баатыр эмтир.
Јаңмыр тӱшпес јай алтайга

У открытого подножия
Шестивершинной белой тайги,
На ровном берегу
Медленно текущего синего
моря[1]

Жил
Прославленный Алтай-Бучый.
Где хорошее пастбище — скот
пускал,

Где много дров — юрту
ставил,

Где подножный корм — скот
пускал,

Где жилище можно ставить
— юрту ставил.

У основания его юрты пили
коровы,[2]

Великий он был богатырь.
В дверь (входя), его народ пил,
Мужественный он был силач.
Никогда к его пупу
Грязь не приставала — (пуп)
не портился.

Никогда на его ресницах
Слезы не нависали — (он) не
плакал.

Имя силача всем известно,
Подвиги богатыря везде знают.
На летнем Алтае, где дождь не
льет[3]

Чактаҥ чакка јуртай берген,
Куру тӱшпес бий алтайга

Кыйын јадып јуртай берген.
Атту-чуулу Алтай-Бучый
Андап-куштап јӱрер јаҥду
Эмди болбой бу канайтты.
Јаҥырар айдыҥ ӱч јаҥыда
Андап-куштап јӱртен эмтир,
Элтирер айдыҥ ӱч эскиде
Уйуктап јадар бу лай болды.
Ӱч тер јакшы атту болды.

Јууга-чакка бу минетен
Теҥери берген темичи-кӱреҥ
бу ла болтыр.

Аҥдап-куштап бу минетен
Ӱлген берген ӱлбӱс-чӧӧкыр

Бу лай ады бу болуптыр.
Малды, ашты кабыргазын,
бу минетен
Байана берген бараан-чоокыр
малдар болтыр
Атту-чуулу Алтай-Бучый
Аҥдап-куштап атанарга
Алты кап азыктардаҥ
белетеп ийди.
Очо-Чечен бу сыйнына,
Јара-Чечен бу ӱйине
Эмди айдып бу отурды:
«Ээй-ээй, эжим — деди,
Акыр, акыр, сыйным — деди,
Алтай ӱстин айланайын,
Алтан ӧзӧк ӧдӧдим — дийт,
Јердиҥ ӱстин эбирейин,
Јетен тайга ажадым — дийт.
Аҥдап-куштап барадым—дийт,

Кармак салып јӱредим—дийт.
Ээ — бӱӱ,
Эрјене малды малдагар—дийт,
Элди-јонды башкараар—дийт,
Эжим биле сыйным» — де-еп

Эмди јакып јӱрбей кайтты.

Из века в век он живет.
На Алтае — господине, где
иней не падает,
Лежа на боку живет[4].
Прославленному Алтай-Бучыю
Дни свои на охоте проводить
Было законом.
На третий день новолуния
Он выезжал на охоту,
На третий день лунного
ущерба
Он ложился спать...
Богатырь имел три славных
коня.
На войну верхом выезжать
Темнорыжий конь Темичи,[5]
данный Небом,[6] предназначен
оказывается.
На охоту отправляться
Полосатый с крапинками конь,
данный Ӱлгенем,[7]
Предназначен, оказывается.
Скот пасти и продукты возить
предназначенным
Темно-полосатый конь, данный
Баяной,[8] оказывается, был.
Знаменитый Алтай-Бучый,
Чтоб поехать на охоту,
Шесть кожаных мешков при-
пасов приготовил.
Младшей сестре Очо-Чечен,
Жене своей Яра-Чечен
Он теперь говорит:
«Ээй-ээй, жена,
Стой, послушай, сестра,
Я хочу Алтай объехать,
Шестьдесят долин проехать,
Землю вокруг объехать,
Семьдесят гор перевалить.
Я еду на охоту бить зверей-
птиц,
Возьму удочку рыб ловить.
Ээ—бӱӱ[9]
Драгоценный скот охраняйте,
Народом своим управляйте,
Ты, жена, и ты, сестра», —
сказал.
Так наказывал он им.

Алтан эки чуткамалду
Алтын ўйген ала кўйўп,
Шынгырада силкип ийди.
Азулуданг бу болгозын,
Ўлген берген ўлбўс-чоокыр

Алын колы казалаган,

Кийин буды бийелеген,

Темир чакы бу тёзине
Jелип келип бу токтоды.
Аттынг бажын артай тудуп,

Алтын ўйген ўйгендеди,
Арка-белин арчый тудуп,

Ак тар кёбёнг токум салды.

Арташ кўлер ээрди бэлзо

Чўмдеп тудуп бу ээртеди,
Бежен колонг бектеп тартты.

Тогузон колонг тослоп тартты.
Аттынг чўмин чўмдегенде,

Баатыр чўмин бу чўминди.

Алтын мылтык jўктен ийди,
Ок-саадыгын салын ийди.
Ай карангай бу jыдазын,
Тўн карангуй бу ўлдўзин
База такып бу тангынган.
Чёй ўзенги чёйё тепкен,

Алтын суулук чайкай тарткан.
Ат тискинин эмди тудуп,
Ары кёрўп бу атанды.

Ары да кёрўп атанарда,
Айдынг кёзи ол бёктёлгён,
Бери де кёрўп атанарда,
Кўннинг кёзи бу jабылган.
Азулуданг бу болгозын,
Ўлген берген ўлбўс-чоокыр

С шестьюдесятью украшениями
Золотую узду снял
И в воздухе потряс, звеня.
Из имеющих клыки
Полосатый с крапинками конь,
данный Ульгенем,
Передние ноги вперед
выбрасывая,
Задними ногами в пляс
пускаясь,
К железной коновязи
Рысью прискакал и стал.
Над головой коня руку (бога-
тырь) занес,
Золотую узду надел,
По спине ладонью, очищая,
провел,
Белый, как хлопок, потник
набросил.
Бронзовое седло с двумя
крылами
Сверху, украшая, положил.
Пятьдесят подпруг крепко
натянул,
Девяносто подпруг, считая,
натянул.
Коня своего заседлав, приготовив,
Богатырское снаряженье стал
на себя нацеплять.
Золотой самострел надел,
Колчан со стрелами надел,
Пику луноподобную,
Саблю, как ночь, темную
Он на себя нацепил.
Чугунные стремена ногами
вытянул,
Золотые удила подергал,
Повод в руки подобрав,
Туда повернул коня и отпра-
вился.
Туда лицом он поехал —
Лик месяца заслонился,
Лицом сюда он поехал —
Солнца лик закрылся.
Из имеющих клыки
Полосатый с крапинками,
конь, данный Ульгенем.

Алын колы казалады,
Кийин буды бийеледи,

Көк өлөнди көмө теппес,

Көндрө јорго јорголоды.
Јаш өлөнди јайа теппес,
Јараш јорго јорголоды.
Јаан, јаан тайгалардынг
Јарын бойго тебе берди,
Јабыс, јабыс тайгалардынг
Ийин бойго тебе берди.
Тоолоп болбос суулар кечкен,
Тоозын билбес кырлар ашкан.

Элезиндий элес эдип,

Сурбулјындый сурт тар өдүп,
Јүрүп ийбей бу ла кайтты.

Ат тынызы куу тумандый,

Алып јүзи кызыл өрттий.

Атту-чуулу Алтай-Бучый

Алтай сыртын алты айланды,

Јердинг үстин јети айланды.

Туудынг анын тууга атты,

Суудынг анын сууга ла тутты.

Камду анныг јакшыларын
Карызынанг тизендеди.
Албаа анныг аруларын
Тумчугынанг тизен салды.
Удра тиштү айу-бөрү

Азузынанг тизен салды.
Кайра тиштү какайларды
Карызынанг тизен салды.
Үлген берген үлбүс-чоокыр

Ады эмди айдып јүрет:

Передние ноги вперед выбрасывая,
Задними ногами в пляс пускаясь,
Зеленые травы в землю не втаптывая,
Прямой иноходью идет,
На молодые травы не ступая,
Красивой иноходью идет;
Высокие-высокие горы,
Через хребты ступая, летит,
Низкие-низкие горы,
Через вершины ступая, летит;
Бессчетные реки переходит,
Бесчисленные горы переваливает;
Как песок промелькнувший, летит,
Как стрела, сверкнув, мчится,
Так быстро богатырь проезжает.
Пар из ноздрей коня серым туманом пышет,
Лицо витязя красным пожаром горит.
Прославленный богатырь Алтай-Бучый
Алтая хребты шесть раз объехал,
Поверхность земли семь раз объехал.
Горных зверей он в горах стрелял,
В реках ловил речных зверьков;
Лучших из лучших выдр
За передние ноги нанизывал,
Чистых из чистых соболей
За кончики носа нанизывал;
Прямозубых медведей, волков
За клыки нанизывал,
Кривоклыких кабанов
За передние ноги нанизывал.
Полосатый с крапинками конь,
данный Ульгенем,
(Алтай-Бучыю) теперь говорит:

«Алуларды кöдÿрерге
Кабыргам ла чылады — дийт,
Бу ла анды артынарга
Арка ла белим јободы»—дийт...
Алтай-Бучый бу јÿргенин
Айылда арткан Јара-Чечен бу эжизи,
Очо-Чечен бу ла сыйны
Узаксынган эмди болтыр.

«Алтан кÿннен ажа берген,
Ат öлгöни јарт тар дежет.
Тöртöн кÿннен öдö берген,
Эр öлгöни јарт тар — дежет.

Öскö јерден каан таап,

Ак тар малды олјолодор,

Албатыды башкартырар» —

Јара-Чечен ÿйде кижи
Андый сÿме бу сананган.
Алтын орын бу ÿстинен тужуп келди.
Ай судурды ала кÿйÿп,
Кандый каан Алтай јерде
Алмын-чулмун бар ба де-еп,

Јердинг ÿстин јети айланып,

Јети кÿнге бу шингдеди,
Алтай ÿстин алты айланып,

Алты кÿнге бу шингдеди.
Бир де неме билдирбеди.
Эп-аргазы табылбаста,
Јети тайга колтыгына
Једе базып бу баргазын,
Тегерик кара бу ла кöлдö
Эки тÿнгей öртöк куштар

Эжингилеп јадар эмтир.
Экилезин тудуп алып,
Кулугурдын сырт јеринде
Тÿгин ÿзе јула берди.
Куркундарын эм сындырып,

«Звериные шкуры поднимать
Ребра мои устали,
Мясо зверей возить
Спина моя заболела»...
Эту поездку Алтай-Бучыя
Оставшаяся дома жена Яра-Чечен,
Младшая сестра Очо-Чечен
Очень долгой посчитали, оказывается.
«Уже за шестьдесят дней перевалило,
Что конь его пал — это ясно.
Уже сорок дней прошло,
Сам богатырь погиб—это ясно.
В другом месте надо хана найти,
Весь скот ему во владение отдать,
Народ ему в управление отдать»—
Хозяйка юрты Яра-Чечен
Такое решение приняла.
С золотой кровати соскочила,
Лунную книгу судур[10] взяла,
Какой хан на Алтае
Силен и ловок — стала смотреть.
По поверхности земли семь раз (по книге) прошлась,
Семь дней читала,
По поверхности Алтая шесть раз (по книге) прошлась,
Шесть дней вникала,
Но ничего не смогла узнать.
Способ-выход не найдя,
К подножию семи гор
Яра-Чечен пришла, увидела:
На круглом черном озере
Две похожие друг на друга утки
Плавали, оказывается.
Обеих она поймала,
Со спины обеих негодниц
Перья стала выщипывать,
Кости крыльев ломать,

Тӱнге-тӱшке кинчектеди:
«Јердиҥ сыртын јети айланган,

Алтай сыртын алты айланган.
Кандый каан алмын-чулмун
бар болгонын
Көрдиҥ бе ле айдып бер» —
дийт.
Суу ла кужы бу јайнады:
«Кызыл каным тӧкпӧгӧр —
дийт,
Кылду бажым ӱспегер—дийт.
Кӧзи јокко кӧс болгодый,

Эжи јокко эш болгодый

Эки јакшы бу баатырды
Слерге айдып берейин—дийт.
Јетен тайга ар јанында
Јетен ӧзӧк ол јанында,
Јер-тенгери белтиринде,

Јетен тайга колтыгында
Ак тар сары бу аттарлу
Арнай, Чарнай — эки карындаш
Алтай ӱстин ӱзе бийлеен,

Албатыдыҥ канын соргон,
Јердиҥ ӱстин ӱзе бийлеен,
Јетен каанныҥ бажын кырган

Алмын-чулмун јутпалар бар.

Алган эжи мынын јок-дийт.
Алмын-чулмун бала бедреп,
Эмди таап болбый јӱрген.
Јердиҥ ӱстин јети айланып,
Тӱнге-тӱшке јоруктаган—
Јакшы кижи табылбаган.
Ол ло јерге элчи ийеер».
Мыны уккан
Јара-Чечен јараш келин

Днём и ночью мучить:
«Вы поверхность земли семь
раз облетели,
По Алтаю шесть раз кружились.
Какого хана сильного и ловкого
Вы видели — скажите».

Утки стали молить:
«Красную кровь нашу не проливайте,
Головы наши пощадите.»
Кто слепа—той глазом стать
могущих,
Кто одинока — той мужем
стать могущих
Двух хороших богатырей
Мы вам скажем.
За семьюдесятью горами,
За семьюдесятью долинами,
Там, где небо и земля сходятся,
У подножия семидесяти гор
На конях серо-желтой масти
ездящие
Два брата, Арнай и Чарнай,
живут.
На Алтае над всеми господствуют,
Кровь народа сосут,
На земле нет выше их,
У семидесяти ханов головы
сняли,
Ловкие и сильные прожоры
они.
Нет у них жен, взятых.
Достойных себя женщин
Не могут до сих пор найти.
Поверхность земли семь раз
объехали,
Днем и ночью искали —
Хороших невест не нашли.
К ним-то и шлите послов».
Услышав это,
Красивая молодая женщина
Яра-Чечен

Кулугурдын канадына
бичик чийет.
«Алтай-Бучый кайран эжим

Аңдап јӱрӱп, ӧлӱп калган,
Ак јалангга божоп калган.
Алтан кӱннең ажа берди,

Төртӧн кӱннең ӧдӧ берди.
Элдең јерге мал артырды,
Элдең јерге јурт артырды.
Эмди келип, бисти алар
Эп-аргагар бар ба?» — деди.
Бичик чийген бу отурды.
Ай канатту суу ла куштар
Јетен јаан тайга ла аштыҥ

Јетен јаан талай кечти.

Арнай, Чарнай бу айлынын

Јанына эмди јетпей кайтты.
Суу алгышка тоңмок сууга
Эжингилеп јӱрбей кайтты.
Оңойтконның ол соңында
Суу алатан бу лай бала
Эки кӧнӧк бу тудунып,
Эмди сууга бу келгежин,
Суу алгыштың ол јанында
Куштаң јобош куштар јӱрди.

Туттурбас та, аттырбас та
эмди болды.

Бу солунды јетирерге

Јаагын јара тырмап алды.
Айлына ла бу келерде,

Арнай, Чарнай — эки карын-
даш
Кыс баладаң бу сурады:
«Акыр, акыр, сен балабыс,

Јаагың сенинг кайтты?»—деш-
ти.

Кыс балазы айдып турат:
«Акыр, акыр, каандарым,

На крыле негодницы-утки письмо пишет:
«Дорогой мой муж Алтай-Бучый,

Уехав на охоту, умер,
В чистом поле скончался.
За шестьдесят дней уже перевалило,
Больше сорока дней прошло.
Напрасный скот оставил,
Напрасно юрта его стоит,
Теперь приехать и нас увезти
Есть ли у вас возможность?» —
(Такое) письмо написала.
Лунокрылые птицы-утки
Семьдесят высоких гор перелетели,
Семьдесят широких морей пролетели.
Юрты Арная и Чарная

Теперь достигли.
На роднике, где воду берут,
Стали плавать.
После того, что было,
Девушка-водоносица
С двумя ведрами в руках
Пришла к роднику,
У того места, где воду берут,
Утки смирные из смирных плавали,
Их ловишь — не ловятся, в них (камешек) кинешь — не попадешь.
Чтоб эту весть не забыть сообщить,
Она щеку себе исцарапала.
Когда (девушка) пришла домой,
Два брата, Арнай и Чарнай,
Ее, девушку, спросили:
«Постой, постой, ты, наша девушка,
Что случилось с твоей щекой?»

Девушка им отвечала:
«Постойте, постойте, мои ханы,

Алмын-чулмун баатырларым,
Куштаҥ јобош куштар јӱрген,

Једип тудуп мен болбодым.

Каандарыма айдайын деп

Јаагым тырмап алган эдим».
Мыны уккан Арнай каан
«А—а» дейле,
Төр бажынаҥ туруп чыкты.
«Э—э» дейле, Чарнай каан
Ээчий база бу јӱгӱрди.
Суу алгышка бу баргазын,

Куштаҥ јобош куштар јӱрди.

Кулугурды тудуп алза,
Алтын тӱгин јулуп кӱйтӱр,

Канадында бичиктӱ болтыр.
Эки јакшы ӱйде кижи
Бичик ийген бу болуптыр.
Айы јок ло алтайына ай
тийдирген,
Кӱни јок ло алтайына
кӱн тийдирген,
Аҥды-кушты өлтӱр јӱртен,

Албатыга быйаны јеттен

Алтай-Бучый баатырдыҥ
Абакайы ийген болтыр.

«Өлө бертен тыны да јок,
Өзӱп токтор јажы да јок
Алтай-Бучый
Аҥдап барып, божой берген.
Ээн јерге малдар артты,

Ээн јерге јурттар артты.

Мындый јакшы баатырлар,
Бистиҥ малды олјологор,
Бистиҥ јуртты апарыгар.
Тебеегерге малым турзын,

Сильные и ловкие богатыри,
Я видела уток смирных из
смирных,
Догнать и поймать их не
смогла.
Чтоб (не забыть) моим ханам
сказать,
Я щеку сама себе исцарапала».
Услышав это, хан Арнай,
Молвил «а—а»
И выскочил с переднего угла,
Хан Чарнай молвил «э—э»,
Вслед за братом выскочил.
Когда пришли туда, где воду
берут,
Смирные из смирных утки
плавали.
Их, негодниц, они поймали.
Золотые перья на них выщи-
паны,
На крыльях письмо написано.
Две почтенные женщины
Письмо, оказывается, послали.
На безлунном Алтае
Луну поставившего светить,
На бессолнечном Алтае
Солнце зажегшего,[12]
На зверей и птиц охотивше-
гося,
Для народа много блага сде-
лавшего
Алтай-Бучыя богатыря
Супруга, оказывается,
написала.
«Умереть—душу не имеющий,
Предела летам не имеющий
Алтай-Бучый
На охоту уехал и умер.
Никому ненужный скот остал-
ся,
Никому ненужная юрта оста-
лась.
Вы, такие хорошие богатыри,
Наш скот угоните,
Нашу юрту перевезите.
Пусть на ваших пастбищах
скот пасется,

Айлыгарга jöөжöм jатсын.

Кийик болзо, тўктў болбый,

Кижи болзо, эштў болбый,

Бисти келип алзын» — де-еп

Эмди ле де бичип салган
бу болуптыр.
Мыны уккан Арнай каан
Ай тийгендий бу сўгўнди,

Чарнай каан карындажы
Кўн тийгендий бу сўгўнди.

Аткан октоң арай jобош,

Учкан куштаң арай тўрген
Сыр jўгўрўк келбей кайтты.

Алтай-Бучый öлгöн дежип,
Адазына айдып турды.
Алтан-Шалтан бу öбöгöн:

«Акыр, акыр, балдарым —
дийт,
Jойгон чылап мениң сыным
бöкöйгöн — дийт.
Койон чылап мениң бажым
кажайган—дийт.
Бу кирелў jажаганча,
Мындый куучын мен укпагам.
Албатыга быйан болгон
Алтай-Бучый jаан баатыр

Öлўп токтоор тыны jок эди,
Öзўп токтоор jажы jок эди,
Атту-чуулу баатыр эди.
Акчыл-быкчыл көöркий эди.

Калак-корон, кандый тўбек
болды ла?» — дийт.
Сыктап, сыктап бу отурды.
«Алтайына барбагар — дийт,
Айыл-jуртын тонобогор,
Ак ла малын шоктобогор.

Пусть в вашей юрте добро
хранится.
Зверь всегда с шерстью быва-
ет,
Мужчина всегда подругу име-
ет,
Нас в жены, приехав, возьми-
мите»—
Так в письме написано, ока-
зывается.
Услышав это, хан Арнай
Обрадовался, как будто луна
засияла,
Его брат хан Чарнай
Обрадовался, как будто солнце
засветило.
Чуть потише выпущенной стре-
лы,
Чуть быстрее летящей птицы,
Что есть мочи побежали к
отцу.

О смерти Алтай-Бучыя
Ему рассказали.
Старик Алтан-Шалтан (вос-
кликнул):
«Стойте, стойте, мои дети,

Как согнувшаяся пихта, сог-
бенным я стал,
Как белый заяц, моя голова
поседела.
Много лет я на свете прожил,
Но такого никогда не слышал.
Народу благом ставший
Великий богатырь Алтай-Бу-
чый
Не имел души, чтоб умереть,
Не имел предела своей жизни,
Сильный богатырь он был,
Доброе сердце он, дорогой,
имел.
О горе, какая беда с ним слу-
чилась?» —
Так причитал и печалился.
«Не ездите в его землю,
Не трогайте его юрту,
Не угоняйте его белый скот.

Тебеезине малы турзын,
Тергеезине јоны јатсын,
Улаазынаң уйлар ичсин,
Иргеезинең јондор ичсин,
Алган ӱй(и)не тийбегер» —
дийт.
Эки тӱңей баатыр уулдар
Ада сӧзин укпадылар.

Алтан јашту адазының

Көксин оодо ол тебеле,
«А—а» деген Арнай каан,
«Э—э» деген Чарнай каан
Аттарына мингиледи.
Алтай-Бучый јерин көстӧп,

Эки ле кезер бу атанды.
Учкан куштаң арай тӱрген,
Аткан октоң арай јобош,

Јыда ми(и)зи јылтырашкан,
Ӱлдӱ ми(и)зи мызылдашкан,
Ат тыныжы куу тумандый,

Алып јӱзи кызыл ӧрттий,

Тенгери тӱбин кӱркӱредип,
Телекей ӱстин шыңырадып,
Јетен кӱндӱк бу ла јерди
Јети кӱнге ӧдӱп турды.
Кӱннинг көзин бу бӧктӧгӧн

Кӱмӱш таштту кӱреңг тайга,
Айдыңг көзин бу бӧктӧгӧн

Алтын таштту ала тайга
Ол бажына једип јӱрӱп,
Јери-јуртын шингдегезин,

Ак тар малы амыр болтыр.

На стоянках его пусть скот стоит,
На земле его пусть народ живет,
У основания его юрты пусть коровы пьют,
Его порог переступив, пусть народ пьет.
Жену, взятую им, не трогайте».
Два похожих друг на друга молодых богатыря
Отцовских слов не послушались.

В спину шестидесятилетнего отца
Ногой крепко ударили.
«А — а» говорящий хан Арнай,
«Э—э» говорящий хан Чарнай
На коней своих сели,
Землю Алтай-Бучыя глазами ища.

Оба силача направились.
Чуть быстрее летящей птицы,
Чуть потише выпущенной стрелы (помчались).
Острия пик сверкают,
Лезвия сабель блестят.
Пар из конских ноздрей серым туманом пышет,
Лица витязей красным пожаром горят.
Гром (их) до неба доходит,
Звон по земле разносится.
Семидесятидневное расстояние
В семь дней проезжают.
На вершину коричневой горы с серебряной скалой,
Заслонившей лик солнца,
На вершину пестрой горы с золотой скалой,
Заслонивший лик луны,
Они выехали.
Землю и юрту (богатыря) стали осматривать.
Белый скот его мирно бродит, оказывается.

Алтай јери эзен болтыр,
Одорлуга малы өскөн,
Одындуга јурты өскөн,
Омок тилдӱ албатылу,
Јараш чангкыр бу алтайлу,
Кӱнге кӱйбес кӱрең тажы
мызылдашкан,
Айга кӱйбес ала тажы
јалтырашкан.
Аржан кутук бу талайы
Чайбалышкан јадар болтыр.
Элбек малдың ортозында
Эки келин мында јӱрди.
Балтыр кежик баатыр уулды

Кабайлаган бу болуптыр.

Аткан октор таштаң јанбас.
Келген элчи бийдең јанбас.

Атту-чуулу Арнай каан,

Чарнай каан келгиледи.
Эки тӱңей айдый-кӱндий
бу чырайлу
Јара-Чечен бу келиннең
Очо-Чечен бу бойлудаң
Сурагылап турбай кайтты:
«Ээй, ээй, балдар — деди,
Акыр, акыр, ӱй улустар,
Өлӧ бертен тыны јок — дийт,
Өзӱп токтор јажы јок — дийт
— Алтай-Бучый
Аң јакшызы эдин јиген,
Атту-чуулу баатыр кижи,
Өлгӧни мынын чын ба?» —
дешти.
Эки ле тӱңей ӱй улустар

Эмди айдып јӱрбей кайтты:
«Ээй, ээй, баатырлар,—дийт,
Алтай-Бучый јанып та келзе,

Земля его здравствует, оказывается.
На пастбищах скота стало больше,
Где дрова есть — юрта богатеет,
Остроязыкий народ имеет,
Красивый голубой Алтай имеет.
Невыгорающие на солнце коричневые камни сверкают,
Нелиняющие от света луны пестрые камни сияют,
Целебное чистое море,
Волнуясь, колышется.
Средь больших табунов и отар
Две женщины разъезжают.
Неокрепший богатырь-младенец, на счастье дарованный,
В колыбели лежит, оказывается.
Выпущенная стрела от камня не возвращается,
Приехавший к бию посол от бия не возварщается.[13]
Знаменитый хан Арнай и
хан Чарнай
(Вперед) поехали.
У двух похожих друг на друга, солнцеликой и луноликой,
У замужней Яра-Чечен,
У невесты Очо-Чечен
Они стали спрашивать:
«Ээй, ээй, ты, девица,
Стой, послушай, молодица,
Предела жизни не имеющий,
Умереть — душу не имеющий
Алтай-Бучый,
Лучших зверей мясо евший,
Знаменитый богатырь
Вправду умер или нет?»

Две похожие друг на друга
женщины
Им ответили теперь:
«Ээй, ээй, богатыри,
Алтай-Бучый хоть и возвратится,

Ичирери менде ле болзын,
Өлтүрери слерде ле болзын,
Эмди сүме бистинг болтон учурлу» — дийт.

Эки ле түнгей јутпаларга
Јүс ириктинг бу эдинең
Бир тепшиге салып берди.

Јүс тажуур аракыды
Бир чөөчөйгө уруп берди.
Јүс буурадынг бу эдинең
Пөрөг эдип бербей кайтты.
Јүс букадынг бу эдинең
Пелбен эдип берген турды.
Ажангылап отурганча,
Айдынг-күннинг бу көзине
Кара көжөө бу јабылды,
Турган агаш тура сынар
Соок түже бербей кайтты,
Јатқан јадык јада анданар
Салкын келбей эмди кайтты,

Ат капталга кар јаады,
Андый јаан калап болды.

Өзөк ичи өлө туман,

Кырдынг бажы кызыл туман,

Боро туман борлоп чыкты,
Кара туман кайнап чыкты.
Ак тар малы эки күнге
Тебеезинең чыкпай барды.
Албатызы тогус күнге
Тергеезинең чыкпай барды.
Алтай-Бучый келип јатты.

Эки түнгей эм јутпалар,

Эбин таппий бу бардылар.
«А—а» деген Арнай каан
Алтан кулаш оро казып,

Төр бажына бу јажынды.

«Э—э» деген Чарнай каан
Јетен кулаш оро казып,

Напоить его — наше дело,
Убить его — ваше дело.
Выход теперь мы сами должны найти».

Двум одинаковым прожорам
Мясо ста баранов сварили,
В одной посуде[14] перед ними поставили.
Из ста тажууров[15] вино
В одной чаре преподнесли.
Из мяса ста верблюдов-самцов
Пирог им состряпали.
Из мяса ста быков
Пельмени сделали.
Пока они так пировали,
Вдруг лик солнца и луны
Черный занавес закрыл,
Ударил сильный мороз,
Стоящие деревья ломающий,
Подул сильный ветер,
Валежники на земле переворачивающий,
До живота коня выпал снег.
Так страшно вдруг стало вокруг.
Разноцветный туман пал в долине,
Красный туман окутал вершины гор,
Серый туман забурлил,
Черный туман закипел.
Белый скот два дня
Из укрытий не выходил.
Народ в течение девяти дней
Из стойбищ не выходил.
(Это) возвращался Алтай-Бучый.
Две похожие друг на друга прожоры
Не знают, что делать.
«А—а» говорящий хан Арнай
В шестьдесят саженей яму вырыл,
В переднем углу (юрты) спрятался.
«Э — э» говорящий хан Чарнай
В семьдесят саженей яму вырыл,

Эжик ўйде бу јажынды.
Јара-Чечен јараш келин

Алтан тажуур аракыга
Ачу корон кожуп ийди,
Јетен тажуур коројонго

Јыду корон кожуп ийди.
Ўделикке бу јетирбей,
өлтўретен
Изў корон бу божотты,
Коноктыкка бу јетирбей,
кородотон
Корон јеткер аракыды
Јазагылап јўрбей кайтты.
Анайтканның бу соңында
Ат тыныжы куу тумандый,

Алтай ўстин бөктөп келди.

Алып јўзи кызыл өрттий.

Теңери тўбин бўркеп келди.
Ээ-бўў.
Азулудаң бу болгозын,
Ўлген берген ўлбўс-чоокыр,

Алын колы казалаган,

Кийин буды бийелеген,

Эки тўңгей кара көзи

Карык туткан ай кеберлў
айланышкан,
Эки тўңгей кайчы кулак

Теңеридиң агы-көгин
Ары-бери селип турар,
Төрт туйпагы бу такалу,
Төбө лө бели бу јаркынду,

Јал куйругы јалгын кептў,

Јал арказы јалбыш кептў,
Тогузон эки кыл уйазы
Торсугынаң ödўп öскön,
Јетен айры чаңкы јалы

Около дверей спрятался.
Замужняя красавица Яра-Чечен
В шестьдесят тажууров вина
Горький яд добавила,
В семьдесят тажууров перегнанного вина[16]
Дурной яд вылила.
До полдня чтоб богатырь не прожил, умер,
Жгучий яд спустила,
До вечера чтоб не прожил,
скончался,
Со страшным ядом вино
Стала, спеша, готовить,
После того, что было,
Пар из ноздрей коня серым туманом
Поверхность Алтая окутав, приблизился.
Лицо богатыря, красным пожаром
Небо заслонив, показалось.
Ээ-бўў,
Из имеющих клыки
Полосатый с крапинками конь,
данный Ульгенем,
Передние ноги вперед выбрасывает,
Задними ногами в пляс пускается,
Яблоки двух одинаковых его черных глаз,
Как луна при затмении, вертятся,
Двумя одинаковыми ушами-ножницами (прядая),
На синем небе белые тучи
Туда и сюда гоняет.
Четыре копыта подкованы,
Голова и спина блестят (украшениями),
Волосы хвоста, как молнии, сверкают,
Грива, как пламя, горит.
Девяносто две косички хвоста
Ниже щеток выросли,
Семьдесят косичек гривы

Тизе көстөҥ ӧдӱп ӧскӧн,
Атанатан бу јанында
ай таҥмалу,
Камчы согор бу јанында
күн таҥмалу.
Јеген тайга јолын билер,
Јеген ӧзӧк кечӱ билер,
Јӱгӱрӱктиҥ маҥын туткан

Јӱгӱрӱк быйан бу эрјине
Кара тайга бу бажына
Јелип чыкпай бу канайтты.
Эрјенелӱ адын минген
Эр де кижи Алтай-Бучый

Ай кеберлӱ бу чырайы
Алтын кептӱ јылтырашкан,
Күн кеберлӱ бу чырайы
Күмӱш кептӱ мызылдаган,
Бек тер бӱткен бу белине
Бежен айгыр мал тургадый.

Ак јалаҥдый арказына
Алтан ӱӱр кой јӱргедий,

Тайга ла кептӱ бу јарынду,

Јалаҥ кептӱ бу маҥдайлу,
Ӧлӱп барар тыны да јок,
Ӧзӱп токтоор јажы да јок
Атту-чуулу баатырым
Аҥ семизин талдап аткан,

Камду, албаа бу коштогон,

Кара тайга бу бажынаҥ
Јети ӱйелӱ кӱлер чакы
бу тӧзине
Једип тӱшкен эмди турды.
Очо-Чечен бу сыйыны
Ат аларга келбей кайтты.
Эмди де-е бу болгожын,
Алтай-Бучый баатыр кижи
Алу јакшы тӱжӱргенде,
Арчымакты бу алганда,

Ниже колен выросли.
На стороне, с которой (на него)
садиться,
Луноподобное тавро имеет,
На стороне ударов плетки[18]
Солнцеподобное тавро имеет.
Тропинки семидесяти гор он
знает,
Переезды семидесяти долин ему
знакомы.
(От матери) скакуном рожден-
ный
Драгоценный конь-скакун
На вершину черной тайги
Рысью выехал.
На драгоценном коне ездящего
Лучшего из мужей Алтай-Бу-
чыя
Луноподобный лик,
Как золото, блестит,
Солнцеподобный лик,
Как серебро, сверкает.
На крепком его хребте
Пятьдесят косяков коней мо-
гут стоять,
На широкой, как степь, спине
Шестьдесят отар овец могут
пастись.
Лопатки, как горы, возвыша-
ются,
Лоб, как поле, широк.
Не имеет души, чтоб умереть,
Не имеет предела своей жизни.
Прославленный мой богатырь,
Жирных зверей по выбору на-
стрелявший,
Выдр и соболей (на коня) на-
вьючивший,
С вершины черной горы
К семиконечной бронзовой ко-
новязи
Подъехал и спешился теперь.
Младшая сестра Очо-Чечен,
Чтоб взять коня, подошла.
И теперь, когда
Алтай-Бучый богатырь
Стал вьюки с добычей снимать,
Переметную суму спускать,

Ўлген берген ўлбўс-чоокыр

Тадырада силкине берди,
Чагырада киштей берди,
Э(э)зине айдып јўрер болды:
«Акыр, акыр, Алтай-Бучый,
Өлбөс бойынг өлдинг, экем,

Барбас бойынг бардынг, экем,

Айылыстынг ару јыд(ы)нанг
Өскө јыт ла эм јытанат.

Таары јыды јаба согот.
Јуртыбысты јуулап келген

Бу болбозын, ајарын» — дийт.
Атту-чуулу Алтай-Бучый

Ад(ы)ныңг бажы-көзин сыймап,
Алтын ўйген чупча тартып,
Ак јаланга агыдып ийди.

Алтын өргөө базып келди,
Алтын эжик ачып кирди.
Јара-Чечен эмди ўйи
тура јўг(ў)рип,
Алтын тепши јык толтыра
Этти-јууды бу экелип,
Эмди салып јўрбей кайтты.
Јетен јўзўн тамзыкту аш
салып берди,
Јетен тажуур коројонды
алып берди.
Аш јакшызын салып берди,
Ачу аштанг уруп берди.
Корон кошкон аракыды
Колый-телий ичип ийип
бу отурды.
Алтай-Бучый баатырдынг
Эзиретен кирези јок,
Јўўлетен аргазы јок.
Эбеш-убаш эзиргенде,
Алтай-Бучый айт отурды:
«Ээй, ээй, кайран эжим,

Полосатый с крапинками конь,
данный Ульгенем,
Всем телом встряхнулся,
Громко, горько заржал
И хозяину стал говорить:
«Стой, постой, Алтай-Бучый,
Бессмертный ты—как бы не
погиб, мой друг,
Неуходящий ты—как бы не
ушел, мой друг.
Чистый воздух был в нашем
стойбище,
Но чужим запахом теперь несет,
Запах пороха слышен.
Как бы кто войною к нам не
прибыл,
Будь осторожен» — сказал.
Прославленный богатырь Алтай-Бучый
По щеке коня похлопал, погладил,
Золотую узду с него снял,
На чистый луг пустил (пастись).
Подошел он к золотой юрте,
Золотые двери открыл и вошел.
Жена Яра-Чечен теперь вскочила,
В золотой посуде дополна
Жирное мясо принесла,
Перед ним поставила.
Семьдесят вкусных блюд принесла,
Семьдесят тажууров перегнанного вина подала.
Лучшую пищу поставила,
Крепкое вино налила.
Разбавленное ядом вино
Он чару за чарой пьет.
Богатырь Алтай-Бучый
От выпитого вина не пьянеет,
Ум его не мутится.
Чуть-немного захмелев,
Алтай-Бучый говорит:
«Ээй, ээй, дорогая жена,

Акыр, акыр, жару сыйным,

Мен јадала, уйуктазам,
Курдагымды курчанганча
Уйуктайын, тийбе — деди,
Саадагымды тангынганча
Амырайын, тийбе — деди.
Ак мылтыгым чупчыбагар,

Јўктегенче болзын — деди,
Ак ўлдўмди суурбагар,
Тангынганча болзын» — деди.
Јетен тажуур ичкен бойы
Јер тайанып тентирилди,

Алтан тажуур ичкен бойы
Анар-мынар таралјыды.
Анайып ла бу келерде,
Јара-Чечен јараш келин

Ачу ла корон кыйгы салды,
Ама-томо кышкы салды:
«Каный јадаар, каандарым?
Ачу-корон аракыла
Алтай-Бучыйды мен эзирттим.
Арга-сўме эм табала,
Ölтўреер ле мыны!» — деди.
Ачу-корон кыйгырарда,
«А—а» деген Арнай каан
Тöр бажынаң тура јўгўрди,

«Э—э» дейле, Чарнай каан
Эжик јан(ы)наң тура јўгўрди.

Оң јанынаң Арнай каан
Ала кўйген турбай кайтты,
Сол јанынаң Чарнай каан
Ала кўйўп јўрбей кайтты.
Атту-чуулу Алтай-Бучый
Алты ла кўнге бу тудушты,
Ак тайанып тўнгей келди,

Јети ле кўнге бу кўрешти,
Јер тайанып тўнгей келди.

Онойтконнынг ол сонгында
Алтай-Бучый кыйгы салды:

Стой, послушай, ласковая сестра,
Если я лягу, засну —
Пояс не сниму,
(Так) усну—не трогайте,
Колчан пусть будет на мне,
Я отдохну, — не касайтесь,
Белый лук-самострел не снимайте,
Пусть он будет на спине,
Белую саблю не вынимайте,
Пусть висит на мне».
Семьдесят тажууров он выпив,
Стал рукой о землю опираться, спотыкаясь,
Шестьдесят тажууров выпив,
Стал взад и вперед качаться.
Как пришел в такое состояние,
Замужняя красавица Яра-Чечен
Громко и горько вскричала,
На разные лады воскликнула:
«Что вы делаете, ханы?
Вином с горьким ядом
Алтай-Бучыя я напоила.
Способ-выход найдите,
Умертвите его!»
Когда так она закричала,
«А—а» говорящий хан Арнай
С переднего угла поднявшись, выбежал,
«Э—э» сказав, хан Чарнай,
Со стороны двери поднявшись, выбежал,
С правой стороны хан Арнай
Схватил богатыря,
С левой стороны хан Чарнай
Схватил его.
Славный Алтай-Бучый
Шесть дней боролся,
Хоть на луг рукой опирался— не поддавался,
Семь дней боролся,
Хоть на землю опирался — не сдавался.
После того, что сталось,
Алтай-Бучый вскричал:

«Азыраган сыйным — деди,
Алган-тапкан эжим — деди,
Ачу-корон аракыды
не бердеер?
Мындый тӱбек бу болорын
кай билбеде(е)р?
Эки ле баатыр бу алтына
Ак мырчактанг тӧгӱгер — дийт,
Эмди менинг бут алтыма
Ак кулурданг тӧгӱгер» — дийт.
Мыны ла уккан бу лай келин,

Jара-Чечен jараш ӱйи,
Тура jӱг(ӱ)рип келбей кайтты.

Алтай-Бучый бу алтына
Ак мырчактанг тӧгӧ берди,
Арнай, Чарнай бу алтына
Ак кулурданг тӧгӱп берди.
Jара-Чечен ӱйи туруп,
Очо-Чечен сыйны келип,
Тӧртӱ болуп, ӧмӧлӧглӧп,
Jӱк арайданг бир баатырды

Jыгып алган jӱрбей кайтты.
Ӱч ӱйеге эм ӱзӱлбес

Темир кижен бу экелип,
Тӧрт лӧ санын кӱлӱп jӱрет.
Анынг кийнинде
Арнай каан, Чарнай каан
Сурагылап jӱрбей кайтты.
«Озӧр ӧйинг ӧткӧн — деди,
Ӧлӧр ӧйинг jеткен — деди.
Бистинг мӧрӧй болгон — деди,
Сенинг мӧрӧй ӧлгӧн — деди.
Ӧлӧтӧн лӧ тынынг кайда?
Ӧзӧтӧн лӧ jажынг кайда?»

Jети кӱнге токпоктоды.
Кезип турза, кан тӧгӱлбейт,
Согуп турза, эт ӱзӱлбейт,
Кыймыктанбай jадар болды.
Энг учында унчугып айтты:

«Вскормленная мной моя сестра,
В народе найденная и взятая
жена,
Зачем дали горькое вино?

Как не знали, что такая беда
случится?
Под ноги двум богатырям
Белые горошины бросайте,
Под мои ноги теперь
Белую муку сыпьте».
Услышав это, молодая женщина —
Яра-Чечен-красавица
Поднялась и прибежала
к месту их схватки.
Под ноги Алтай-Бучыя
Белые горошины стала бросать,
Под ноги Арная и Чарная —
Белую муку сыпать.
Яра-Чечен его жена поднялась,
Очо-Чечен сестра пришла,
Вчетвером, помогая друг другу,
Одного богатыря кое-как, с
трудом
(На землю) повалили,
В течение трех поколений
нервущиеся
Железные путы принеся,
Четыре конечности его спутали.
После этого
Хан Арнай и хан Чарнай
Стали (у него) спрашивать:
«Наступил предел твоей жизни,
Настало время тебе умереть,
Наша победа пришла,
Твоя удача пропала,
Где твоя душа, чтоб мог умереть?
Где конец твоим возрастающим годам?»
Семь дней подряд его били.
Режут — кровь не течет,
Бьют — мясо не отрывается,
Без движения он лежит.
Наконец, заговорил, сказал:

«Өзүп токтоор јажым јок—
дийт,
Өлүп калар тыным јок — дийт,
Ээй, ээй, баатырлар — дийт,
Эбин таап болбозыгар.
Алты јылдың бу бажында
Адаар бажы ойылар — дийт,

Јети јылдың бу бажында
Слердиң бажаар үзүлер» —
дийт.
Акту сөзин бу лай айтты.
Јара-Чечен јараш келин

Каандарга айтпай кайтты:
«Тог(у)зон эки чой ылтанду

Чой ло кара сопогының
Кабылказын кодорыгар.
Аның ичи бу кыбында
Алтан айры бу ла миистү
Алтын томрок бар эди — дийт,

Алтай - Бучыйдың бу тынына
Једер неме ол болор» — дийт.
Эки јаан бу ла јутпа
Эки маска экелгилеп,
Эк(и) өдүктиң бу таманын
Кодоргылап, јети күнге
бу турушты.
Јүк арайдан болор болуп,
Токпоктолоп, кескилеп ле,
Калганчыда бу көргөзин,
Кабылказы бу ичинен
Алтан айры бу ла миистү
Алтын томрок эмди чыкты.

Эки ле түңей бу ла јутпа
Алтай-Бучыйдың томрогыла
Эки көзин ойуп алды,
Эк(и) эргегин кезип алды.

Јердиң јети бу кадынан
Јеш таамыды бу казала,
Алтай-Бучый бу ла бойын
Аңтарып ла ийбей кайтты.
Јети кады јер алтына

«Нет предела моим годам,

Умереть я душу не имею.
Ээй, ээй, богатыри,
Способ (убить) не найдете.
Через шесть лет
Будут пробиты головы ваших
коней,
Через семь лет сами голов ли-
шитесь» —

Так свои слова открыто сказал.
Яра-Чечен — замужняя краса-
вица

Ханам говорит:
«Девяностодвухрядную подош-
ву

Черных чугунных сапог
Отбивайте.
Между рядами подошв
С шестьюдесятью остриями
Золотой складень—нож име-
ется.[19]

Алтай-Бучыя жизнь
Только им можно лишить».
Два великие прожоры
Два молота принесли,
Подошвы двух сапог
В течение семи дней отбивая,
трудились.
Кое-как, с большим трудом
Отбив, отрезав (ряды подошв),
Напоследок увидели:
Из-под каблука
С шестьюдесятью остриями
Золотой складень-нож теперь
выпал.
Два похожих друг на друга эти
прожоры
Складнем-ножом Алтай-Бучыя
Два глаза его выкопали,
Два больших пальца(рук) от-
резали.

На семь слоев земли
Глубокую яму выкопали,
(Тело) Алтай-Бучыя самого
(В эту яму) столкнули.
В семислойное подземелье

Кўркўреп ле тўже берди.
«Јети јылга мында јадып,

Чирип өлўп калзын» — дежип,

Кийнинең ары бу тўкўрди.
Кабайдагы јаш балады

Адазының бу үстүнең
Тўжўргилеп ийбей кайтты.
Алтай-Бучый бу мөңкўзи
Алтайына артып калды.
Арнай каан, Чарнай каан
Ак тар малды айдап алып,
Алтын, мөңўн коштоп алып,

Јеезезин бу јемирип,
Јери-јуртын эмди чачып,

Коозозын бу кодорып,
Колдо јөөжө тоноп алып,

Алтай-Бучый бу алтайын
Јети күнге өртөп турды.
Семтейеле бу туратан
Төстў агаш јок тор этти,

Сербейип ле бу тургадый
Өлөң-тазыл јок тор этти.
Јууга-чакка ол минетен

Тенгери берген темичи-күреңг
јакшы атты
Арнай каан минбей кайтты.
Андап-куштап ол минетен

Үлген берген үлбүс-чоокыр
ол дор атты
Чарнай каан минбей кайтты.
Малга-ашка ол минетен

Байана берген бараан-чоокыр
ол дор атты
Јара-Чечен минип јөди.
Јерин көстөп јелг(и)леп ийди,

Јуртын көстөп јүрг(ү)леп ийди.

(Он) с грохотом улетел.
«В течение семи лет пусть здесь
лежит,
Пусть сгниет и исчезнет» —
сказав,
Вслед ему плюнули.
Младенца, в люльке лежав-
шего,
Вслед за отцом
(В яму) спустили.
Алтай-Бучыя священное тело
Так на его алтае[20] оставили.
Хан Арнай и хан Чарнай,
Белый скот погнавши,
Золото и серебро на коней
навьючив,
Древесный мох разбросав,
Землю и юрту богатыря
разрушив,
Навозные кучи разрыв,
Все домашнее добро его раз-
грабив,
Алтай-Бучыя алтай
В семь дней сожгли.
Чтоб, шелестя листьями, стояло
Ни одного корня дерева не
оставили,
Чтоб (на земле) вверх торчала,
Ни одной травинки не оставили.
На войну выезжать предназна-
ченного
Данного Небом хорошего коня
— темно-рыжего Темичи
Заседлал себе хан Арнай.
На охоту ездить предназначен-
ного,
Данного Ульгенем коня поло-
сатой масти
Заседлал себе хан Чарнай.
За скотом ездить и продукты
возить предназначенного,
На данного Баяной темно-по-
лосатого коня
Яра-Чечен села верхом.
На свое стойбище рысью поеха-
ли,
Свою юрту, глазами ища, от-
правились.

Кускун учуп учына јетпес
Куба чөлдиң бу учына,

Сағыскан учуп учына јетпес
Сары чөлдиң јаказына
эм једеле:
«Атту-чуулу баатырдың
Аттар күчин көрөр — дежип,
Јарыжар» — деп куучындашты.

Ары лай болуп јелгиледи.
Салкын јетпес сары чөлдиң
јаказына
Једип-јетпей бу јүреле,

Јууга-чаккa бу минетен
Тенгери берген темичи-күрең

Бир ле ташка тайкылала,
Бир ле ташка баш ойоло,

Јерди сүзүп өлбөй кайтты.
«Калапту бүткен баатырдың

Канду јууга бу минетен
Адын мунын-кулугурдың!»

Өлгөн аттың ол бажына
Камчыбыла бу соголо,
Арнай каан бойының адын
минип алды.
Анаң ары бу айдышты:
«Көс једетен мөңүн чөлдиң
јаказынаң
Көс јетпийтен алтын чөлгө
јарыжар» — дийт.
База такып јарышкылап
јүрбей кайтты.
Көс јетпийтен алтын чөлгө
Једип-јетпей бу јүреле,
Үлген берген үлбүс-чоокыр
бу ла адым
Јал јастанып јыгылала,
өлө берди.
«Баатыр кижи тайга-ташты
керигезин,

Достигнув пустынной степи,
До конца которой ворон не до-
летит,
Доехав до края желтой степи,
До конца которой сорока не до-
летит:
«Прославленного богатыря
Коней силу давайте испытаем,
Поскачем вперегонки» —сказа-
ли.
Друг за другом рысью поехали.
До конца желтой степи,
до куда ветер не домчится,
Не успели немного доска-
кать —
Для войны предназначенный,
Данный Небом темно-рыжий
Темичи
Об один камень спотыкнулся,
О другой — голову себе про-
ломил,
Землю боднув, растянулся.
«Разве это конь славного бога-
тыря,
Чтоб на нем на кровавую битву
можно ездить?
Эдакая дрянь была у него-
дяя!» —
Голову мертвого коня
Ударив плетью,
Хан Арнай пересел на своего
коня.
После этого сказали:
«От серебряной степи, которая
видна,
До невидной золотой степи
поскачем».
Снова пустились вперегонки.
Края невидной золотой степи
Достигнуть еще не успели,
Данный Ульгенем мой конь по-
лосатой масти
На гриву пал, растянулся.

«Это ль конь, чтоб богатырю
на нем

Минип алып, ангдап јўртен
Адын муныҥ-кулугурдыҥ!» —
каткырыжып,
Чарнай каан бойыныҥ адын
эмди минди.
Кеjегелў кара чөлдиҥ
jаказынаҥ
Кеjим сынду кан алтайдыҥ
белтирине
Jарышкылай бу лай берди.
Байана берген бараан-чоокыр
ол дор ады
Ак jалаҥныҥ учына jетпей,
jыгылала,
База да өлө бербей кайтты.
Анаҥ ары атту-чуулу
бу jутпалар
Алтан өзөк бу кечерде,
Алтан тайга бу ажарда,
Өнөтийин өлгөн болуп
шоктоп jаткан
Алтай-Бучыйдыҥ ўч тер ады
Тура jўгўрип келгиледи.
«Эки тўҥей эжер тайгылды
Эмди канай агыттыртан
болтон? — де-еп,
Теҥери берген темичи-кўреҥ
айдып турды. —
Jетен айры бу ла мўўстў
Jелбер кара сыгын болуп
кубулала,
Jелип бартан болзын — деди.
Керик бўткен бу jутпалар

Ок-саадагын кыскангылап,
Эки тўҥей эжер тайгылды

Агыдар ла болор» — деди.
Ўч тер тўҥей jакшы адым
Jетен айры бу ла мўўстў
Jелбер кара jердиҥ аҥы
бол алала,
Атту-чуулу jутпалардыҥ
Алдына барып, jеле берди.
Эки ле тўҥей ўй улустар
кыйгырышты:

Можно ездить в тайгу на
охоту?
Эдакая дрянь была у негодяя!»
— сказав, рассмеялись,
И хан Чарнай пересел на сво-
его коня.
От края черной степи с косич-
кой
До разветвления чепрачного
кан алтая[21]
Они теперь поскакали.
Данный Баяной конь темно-по-
лосатой масти,
Не доехав до конца широкой
степи, упал
И так же подох.
Когда знаменитые прожоры,
дальше поехав,
Шестьдесят долин переехали,
Шестьдесят гор перевалили,
Нарочно притворившиеся
мертвыми.
Три коня Алтай-Бучыя
На ноги вскочили.
«Двух одинаковых неразлуч-
ных собак,
Как сделать, чтоб отпусти-
ли?» —
Данный Небом темно-рыжий
Темичи сказал.
«В семидесятиветвистороГих,
В мохнатошерстых черных ма-
ралов превратившись,
Надо промчаться.
Жадными родившиеся прожо-
ры
Стрелы свои пожалеют,
Двух одинаковых неразлучных
собак,
Может, спустят.»
Три славных коня
В семидесятиветвистороГих,
Мохнатошерстых черных диких
зверей превратились,
Впереди знаменитых прожор
Рысью побежали.
Две одинаковые женщины за-
кричали:

«Оой, оой, баатырларым,
Бу аркада ангдар барып
јадыры!» —дийт.
«А—а» деген Арнай каан,
«Э—э» дейле, Чарнай каан:
«Алтай-Бучый баатырдың
Анга-кушка бу јӱретен
Ийдининг кӱчин көрөр» — дежип,
Эки кара бу тайгылды
Кынјызынанг бу агытты.
Онкылдаган, кангкылдаган
Эки ле тӱнгей кара тайгыл

Једип тударга јӱре берди.

Јетен өзөк ол јанына,
Јетен тайга ар јанына
Јети конуп келген бойы
Эки тӱнгей кара тайгыл
Најыларын бу таныйла,
Токтой тӱжӱп, куучындашты:

«Тӱндӱк тозуп бу јадатан
Эки боро бу мӱркӱтти
Өштӱлерденг эмди кайып
Агыттыртан болотон?»—деп
Эки ле кара бу тайгылым
Айдып јӱрбей бу ла кайтты:
«Јетен кулаш бу куйрукту
Кызыл јалбыш тӱлкӱ болуп
кубулала,
Јелип бартан эмди болзын.
Керик бӱткен бу јутпалар

Ок-саадагын кыскангылап,
Ол тӱлкӱди тудар дежип,
Эки боро бу мӱркӱтти
Агыдатан болбайсын» — деп
Куучындажып јӱрбей кайтты.
Эки тӱнгей кара тайгыл
Јетен кулаш бу куйрукту
Кызыл јалбыш тӱлкӱ болуп,

Эки тӱнгей каандардың
Бу алдына јелип барды.
Эки ле тӱнгей ӱй улустар
кыйгырышты:

«Ооой, ооой, богатыри,
На северном склоне этой горы
маралы скачут!»
«А—а» говорящий хан Арнай,
«Э—э» сказав, хан Чарнай:
«Алтай-Бучыем богатырем
На зверей пускаемых
Собак испытаем» — сказали,

Двух черных охотничьих собак
С цепей спустили.
С громким лаем и визгом
Две одинаковые собаки побежали,
Чтоб догнать и поймать (маралов) помчались.
За семьдесят долин,
За семьдесят гор
Семь дней пробежав,
Две одинаковые черные собаки
Своих друзей узнали,
Остановились и стали с ними
беседовать.
«Дымоход (юрты) охранявших
Двух серых беркутов
Чтоб враги отпустили,
Как теперь их заставить?» —
Две черные мои собаки
(Друзьям) стали говорить:
«В семидесятисаженнохвостых,
В краснопламенных лисиц превратившись,
Мимо их надо пробежать,
Жадными родившиеся прожоры
Стрелы свои пожалеют,
Чтоб лисиц поймать,
Двух серых тех беркутов,
Может, спустят» —
Так (друзья) беседовали.
Две одинаковые черные собаки
В семидесятисаженнохвостых,
Краснопламенных лисиц превратились,
Впереди двух ханов
(Они) побежали.
Две одинаковые женщины закричали:

«Ээй, ээй, баатырларым,
Ол јаланғда түлкү ле барып
јадыры» —дийт.
«Ийди муныңг—сокор күчүк,

Аң кийнинең бу барала,
Аза берген ол дор эди.
Эмди оның ангдап јүртен,
Түлкү туттан мүркүттерин
Агыт ийип, көрөлик» — деп,

Эки түңей боро мүркүтти

Агыткылап јүрбей кайтты.
Бу ла барган мүркүттерим
Јетен тайга ажа берди,
Јетен өзөк кече ле берди.

Јети јерге јандыра тепти,

Тогус јерге јастыра тутты.

Анаң ары најыларын
танығылап,
Куучындажа бербей кайтты.
Тенгери берген темичи-куреңг
Јакшы ады айдып турды:
«Атту-чуулу Алтай-Бучый
Эки көзин, эк(и) эргегин

Каный айрып алатан?» — дийт.
Јада түжүп бу анданды,
Тура јүгүрип, бу силкинди.
Өзөк ичи өлө туман
Эмди кайнап турбай кайтты,
Кырдың бажы кызыл туман
Эмди борлой бербей кайтты.
Јатқан јадык јада анданар
салкын болды,
Турган агаш тура сынар
Соок боло бербей кайтты,
Ат капталга ка-ар јаады,
Андый јаан калап болды.
Онойтконның ол соңында
Арнай каан, Чарнай каан
Арга ла корго бу таппады.

«Ээй,ээй, наши богатыри,
Вон в том поле лисицы бегут!» —
«Собаки его слепыми щенками
оказались,
За маралами побежав,
Они заблудились.
Теперь им на охоту взяв,
На лисиц пускаемых беркутов
Отпустив, испытаем», — сказав,
Двух одинаковых серых беркутов

Отпустили.
Полетевшие эти беркуты
Семьдесят гор перелетели,
Над семьюдесятью долинами
пролетели,
В семи местах (лисиц) мимо
ударили,
В девяти местах не могли поймать.
Затем своих друзей узнали

И с ними в беседу вступили.
Данный Небом темно-рыжий
Темичи —
Славный конь стал говорить:
«Прославленного Алтай-Бучыя
Два глаза и два больших пальца

Как теперь отнять?»
Лег на землю, повалялся.
На ноги вскочив, встряхнулся.
В долине пестрый туман
Стал теперь кипеть,
На горе красный туман
Стал теперь бурлить,
Подул ветер, валежники переворачивающий,
Ударил мороз,
Стоящие деревья ломающий.
До живота коня выпал снег,
Так страшно стало вокруг.
После того, что случилось,
Хан Арнай и хан Чарнай
Не нашли способа-выхода.

Элбек малды бу токтодып,
Элди-jонды бу jуунадып,
Jус будакту мөңкү терек
бу төзине
Ак байканды керий тартып,
jада ла берди.
Эк(и) эргекти, эки көсти

Тышкары артыс койбой кайтты.
Эки түңгей боро мүркүт
Эки түңгей көктийек болуп,

Jемзен jүрген куштар болуп,
Jүс будакту мөңкү терек

Бу төзине түжүп алып,
Анча-мынча бу jүреле,
Эк(и) эргекти бирзи оныңг
албай кайтты,
Эки ле көсти бирүзи ле
эмди алып,
Көк булутка бу көмүлип,
Ак булутка бу jажынып,
уча ла берди.
Оны ла көргөн Арнай каан
Оозын ачып, бу кыйгырды,
Атту-чуулу Чарнай каан
Ачу-корон бу кышкырды.
Ак мылтыкты ала күйүп,
Айтпас сөзин бого ло айтты,

Атпас огын бого ло атты.

Озо ло учкан кучыйактыңг
Jоон мойны бу төзинеңг
Коштой адып чыкпай кайтты,
Кийинде учкан бу кушкаштыңг
Куйрук бажын бүртей атты.

Эм чагырган jүрбей кайтты:

«Бистиңг мөрөй өлди—деди,
Оныңг мөрөй болды—деди.
Өчкөн оды кулугурдыңг
Такып күйтен туру—деди,
Өлгөн бойы ол, шилеемир,
Такып туртан туру не» — дийт.

Многочисленный скот остановили,
Народ в одно место собрали,
Под стоствольным вечным тополем
Белую палатку натянули
и в ней спрятались.
Два больших пальца и два глаза
На улице оставили.
Два одинаковых серых беркута
В двух воробышек превратились,
Как будто в поисках корма,
Под стоствольный вечный тополь
(Прилетев), спустились.
Немного попрыгав,
Два больших пальца один из них схватил,
Два глаза другой схватил.

В синие тучи нырнув,
В белых облаках спрятавшись,
улетели.
Увидев это, хан Арнай,
Открыв уста, закричал,
Знаменитый хан Чарнай
Громко-горько заревел.
Белый лук схватили,
Неприличными словами побранились,
Свои стрелы выпустить не пожалели.
Впереди летевшего воробышка
Около толстой шеи
Одна стрела пролетела,
Сзади летевшего воробышка
Лишь кончик хвоста (вторая стрела) задела.
(Ханы) горько теперь заревели:

«Наша удача пропала,
Его победа будет,
Угасший огонь негодяя
Снова, наверно, зажжется,
Умерший он, дьявол,
Снова, наверно, поднимется».

Эки ле тӱнгей ӱй ле кижи
Баатырларды мекегилеп
отургылайт:
«Акыр, акыр, јутпаларым,

Ачап-сыйап бу кушкаштар
Ачу-корон јут болордо,

Арга таппий, јерге тӱшпей.

Нени барып, олор көстөөр?
Нени барып, олор эдер?
Ачынбагар, тарынбагар,
баатырлар» — дийт.
Онойтконның ол соңында
Эки тӱнгей ол көктийек
Эки көсти, эк(и) эргекти
бу экелди.
Јети ле кады јер алтынаң
Алтай-Бучый баатыр сөөгин
алып чыгып,
Эки көсти бу эптеди,
Эк(и) эргегин бу эмдеди.

Алтай-Бучый баатырдың
Тынданатан салымы јок,
Јӱк ле эмди көрӱп јадар,

Күлӱмзиреп каткырып јадар
болбой кайтты.
Балтыр кежик јаш ла бала

Озогыдаң он дор артык

Ол дор болуп ол тынданды,
Эртегиденг эки артык
Бу ла болуп ол ойгонды.
Карсылдада бу каткырды,
Эки алакан бу согунды.

«Өчкөн одым күйди — деди,
Өлгөн бойым турдым — деди,
Өштӱлерди бедрейдим,
эмди!» — деди.
Адазының јууга-чакка
бу минетен

Две одинаковые женщины
Богатырей стали успокаивать:

«Стойте, стойте, наши прожоры,[22]
Голодные и жадные эти птички
От сильного холода и ненастья
спасаясь,
Не находя укрытия, под тополь спустились.
Что они могут, полетев, увидеть?
Что могут они сделать?
Не сердитесь, не браните сь,
богатыри!»
После того, что сталось,
Два одинаковых воробышка
Два глаза и два пальца
(друзьям) доставили.
Из семислойного подземелья
Тело богатыря Алтай-Бучыя
(друзья) подняли,
Два глаза обратно вставили,
Два больших пальца, (приставив), вылечили.
Но богатыря Алтай-Бучыя
Оживить не смогли.
Глаза чуть приоткрыв, он
смотрит,
С улыбкой на устах лежит.

Дарованный на счастье неокрепший младенец
В десять раз лучше, чем прежде,
Став, ожил,
В два раза лучше, чем раньше,
Став, проснулся.[23]
Раскатисто он захохотал,
Ладонями по бедрам своим
ударил.
«Угасший мой огонь зажегся,
Умерший, я встал.
Теперь врагов (поеду) искать!»
— сказал.
На войну ездить предназначенного,

Тенгери берген темичи-күрең
эмди,адын
Једин келип ээртеди.

Төрт төр кырлу көбөң јалаң
бу токумын
Јайа тудуп, салып јүрди,
Күлер ээрин эптей тудуп,
Эмди ээртеп јүрбей кайтты.
Катамалду кат куйушкан
Катай тудуп, јылдыр јүрди.
Үч үйелү көмдүргени

Бүктей тудуп, тартып келди.

Алын колоң алтан колоң
Алып, тартып јүрбей кайтты.
Кийин колоңы бежен колоң
Тоолоп туруп, эмди тартты.
Атту-чуулу балтыр кежик
бу лай уулым
Јууга-чакка бу атанды.
Алтан јаан тайгалардың
Ажулары эмди бийик,
Јетен јаан бу тегистиң
Кечүлери эмди терең.
Јетен јылдык бу алтайга

Једер болуп бу мегдеген,
Арнай, Чарнай јерин көстөп,
бу ууланды.

Эрјенелү темичи-күрең

Элезиндий элес эдип,

Сурбулјындый сурт тар ödүп,

Јүрүп ийбей бу канайтты.

Көк өлөнгди көмө теппес,

Көндрө јорго јорголоды,
Јаш өлөнгди јайа теппес,
Јараш јорго јорголоды.
Балтыр кежик бу ла уулым

Тарлан коо кожоң салды,

Данного Небом отцова коня—
темно-рыжего Темичи
На поводу привел, стал сед-
лать.
Четырехуглый, широкий, как
луг, хлопковый потник,
Развернув, (на него) набросил.
Бронзовое седло ловко подняв,
(На спину) теперь положил.
Сплетенную (из ремешков)
подфею взял,
(До хвоста) вытянув, надел,
Трехкольчатый нагрудный ре-
мень,
(Через грудь) обернув, при-
крепил.
Шестьдесят передних подпруг
Поймал и натянул.
Пятьдесят задних подпруг,
Считая, теперь натянул.
Славный мой неокрепший мла-
денец, дарованный на счастье.
На войну поехал.
Шестидесяти гор больших
Перевалы теперь высоки,
Семидесяти широких морей
Броды теперь глубоки.
До алтая на семидесятилетнем
расстоянии
Доехать он спешит,
Стойбище Арная и Чарная
глазами ища, туда направля-
ется.
Драгоценный темно - рыжий
конь Темичи,
Как песчинка промелькнувшая,
летит,
Как стрела сверкнувшая, мчит-
ся,
(Так быстро) он поехал.
Зеленые травы в землю не
втаптывая,
Прямой иноходью конь идет,
На молодые травы не ступая,
Красивой иноходью идет.
Мой неокрепший младенец, на
счастье дарованный,
Звонко и протяжно песню поет.

Сабарбыла шоор салды.
Элезин коо кожоҥ салды,
Эргекпиле шоор салды.

Балалу-уй бу ангдарым
Балазын таштап, тыҥдай берди,
Балалу-уй бу куштарым
Уйазын таштап, бу тыҥдады.
Тарлан коо кожоҥына
Таш бажынаҥ чечек ӧсти,
Элезин коо кожоҥына
Эмил агаш эм бӱрленди.

Алтан јаан бу тайгады
Аткан октый ажып келди,
Јетең јаан бу талайды
Айткан сӧстий кечип келди.
Ӧштӱлердиҥ бу јерине
једе конуп,
Кӱнчыгышта кӱреҥ тайга
бу бажына
Бийеледип чыкпай кайтты.
Ары ла јанын айландыра

Көрӱп турар бу болгозын,
Јетең јаан бу тайгады

Кӧдӱрезин ээлей берген,
Алтан јаан бу ӧзӧкти

Кӧдӱрезин бийлей берген
Атту-чуулу Арнай каан,
Алмын-чулмун Чарнай каан
Алтан јылга јуртай берген
бу болуптыр,
Јара-Чечен бу энези
Мӧҥӱн ӧргӧӧ тудуп алган,
Очо-Чечен бу эјези
Алтын ӧргӧӧ тудуп алган
бу болуптыр.
Алтын тайга бу бажынаҥ
Атту-чуулу баатыр уулым
Ачу-корон кыйгы салды:

Пальцами дудку держа, играет,
Громко и красиво песню поет,
Большим пальцем дудку держа, играет.
Звери, имеющие детенышей,
Бросив детенышей, слушают,

Птицы, имеющие птенцов,
Гнезда оставив, слушают.
От звонкой его песни
На камне выросли цветы,
От красивой его песни
На деревьях листья теперь распустились.
Шестьдесят высоких гор,
Как выпущенная стрела, перевалил,
Семьдесят глубоких морей,
Как слово молвить, (быстро) переехал.
Достигнув вражеской земли,

На восточную коричневую гору,
Коня в пляс пустив, выехал.
Ту сторону (горы) со всех сторон
Стал осматривать.
Семьюдесятью высокими горами
Всеми владеющие,
Над всеми шестьюдесятью долинами
Господствующие
Знаменитый хан Арнай,
Сильный и ловкий хан Чарнай
В течение шестидесяти лет
живут, оказывается.
Его мать Яра-Чечен
Серебряный дворец построив, в нем живет.
Тетка (по отцу) Очо-Чечен,
Золотой дворец построив, в нем живет, оказывается.
С вершины золотой горы
Славный богатырь-мой сын
Громко-горько закричал:

«Кыйгылу-у јуу ла келди,
кезерлер — дийт,
Кылыштu-у чак тар келди,
јутпалар —дийт.
Јееземди јемиргенеер,

Јерлӱ малым айдаганаар,
Коозомды кодоргоноор,
Колдо јӧӧжӧм коштогоноор.

Арбын малым ончо бо? — дийт,

Эл-албатым амыр ба? — дийт.

Ээй, ээй, јутпалар — дийт,
Адыжатан огоор бар ба?

Айдыжатан сӧзӧӧр бар ба?

Атту-чуулу Алтай-Бучый,
Анчы-кушчы баатырдын,

Кӧзининг ле оды болгон,
Кӧксининг ле каны болгон,
Кӧргӧн јанғыс уулы эдим,

Слерди истеп келдим!» — деди.
Мыны ла уккан
«А—а» деген Арнай каан
Алтын эжик ачып чыкты,
«Э—э» деген Чарнай каан
Мӧнгӱн эжик ачып чыкты.

«Акыр, акыр, кандый тангма

Биске келип, эм унчугат?» —

Бийиркеже бербей кайтты.
Јӱс тепкиштӱ мылтыктарын

Јӱс кезердинг эгентизи —
Тынду окло октогылап
бу ла турды.
Балтыр кежик баатыр уулым

Јалаң кептӱ бу ла тӧжин
ача тартып,

«С криком война пришла, силачи.
С мечом гибель пришла, прожоры.
Мох моих жилищ вы разбросали,
С пастбищ скот мой угнали,
Навозные кучи разбросали,
Домашнее добро мое навьючив, увезли.
Мой обильный скот полностью сохранился ли?
Мое племя-народ мирно живет ли?

Ээй, ээй, прожоры,
Есть ли стрелы у вас пострелять,
Есть ли слово перебросить ся?
Прославленного Алтай-Буучыя
Охотника и птицелова — богатыря
Глáза огнем являющийся,
Сéрдца кровью являющийся
Единственный сын я, которого
он видел,
Вас преследуя, приехал».
Услышав это,
«А—а» говорящий хан Арнай,
Золотые двери открыв, вышел,
«Э—э» говорящий хан Чарнай,
Серебряные двери открыв, вышел.
«Стой, постой, какой же негодяй,
Приехав, голос на нас повышает?» —
Так властно крикнули.
На самострелы со ста зарубками,[24]
Ста силачам несущую смерть,
Живую стрелу наложили.

Неокрепший младенец, мой
сын-богатырь,
Грудь, подобную поляне,
открыв,

Айаҥ кептӱ ол маҥдайын
эм көргӱзип.
Кара тайга бу бажына
Чӧмчӧй ийип отурала,
Таҥма болуп бу сакыды.
«Адар болзо адыгар — дийт,

Мен кийинде адарым» — деп
Кыйгырала, отура берди.
Тенгери тӱби кӱзӱрт этти,
Алтай ӱсти тибирт этти,
Эки ле тӱҥей бу јутпадыҥ
Аткан огы—канду кастак

Кара тайга бу бажына
Суркуражып келбей кайтты.
Атту-чуулу баатыр уулым
Чыгара тынып ӱрерде ле,
Јутпалардыҥ аткан огы
Јалбырак болуп јаланг төмӧн
уча ла берди.
Балтыр кежик баатыр уулым:

«Көпти ле болзо јиген слер —
дийт,
Кӧлди ле болзо ичкен слер» —
дийт.
Јутпалардыҥ ичи ле боорын
кезе шиҥдеп,
Аткан огы бу болгозын,
Ак ла сары эки атты
Катай адып бу тӱжӱрип,
Арнай каан ла Чарнай каан-
ныҥ экилезин
Кабортодоҥ кезе адып
бу тӱжӱрип,
Јети кат ла јердиҥ алтын
ойо ло тӱжӱп,
Јер алтынаҥ јер кӧдӱрген
талайына
Кирип, соой бербей кайтты.
Эки јутпа андый да болзо,
эм ӧлгӧлӧк,
Тем-телекей айтк(ы)лап турды.
Теен отурбай, арбап турды.

Голый лоб подставив, чтоб видно было,
На вершине черной горы
Неподвижно сел,
Мишенью для врагов стал.
«Если хотите стрелять—стреляйте,
После буду я стрелять» —
Так крикнув, сел.
Дно неба вдруг загрохотало,
Алтая поверхность сотряслась:
Выпущенные двумя одинаковыми прожорами
Кровавые стрелы с железными наконечниками
К вершине черной горы,
Сверкая, полетели.
Славный мой сын-богатырь
Дунул навстречу,
Стрелы, пущенные прожорами,
В разные стороны, как листья, улетели.
Неокрепший мой сын-богатырь,
на счастье дарованный, (крикнул):
«Многих вы пожрали,

Озера вы выпили!»

Прицелившись в печенку прожор,
Выпустил свою стрелу.
Двух коней серо-желтой масти
Обоих вместе стрела уложила,
Хана Арная и хана Чарная обоих
На две части разорвав, вышла,

Семислойную землю пробила,
В море, которое снизу землю поднимает,[25]
Упала и охладела.
Две прожоры, еще недоконченные,
На чем свет стоит его разносят,
Не сидя зря, сквернословя, ругаются.

Балтыр кежик баатыр уулым
тўжўп келип:

«Көп адыжып, мерген болтон
беди? — деди,
Көп айдыжып, чечен болтон
беди?» — деди.
Ак ўлдўзин суура тартып,
Арнай каан ла Чарнай каан-
ныҥ
Кыл мойынын кезе согуп,
Эки бажын
Јер киндиги кара ташка
Јаба кадап бу ла салды.
Ак ла кара—чоокыр бичикти

Маҥдайына чийип кўйди:
«Каан кижи туштагазын,
Тўкўреле, ёдўп јўрзин.
Баатыр кижи туштагазын,
Ат камчыла согуп ётсин.
Алтай-Бучый баатырдыҥ —
Аҥчы-кушчы бу кезердиҥ
Кара јыҥыс балазына
Чыдабаган јутпалар» — деп,
Ады-јолын чийип кўйди.
Алтын эжик ача тартып,
Айылга эмди кирип келзе,
От айакта отурганы —
Очо-Чечен бу эјези
бу болуптыр.
«Эзен, эзен, ийним — деди,
Эрмен, эрмен, уулым, — деди

Кажы алтайдаҥ келдиҥ сен?—
дийт,
Кандый јерденҥ атандыҥ?» —
дийт.
Баатыр уулым айдып турат:
«Эјем мениҥ бар деп угуп,
Эм көрөргө келген эдим.
Баатыр кижее барган деерде,

Баатырын ченеп келген эдим.

Айыл ээзи Чарнай каан —
Јесте кижи кайда?» — деди.

Неокрепший мой сын-богатырь,
(с горы) спустившись, гово-
рит:
«Много и попусту стреляя,
метким разве станешь?
Много и попусту болтая, крас-
норечивым разве станешь?».
Белую саблю свою вынул,
Хана Арная и хана Чарная

Тонкие, как волосы, шеи пере-
рубил.
Две головы
На черную скалу — пуп земли
Прибил.
Белые лбы их черными буква-
ми испестрил,
Так он написал:
«Если хан сюда приедет,
Пусть плюнет на них и проедет,
Если богатырь мимо поедет,
Пусть ударит их плетью.
Алтай-Бучыя богатыря,
Охотника-птицелова-силача
С единственным сыном
Несправившиеся прожоры».
Свою подпись поставил.
Золотые двери открыв,
В юрту теперь он вошел.
Около очага сидевшая
Его тетка Очо-Чечен была,
оказывается.
«Здравствуй, здравствуй мой,
племянник,
Жив ли, крепок ли молодец?
Из какой земли ты приехал?
Откуда ты отправился?»

Мой сын-богатырь отвечает:
«Я слышал: есть тетка у меня,
Видеть ее я сюда приехал.
Говорят за богатыря она выш-
ла,
Сильный ли он богатырь —
проверить приехал.
Хозяин юрты хан Чарнай,
Мой дядя, куда уехал?» —

«Акыр, акыр, ийним сен —
дийт,
Кийген кебин сеге берзе,
Кийип чыдап болбозынг —
дийт,
Отурган ла бу jерине
Отурып чыдап болбозынг—дийт.
Отургыжы бу эди» — деп,
Тог(у)зон бутту чой остолды
көргүс берди.
Ала кӱйӱп, отурарда,
Төртӧн буды сына ла берет,
Бежен буды артып калат.
«Кийген кеби бу эди» — деп,
Көӧ куйак тонын берди.

Ала кӱйӱп, кийгелекте,

Эки jеңи ӱзӱле ле бербей
эмди кайтты.
«Отурган ла бу остолы
Кижи көд(ӱ)рип бу ла болбос,
Кийимденген бу кийими
Кижее кийим бу ла болбос —
Андый тангманы jакшы дейле,

Адамныг ла эки көзин
ойгоноор бо,
Эк(и) эргегин кескенеер бе,

Эjемей? — деп эм сурады. —

Кыңырак сеге керек пе?—
дийт,
Мен берейин, эjем, — деди,
Кызырак сеге керек пе? —
дийт,
Мен табайын, эjем,» — деди.
«Кыңырагың берзең, балам,
Койон кыркып jӱрейин — дийт,

Кызырагың берзең, ийним,
Саап берип jӱрейин» — деп
Jети кӱнге бу jайнады.
Балтыр кежик баатыр уулым

Кыңыракты ала кӱйӱп,

«Постой, подожди, мой пле-
мяник,
Если его одежду дам,
Тебе велика она будет.

Его сиденье для тебя
Очень большое будет.
Вот его сиденье» —
На девяностоножное чугунное
сиденье показала.
Он подошел и сел на него —
Сорок ножек тотчас сломались,
Пятьдесят ножек осталось.
«Его одежда вот лежит» —
Черную защитную кожанку по-
дала.
Он схватил ее и пока стал на-
девать —
Два рукава тотчас оторвались.

«Сядешь на его сиденье —
Человека не выдерживает,
Наденешь его одежду —
Одеждой не может служить.
Такого негодяя хорошим по-
считав,
Отцовы глаза выколупали вы
что ли,
Два пальца его отрезали что
ли,
Моя тетка? — спросил
теперь. —
Скребок тебе нужен ли?

Я дам, тетка.
Яловая кобылица нужна ли?

Я найду, тетка» —
«Дай свой скребок, мой пле-
мяник,
Шкуры зайцев выделывать бу-
ду.
Дай мне яловую кобылицу,
Молоко тебе надаивать буду»—
Так семь дней умоляла.
Неокрепший мой сын-богатырь,
дарованный на счастье,
Схватил скребок

Очо-Чечен эјезининг
Мойнын кеслей эм канайтты.
Кызырактыҥ куйругына
буулап ийди.
Ары ла болуп эм айдаарда,
Очо-Чечен бу эјези
Одус башка ўзўле берди.

Оныҥ сонгдо баатыр уулым
Мөҥўн сўрлў бу өргөөгө
кирбей кайтты.
Кирип барып, бу көргөзин,
Јара-Чечен «јакшы» эне
Эмди мында бу отурды.
«Өчкөн одыҥ кўйди бе? —
дийт,
Өлгөн бойыҥ турдыҥ ба? —
дийт,
Калак-корон, кайран уулым,
Алтай-Бучый сениҥ аданҥ
Онгдолды ба, айдып бер» —
дийт.
Оны уккан баатыр уулым

Удра айтканы мындый болды:
«Көзи јокты көрөрөөрдө,
Јакшы беди, өрөкөн? — дийт.

Колы јокты көрөрөөрдө,
Јараш беди, энем? — деди.
Јутпа јурты артык болзо,

Мында артып калгайаар,
Каан јурты артык болзо,

Казык төзине арткайаар».
Энезин эмди алып чыгып,
Ат буулайтан мөҥўн чакы

Бу төзине буулап койды.
Арбын малын айдап алып,
Алтай јерине башкарып алып,
Айлын көстөп ол атанды.
Јолын көстөп јорголоды.

Јетен јаан тайга ажып,

И тетки Очо-Чечен
Шею им перерубил.
К хвосту яловой кобылицы
(ее) привязал
И, вспугнув, назад их погнал.
Тетка (по отцу) Очо-Чечен
На тридцать частей разорва-
лась.
После этого мой сын-богатырь
В серебряный дворец вошел.
Войдя, увидел:
Яра-Чечен «хорошая» мать
Здесь теперь сидит.
«Угасший твой огонь зажегся
ли?
Умерший ты встал ли?

О горе, дорогой сын,
Алтай-Бучый твой отец
Воскрес ли — скажи» — говорит.
Услышав это, мой сын-богатырь
Так ответил ей:
«Слепого человека видеть
Хорошо ли было вам, матушка?
Без пальцев человека видеть
Красиво ли вам было, мать?
Если юрта прожоры вам больше нравится,
Оставайтесь здесь,
Если стойбище хана вам лучше кажется,
У коновязи оставайтесь».
Мать свою (из юрты) вывел,
У основания серебряной коновязи
(Ее) привязал.
Свой обильный скот погнал,
В свой алтай направил,
В свой аил[26] поехал,
В путь-дорогу иноходью (его конь) пустился.
Семьдесят высоких гор перевалил,

Jетен jаан талай кечип,
Jерине ле jедип келди.
Айыл-jуртына jедип келип,
Тенгери берген темичи-кўрен

Jакшы адын бу агыдып,

Эмди кöрўп турар болзо,
Алтай-Бучый адазынын
Тынданатан аргазы jок
эмди болтыр.
Айлаткышту ай судурды

Ала кўйўп бу jылдырды,
Алты кўнге шингдеп кöрöр
бу болгозын,
Ўч тенгери бу тўбинде,
Кöк булуттын ар jанында
Алтын сўрлў бу öргöölў

Тенгери-кааннын бу ла кызы
Ангчы-кушчы бу адазын
Тындандырар аргалу болтыр.
Öчкöн отты кўйдўргедий,

Öлгöн кижини тиргискедий,
Ўч öлгöннинг тынын билер
Атту-чуулу кыс ла эмтир.

Оны ла уккан тенгери берген
Темичи-кўрен бу ла адым
Ўч тенгери бу тўбине
Одус эки бу канатту
Ак тар боро мўркўт болуп
Кубулала, учуп чыкты.
Jетен тўнгей jеерен малдын
ортозына
Jорго jеерен ат тар болуп

Кубулала, базып jўрди.
Тенгери-каан бу ла кызы
Алтын-Jўстўк бу ла бойлу
Jетен айгыр бу jылкыдын
гол ортодон,
Jалбыш jеерен бу айгырдын
ортозынан

Семьдесят глубоких морей пе-
реехал,
На родину свою приехал.
К аилу отца подъехав,
Данного Небом темно-рыжего
коня Темичи,
Славного коня, пустил (отдох-
нуть).
Теперь он смотрит и видит:
Алтай-Бучый отец
Не может ожить, оказывается,

Предсказывающую будущее
лунную книгу судур
Он в руки взял и открыл,
Шесть дней ее читал и узнал:

За тремя небесами,
За синими тучами
В золотом красивом дворце
живущего
Тенери-хана дочь
Его отца-охотника и птицелова
Оживить может, оказывается.
Угасший огонь зажечь способ-
ная,
Умершего оживить способная,
Трех умерших души знающая,
Такая всесильная дева, оказы-
вается.
Услышав это, данный Небом
Темно-рыжий мой конь Темичи
За три неба,
В тридцатидвухкрылого
Светло-серого беркута
Превратившись, полетел.
К табуну из семидесяти одина-
ковых рыжих коней,
В рыжего иноходца превратив-
шись, пристав,
(Между ними) стал ходить.

Дочь Тенгери-хана —
Невеста Алтын-Дьюстюк
Из семидесяти необъезженных
косяков лошадей
Рыжепламенный косяк (выбра-
ла),

Jорго jеерен ол дор атты

Тудуп алып jўрбей кайтты.
Алтын ўйген ўйгендеди,
Көбөң jаланг токум салды,

Кўлер арташ ээр салды.

Бежен колонг бектеп тартты,

Тог(у)зон колонг тоолоп тартты.

Алтын тискин тенгдей тутты,

Ай сулукты тенгдей тартты.

Ары ла көрўп атанарда,
Суу салкындый эрjене болды,

Бери ле бурып бу тартарда,
Сууда салдый jорго болды.

Ак-булуттың ар jанынаң
Алтан атла бу jарышты,

Атың сыны бу кирези

Озо келип jўрер болтыр.
Көк булуттың ар jанынаң
Jетен атла эм jарышты,

Jети аршын бу кирези
Jетен аттаң озолоп jўрет.
«Малдаң башка jўгўрўк»—деп,

Бажы-көзин сыймай тудуп,

Эмди мыны эркеледип,
минип jўрди.
Бир ле кўнде jорго jеерен
адым айдат:
«Чын jоргоны jорголойын,
Чыт этире кийин — деди.
Өлгөн кижи тиргискедий

Эминг-томынг алгын» — деди.
Баатыр кызым эм чыйдынып,

(В нем) рыжего иноходца (заметила).
(Его она) поймала.
Золотую узду надела,
Широкий, как поле, хлопковый потник набросила,
Бронзовое двухкрылое седло положила.
Пятьдесят подпруг крепко натянула,
Девяносто подпруг, считая, натянула.
Золотой повод, подравняв, взяла,
Лунноподобные удила, подравняв, подергала.
Туда повернув, поехала —
Как ветер с реки, быстрым драгоценный конь оказался,
Сюда повод потянула —
Как на плоту, была (мягка) его иноходь.
Из-за белой тучи
С шестьюдесятью конями состязалась,
На расстоянии длины одного коня
Впереди она оказалась.
Из-за синей тучи
С семьюдесятью конями состязалась,
На семиаршинном расстоянии
Ее конь впереди оказался.
«Лучший из лучших скакунов» — сказав,
Глаза и морду его рукой погладила,
Лаская его, на нем теперь стала ездить.
Однажды мой рыжий иноходец гозорит:
«Настоящей иноходью я поеду,
Как следует оденься.
Мертвого человека оживить способные
Все лекарства возьми с собой».
Дева-богатырка стала теперь собираться,

Чын јоргоды көрөр болуп,

Чыт этире кийин алып,
Эмди-томды көдрө алып,
Јорго јеерен атка минип,
Тартпас јанын тартып ийди,

Сокпос јанын согуп ийди.

Азулуданг јорго јеерен

Алын колы казалаарда,

Алын каштанг бир тудунды,

Кийин буды бијелеерде,

Кийин кажын ала кўйди.

Јети ле кўнге не болгонын

Баатыр кызым бу билбеди.

Јети кўннинг бу бажында
Бир онгдонып бир көргөзин,
Көк тенгери бу тўбинең
Ак айаска тўжўп келтир,

Ак булуттынг ол кийининең
Алтай јерге једип келтир.

Алтайына бу келеле,
Алтай-Бучый баатырдынг
Бу јанына экелип салды.
«Калак, балам, сени мен
Эриктўде экелбедим,
Эрик јокто экелдим — дийт,
Јаман санап экелбедим,
Јакшынг једер деп экелдим.
Көзинг отту бала болзонг,
Бу баатырды тиргис — деди,
Көксинг ойлу кезер болзонг,
Бу өлгөнди ойгос — деди.
Бир болужынг јетир берзенг,

Алтайынга бараргынг» — дийт.

Ыйлабаган баатыр кыстынг

Чтоб его настоящую иноходь
увидеть.
Как следует снарядилась,
Все лекарства с собой взяла,
На рыжего иноходца села,
Не тянувшийся (повод) натянула,
По небитому (бедру) плетью
ударила.
Из имеющих клыки иноходец
— рыжка
Как передние ноги вперед
выбросил,
За переднюю луку (седла)
она схватилась,
Как задними ногами в пляс
пустился,
За заднюю луку она схватилась.
В течение семи дней что
было —
Моя дева-богатырка не
помнила.
После семи дней,
Раз опомнившись, увидела:
С верхнего синего неба
До нижних белых туч она спустилась, оказывается.
Из-за белых туч
На Алтай спустилась, оказывается.
В свой алтай вернувшись,
Около богатыря Алтай-Бучыя
Ее с себя (конь) спустил.
«О, дочь, я тебя
Не от радости привез,
Несчастье меня заставило.
Не со злым умыслом привез,
Помощи хотел попросить.
Огонь в твоих глазах горит —
Оживи ты этого богатыря,
Умом озарен твой лик —
Разбуди его от мертвого сна!
Если эту одну помощь
окажешь,
Обратно ты в свой алтай
вернешься».
Неплакавшая дева-богатырка

Көзининг јажы бу төгүлди,
Комудалду бу кожогы
Кобы-јикке торгула түшти.
Арга таппий бу турала,
Айды-күнди бу түжүрди.
Күннең туткан койу эмле

Эки көзин эмдей берди,
Айданг туткан ару эмле

Эк(и) эргегин эмдей салды.
Јети ле јеерен бу байталдың

Сүдин томдоп бу ичирди,
Тогус кырлу кара ташты
Өкпө-јүрек бу тужуна
Јаба тудуп бу томдоды.
Торко кара пыладыла

Јал јүреги бу тужуна
Јаба тудуп бу томдоды.
Анчы-кушчы Алтай-Бучый

Алтайына тура јүгүрип,

Күлүмзиреп бу каткырды.
«А-таң! Тату уйуктадым
эмди» — де-еп
Айдып јүрбей бу ла кайтты.
«Өчкөн отты бу камыскан,
Өлгөн кижи бу тиргискен
баатыр кыс
Алтайыма эмди јүрзин.

Кийик болзо, түктү болор.

Кижи болзо, эштү болор.

Көзимейдиң оды болгон,
Көксимейдиң каны болгон,

Көргөн јаңыс баатыр уулым

Айылду-јуртту болзын—деди.
Тог (у) зон јылдың тойы!» —
деди.
Ыраак јерде бу улуска
Бесьме чийип ийип турды.

Слезы проливая, заплакала.
Жалобная ее песня
В долины и лога проникла.
Не находя выхода,
Солнце и луну спустила,
От солнца густое лекарство
поймала,
Два глаза его вылечила,
От луны чистое лекарство
поймала,
Два пальца его залечила.
Из молока семи рыжих неже-
ребившихся кобылиц
Лекарство сделав, его поила,
Девятигранный черный камень
На легкие и сердце кладя,
Стала его лечить.
Черный шелковый платок раз-
вернув,
На место, где сердце, положа,
Стала лечить.
Алтай-Бучый, охотник и пти-
целов,
На алтае своем на ноги вско-
чил,
Улыбнулся.
«Вот это да! Как сладко за-
снул!»—
Он теперь воскликнул.
«Угасший огонь зажегшая,
Умершего человека оживив-
шая дева-богатырка
В моей земле пусть теперь
живет.
Зверь всегда с шерстью быва-
ет,
Мужчина всегда подругу име-
ет,
Огнем моих глаз являющийся,
Кровью моего сердца являю-
щийся
Мой единственный сын-бога-
гатырь, которого вижу,
Пусть женатым станет,
На девяносто лет свадьба!»—
сказал.
Вдали живущим людям
Письмо пишет и посылает.

Јуук јерде бу улуска
Элчи ийип, бу кычырды.
Бала-барка базарына
Мандык торко јайа салды.

Келин-кечкин келер јерге
Кеен торко чөйө салды.

Тайгаа тенгдеп эт туурады,
Талай кептӱ аракы јууды.
Кыстар јуулып, ойын салды
јалангына,
Уулдар јуулып, јыргал салды
алтайына.
Јер ӱстӱнинг јетен баатыр

Текши келди бу ойынга,
Алтай ӱсти алтан кезер

Ончозы келди бу јыргалга.

Алтын тонду алыптарым
келгиледи,
Кӱлер тонду кӱлӱктерим кел-
гиледи.
Јетен башту Јелбеген акы

База тойго келген јӱрет.

Јӱс толукту таш өргөө тутка-
турды.
Јетен кӱнге јыргал болды,
Тог(у)зон кӱнге той ло болды.

Курангы ла бу ийттерим
Семиреле, куйруктарын
Јӱктенгилеп бу јӱрледи.
Кулга јӱрген бу албатым

Вблизи живущих людей,
Гонцов посылая, приглашает.
Где дети должны ходить —
Цветастый шелк поперек рас-
стелили,
Где женщины-молодки должны
ходить —
Красивый шелк вдоль рассте-
лили.
С гору мясо нарубили,
С моря араку наварили.
Девушки собрались и стали
играть на его поляне,
Парни собрались и стали ве-
селиться на его алтае.
Семьдесят богатырей на зем-
ле—
Все прибыли на эту игру.
Шестьдесят силачей на Ал-
тае —
До единого прибыли на это
веселье.
Золотошубые мои витязи при-
ехали,
Бронзовошубые мои силачи
явились.
Семидесятиголовый Дьелбеген
— братец[27]
Тоже прибыл на свадьбу и
здесь ходит.
Стоуглый каменный дворец
построили.
Семьдесят дней пировали,
Девяносто дней свадьба про-
ходила.
Исхудавшие мои собаки
Разжирели и, свои хвосты
На спину задрав, ходили.
В рабстве ходивший мой на-
род[28]

Талай кептӱ аракы ичип,
Тайга ла кептӱ эт тер јийле,
Быкындарын тайангылап,
Бијелеп-ий эмди турды.
Тог (у) зон јылдынг бу ла тойы,

Јетен јылдынг бу јыргалы

С моря вина выпил,
С гору мяса съел,
Теперь подбоченившись,
На лугу плясал.
Девяностолетняя эта свадьба,

Семидесятилетнее это веселье,

Токунап, токтоп эмди јўрет.

Атту-чуулу Алтай-Бучый
Јаңырар айдың ўч јаңында
Аңдап көрөйин деп эм
сананды.
Алтын ўйген ала кўйўп,
Чыңырада силкип ийди.
Ўлген берген ўлбўс-чоокыр
једип келди.
Эрјенелў чоокыр адын ээртеп
ийди.
Алтай-Бучый аңдап-куштап
бу атанды.
Ары көрўп атанарда,
Айдың көзи бөктөлө берди,
Бери көрўп атанарда,
Кўннің көзи јабыла тўшти.
Јетен јаан тайга ажып,

Јетен јаан талай кечип,

Јердиң ўстин јети айланып,

Алтай сыртын алты айланып,

Аңдап-куштап јўрўп ийди.
Браадар бу болгозын,
Јети јолдың белтиринде
Јетен кулаш бу куйрукту
Кызыл тўлкў бу јолукты.

Көргөн бойы бу кыйгырды:

«Көзиң отту эр ле болзоң,
Једип тудуп алгын — деди,
Көксиң ойлу эр ле болзоң.
Једип кабып алгын» — деди.
Јетен тайга ажа ла берди,
Јетен өзөк кече ле берди.
Алтай-Бучый бу кыйгырып
айдып јўрди:
«Јакшы тонго бу болгозын,

Јакаа јетпес таңма — деди,

Јакшы эрге бу болгозын,

К концу придя, теперь кончилось.
Прославленный Алтай-Бучый
На третий день новолуния
На охоту съездить задумал.

Золотую узду (он) схватил,
В воздухе потряс, звеня,
Данный Ульгенем конь полосатой масти к нему явился.
Драгоценного полосатого коня
он заседлал,
Алтай-Бучый
на охоту отправился.
Туда глядя, он поехал —
Лик луны закрылся,
Сюда глядя, поехал —
Лика солнца не видно стало.
Семьдесят высоких гор перевалил,
Семьдесят глубоких морей переехал,
Поверхность земли семь раз объехал,
Алтая поверхность шесть раз объехал,
На зверей и птиц охотился.
Когда он так ехал,
На перекрестке семи дорог
Семидесятисаженнохвостая
Красная лисица повстречалась.
Увидев (богатыря), она закричала:
«Если глаза твои с огнем, муж,
Догони и поймай меня.
Если ты умен, богатырь,
Настигни и схвати меня».
Семьдесят гор она перевалила,
Семьдесят долин перескакала.
Алтай-Бучый закричал вслед:

«Для хорошей шубы на воротник
Твоей шкуры не хватит, негодница,
Хорошему мужу даже на шапку

Бӧрӱкке јетпес тӱлкӱ — деди,
Кулугурды сени!» — дейле,
Сӱрӱже ле бербей кайтты.
Тогус кӱннинг бу бажында
Једип тудар бу јанында
Кызыл тӱлкӱ бу кыйгырды:
«Кызыл каным тӧкпӧ лӧ —
дийт,
Кылду бажым ӱспе ле — дийт.
Кӧзи јокко кӧс болорго,
Тили јокко тил болорго
Јӱрген кижи мен эдим — дийт.
Јетен талай ар јанында,
Јетен тайга ол јанында
Арнай каан ат буулайтан

Темир чакы ол тӧзинде
Јара-Чечен ол дор ӱйинг
Јӱк ле тынду бу отурган.
Алтай-Бучый баатырга
Айдып бар деп мени сураан.
Тилмеш болуп келген кижи

Мен эдим» — деп бу јайнады.
Алтай-Бучый баатыр кижи
Барбайын деп, бир сананып,
Барайын деп, бир сананып,

Ӱлген берген ӱлбӱс-чоокыр

Јакшы атты бура тартты.
«Ӧлгӧн болзо, сӧӧгин ӧртӧӧр,
Тирӱ болзо, кӧзин кӧрӧр
эмди ле» — деп,
Јетен јаан тайга ажып,

Јетен јаан талай кечип јӱрӱп
ийди.
Арнай каан, Чарнай каан
Алтайына бу келгезин,
Јон бӱткен ле бу јерине
Јойгон ӧлӧң ӧзӱп калтыр.
Малдар бӱткен бу јерине
Баргаа ӧзӱп бу лай калтыр.
Темир чакы бу тӧзинде

Алган-тапкан Јара-Чечен

Ты не хватишь, лисица.
Подожди же, дрянь такая!»
Вдогонку погнался.
Через девять дней
Он догнал ее и хотел убить.
Тут лисица закричала:
«Красную кровь мою не проливай,
Голову с шерстью не руби,
Слепому глазом стать желая,
Немому языком стать желая,
Я (по свету) гуляю.
За семьюдесятью морями,
За семьюдесятью горами,
У основания железной коновязи

Хана Арная,
Яра-Чечен, твоя жена,
Чуть живая сидела.
Алтай-Бучыю богатырю
Сказать о ней меня просила.
Ее посланницей, прибывшей к тебе;
Я являюсь» — сказала.
Алтай-Бучый богатырь
Раз подумал — не ехать,
В другой — решил отправиться.
Данного Ульгенем полосатого
с крапинками
Славного коня повернул.
«Если умерла, то труп сожгу,
Если жива, то в глаза ей теперь взгляну» — подумал.
Семьдесят высоких гор перевалил,
Семьдесят глубоких морей переехал.
Хана Арная и хана Чарная
На алтай он прибыл.
Там, где жил народ,
Хвощ, оказывается, вырос,
Там, где скот бродил,
Бурьян, оказывается, вырос.
У основания железной коновязи
В народе им найденная и
взятая Яра-Чечен,

Јараш ўйи бу отурды.
Өзөгинде тынду эмтир,
Өөчинде канду болтыр.
«Эзен, эзен, эжим — деди.

Эмди ле кара бу санаалу
Сен дер бойыҥ бу ла бединҥ?
Эки ле јутпа эм алтайы
јакшы учун
Өзөгингде тынду болуп,

Өөчингде канду болуп
Отурганыҥ бу ба? — деди.
Нени айдарыҥ эмди?»—де-ет
айдып јўрди.
«Мындый тўбек болотонын
Мен билбегем ол дор» — деди,

Комудалду бу отурат.

Алтай-Бучый айдып турат:
«Арбын болгон ак малымды
айдагылап,
Амыр јаткан бу јуртымды
тоногылап.
Эзен јўрген эмди кижи
Эки көзин, эк(и) эргегин
Кезип, ойып бу јўретен
Шокшыл болзоҥ — бойынгда ла.

Мындый кыйын керек бол-
гой» —
Јўзине эмди ўч тер такып
тўкўреле,
Ат тискинин кайра тартып,
Ойто ло јўрўп ийбей кайтты.
Туудыҥ аҥын тууга ла адып,
Суудыҥ аҥын сууга ла тудуп,

Санду аҥныҥ јакшыларын

Карызынаҥ тизен салган,

Албаа аҥныҥ аруларын

Тумчугынаҥ тизен салып,
Кайра тиштў какайларды
Карызынаҥ тизендеген,

Жена-красавица, сидела.
Внутри жизнь чуть теплилась,
По жилам кровь еле текла.
«Здравствуй, здравствуй, же-
на!
Черные мысли имевшая
Это не ты ли теперь сидишь?
Алтай двух прожор тебе
лучше показался,
Поэтому ли чуть живая си-
дишь?
Поэтому ли кровь твоя
Еле-еле течет?
Что скажешь теперь?» — ска-
зал (богатырь).
«Я не знала,
Что такая беда случится» —
ответила (она).
Стала его умолять
(взять домой).
Алтай-Бучый ответил:
«Обильный скот мой вы пог-
нали,
Мирную юрту ограбили,
У живого человека
Два глаза выколупали,
Большие пальцы отрезали.
Если ты была на это способ-
на,
Будь способна вынести и эти
муки»—
Три раза теперь плюнул ей
в лицо,
Потянув повод, повернул коня,
Назад поехал.
Горных зверей стрелял в горах,
В реках ловил речных зверь-
ков,
Из четвероногих зверей самых
жирных стрелял,
За передние ноги на коня
вьючил,
Чистых из чистых соболей
стрелял,
За кончики носа нанизывал,
Кривоклыких кабанов
За передние ноги вьючил,

Удра тиштӱ айуларды
Тумчугынаҥ тизен салган,
Алтай-Бучый баатыр кижи
Алтай ӱстин алты айланып, аҥдагылап,
Јердиҥ сыртын јети айланып, куштагылап,
Көө кара тайгазына,

Көк төр јажыл алтайына
Једип келбей эмди кайтты.
Алтайына ол келерде,
Ай алдынаҥ ачу туман борлоп чыкты,
Күн алдынаҥ койу туман буркурап чыкты.
Алты күннииҥ туркунына
Айдыҥ көзи көрүнбеди.
Јети күннииҥ туркунына
Күннииҥ көзи көрүнбеди.
Анча-мынча бу болгондо,
Кара тайга бу бажынаҥ јеткер келди.
Арнай каан, Чарнай каан адаанын алып,
Ӱч тер түҥей көк төр боро јакшы атту
Ӱч тер түҥей бу ла моҥус
Јети кады јер алтынаҥ чыгып келтир,
Алыс јерден јуу ла чагы келген болтыр.
Јалаҥ түҥей бу черӱлӱ,

Куш чыдалду албатылу.
Алтай-Бучый алып-күлүк
Байана берген бараан-чоокыр адын минип,
Балтыр кежик баатыр уулы

Теҥери берген темичи-күреҥ адын минип,
Јети күҥге бу јуулашты.

Төмөн ӧдӱп бу јӱреле,
Төртөн муҥнаҥ кезип јӱрди,
Өрө лө ӧдӱп алтан муҥнаҥ

Прямоклыких медведей
За ноздри привязывал.
Алтай-Бучый богатырь
Алтай шесть раз объехал, на зверей охотясь,
Землю семь раз проехал, стреляя птиц,
На свою черную, как уголь, тайгу поднялся,
На свой зеленый алтай
Приехал.
Когда он вернулся, (увидел):
Под луной горький туман забурлил,
Под солнцем густой туман закипел.
В течение шести дней
Лика луны не стало видно,
В течение семи дней
Лик солнца скрылся.
Немного времени прошло,
С вершины черной горы беда нагрянула,
Заступники хана Арная и хана Чарная
На трех одинаковых темносерых быстрых конях ездящие
Три одинаковых монгуса
Из семислойного подземелья, оказывается, вышли,
Из другого мира, оказывается, война пришла.
Все воины похожи друг на друга,
У всех у них куриная сила.
Алтай-Бучый витязь-силач
Сел на коня темно-полосатой масти, данном Байаной,
Неокрепший сын-богатырь, на счастье дарованный,
Сел на темно-рыжего Темичи, данного Небом,
В течение семи дней стали сражаться.

Вниз проезжая,
По сорок тысяч врагов рубят,
Вверх проезжая, по шестьдесят тысяч

Эмди кезип турар болды.
Болчок эттӱ боро черӱ

Бойы ла өзӱп јадар болды.

Кылган кептӱ черӱ-аймак

Бойы ла көптөп турар болтыр.
Алтай-Бучый алып-кӱлӱк
Аланг-келенг кайкагылап,
Ајыктап көрӱп турар болзо,
Тӱмен черӱ бу ортодо
Бир баатыр бар болуптыр.

Эки ле көстинг ол ортодо
Кунан койдый менгдӱ болтыр.

Алтай-Бучый эмди ле-е
Кыйбыр јебе бу божодып,

Көбөнг чөлдинг бу ортодо

Кара баатыр мангдайында

Кунан койдый бу ла менгди
Тал ортодонг кезе адып
бу тӱжӱрди.
Болчок эттӱ боро черӱ

Бойы ла јадып бу кырылды,
Кылган кептӱ черӱлери

Кыйын јадып,
Бу кырыла бербей кайтты.
Ӱч тер тӱнгей бу монгустынг
бу черӱзи
Јанғыс октонг кырыла берди.

Јалбыш отко бу кӱйгендий
божой берди.
Јети кады јер алдынынг
јеектери
Јенгдиргени бу лай болды.

Ангчы-кушчы Алтай-Бучый

Алтайына эмди јанып,

Рубят теперь.
С кусочек мяса величиной се-
рых воинов
Не меньше, а больше станови-
вилось,
С всходы растений ростом во-
ины аймака[29]
Откуда-то сами появлялись.
Алтай-Бучый витязь-силач
С удивлением на это смотрел
И тут увидел:
Посреди десятка тысяч воинов
Один богатырь, оказывается,
был.
Между двух его глаз
С трехлетнюю овцу родинка
виднелась.
Алтай-Бучый тотчас же
Остроконечную стрелу выпус-
тил.
Посреди хлопковой степи сто-
ящего
У Черного богатыря на лбу
находящуюся
С терхлетнюю овцу родинку
На две части пополам про-
стрелив, оторвал.
С кусочек мяса величиной се-
рые воины
Сами замертво пали, погибли,
С всходы растений ростом во-
ины
Набок повалившись,
погибли.
Трех одинаковых монгусов во-
ины
Одной стрелой были истребле-
ны.
Как будто в пылающем пла-
мени сгорели, были уничтоже-
ны.
Так из семислойного подзе-
мелья прожоры
Были побеждены.
Охотник и птицелов Алтай-Бу-
чый
На свой алтай теперь вернул-
ся.

Ак тар малы малдаҥ арбын,
Албатызы јонноҥ эзен,
Тебеелӱге малы өскӧн,

Тергеелӱге јоны өскӧн,

Озогыдаҥ он ло артык
кезер болуп,
Эртегидеҥ эки артык
баатыр болуп.
Јер шилизин кезе базып,

Јер ӱстӱне јуртай берди.
Азыраган ол дор уулы
Көзиниҥ ле оды болуп,
Көксиниҥ ле ойы болуп,
Јер ӱстӱнде база бектеп
јуртай берди.
Бу чӧрчӧгим божой берди.

Јастыра ла айткан јерим
Албаты-јон тӱзет койзын.
Ойгор чӧрчӧк уйуктазын!

Его белый скот обилен,
Его народ мирно зажил,
На стоянках скот растет,

На стойбищах народ множится.
В десять раз лучше, чем прежде, силачем живет.
В два раза лучше, чем раньше, богатырем живет.
По поверхности земли расхаживая,
На земле он живет.
Вскормленный им сын
Огнем глаза его стал,
Его груди разумом стал[30],
На земле он также
сильным богатырем живет.
Это сказание мое к концу пришло.
Если я неправильно рассказал,
Пусть народ исправит.
Мудрое сказание пусть заснет![31]

ПРИМЕЧАНИЯ

Вариант Алексея Григорьевича Калкина. Запись и перевод С. С. Суразакова. Запись произведена в городе Горно-Алтайске в 1958 году в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы на магнитофоне. Сказитель исполнял сказание каем под аккомпанемент топшуура в присутствии нескольких слушателей. При перенесении текста на бумагу он постоянно присутствовал сам и снова выговаривал невнятно произнесенные при исполнении слова. Диалект А. Г. Калкина — теленгетский, смешанный с алтайским. Перевод на русский язык является подстрочным. Ниже даем примечания к переводу.

1. **На ровном берегу**
Медленно текущего синего моря.
На алтае морей нет, но, однако, есть слово **талай,** которое означает море. Наряду с этим алтайцы и в поэзии и в разговорной речи словом талай называют также крупные реки, озера.

2. **У основания его юрты пили коровы.** Имеется в виду: коровы пили то, что вытекало по специальному рву из юрты (например, сыворотку).

3. **На летнем Алтае, где дождь не льет.** Образное выражение, имеющее смысл: где всегда ясная погода.

4. **Лежа на боку живет.** Означает: живет в довольстве, благополучии.

5. **Темно-рыжий конь Темичи.** Темичи — помощник зайсана. В эпических произведениях алтайцев включение в кличку коня, наряду с указывающим его масть словом, других слов (бай—богатый, кайчи — певец, камчы — плеть и т. д.) — обычное явление.

6. **Небо.** В оригинале Тенгери — древнетюркское верховное божество.

7. **Ӱлген** — верховное доброе божество.

8. **Баяна** — доброе чистое божество, которому поклонялись алтайцы.

9. **Ээ-бӱӱ** — Одно из вспомогательных слов, которыми пользуется сказитель, чтобы сохранить темп и ритм, пока он подыскивает нужные для продолжения пения фразы.

10. **Лунная книга судур.** — Монг. **судур,** санкср. **сутра.** Книга судьбы; в ней дается описание всех ханов и богатырей, их жизненное назначение и судьбы. По этой книге в сказаниях обычно узнают, где какой хан или богатырь живет, где находится его душа, на ком молодой богатырь должен жениться, вообще все, что происходит или должно произойти с героями эпоса.

11. В оригинале: **Головы с волосами наши пощадите.** Эту постоянную поэтическую формулу — мольбу произносят побежденные богатыри. Формула не изменяется и тогда, когда ее произносят птицы. Поэтому они оказываются «с волосами» на голове.

12. **На безлунном Алтае луну поставившего светить,**
На бессолнечном Алтае солнце зажегшего. Постоянная формула, применяемая по отношению к богатырю, сделавшему благо для народа.

13. **Выпущенная стрела от камня не возвращается.**
Приехавший посол от бия не возвращается. Поговорка, означающая: «Если кто куда поехал, тот не должен возвращаться, не достигнув цели». Бий — чиновник.

14. В оригинале: **тепши** — длинная деревянная посуда, специально предназначенная для угощения мясом.

15. **Тажуур** — посуда для вина, приготовляемого из молока **(аракы).**

16. **Перегнанное вино** — вино **(аракы)** для крепости перегоняли несколько раз.

17. **На стороне, с которой (на него) садиться,** т. е. с левой стороны.

18. **На стороне ударов плетки,** т. е. с правой стороны.

19. **Золотой складень — нож.** Нож, которым можно лишить богатыря жизни. Этот мотив имеется в ряде других алтайских сказаний (см. сказание «Кан-Толо», сб. «Алтай-Бучай». Новосибирск 1941, ср. с мечом-кладенцем русских сказок).

20. В данном случае говорится об алтае богатыря Алтай-Буучая.

21. **От края черной степи с косичкой.**

До разветвления чепрачного кан алтая. Устойчивый поэтический оборот. По-видимому, здесь отражен какой-либо шаманистский обряд вешания косички на дерево в степи (алтайцы-мужчины в старину носили косички), а во второй части разветвления хребтов Алтая сравниваются, вероятно, с орнаментальными рисунками на кожаном чепраке. Слово кан означает «почтенный», «любимый».

22. **Стойте, стойте, наши прожоры.** Постоянный эпитет ханов — **прожоры** — по традиции вставлен в уста женщин, близких им людей.

23. **В два раза лучше, чем раньше, став, проснулся.** Здесь явно чувствуется пропуск эпизода оживления младенца.

24. **На самострелы со ста зарубками.** Имеется в виду зарубки на самостреле, на которые натягивается и прикрепляется тетива лука.

25. **Море, которое снизу землю поднимает.** Этого представления у самих алтайцев, кажется, не было, оно появилось, очевидно, под влиянием распространения среди них известных христианских легенд о сотворении мира, в период крещения алтайцев миссионерами в XIX веке.

26. **Аил** — юрта, селение.

27. **Дьелбеген** — комический персонаж — чудовище.

28. **В рабство ходивший мой народ,** — т. е. бывший в плену, в в рабстве Арная и Чарная.

29. **Аймак** — административная единица.

30. **Его груди разумом стал.** По представлению древних алтайцев, источник разума — в груди.

31. **Мудрое сказание пусть заснет!** Магическая концовка со смыслом: «Пусть богатырь не тревожит меня, заснет!»

АЛТАЙ-БУУЧАЙ

(по варианту *Е. К. Ташmамышевой*)

Алтай-Буучай маатыр јаткан.
Күн чыгыдыны бүргеген

Алтын тайга шибеелү,

Күн ажыт ньанда
Кара тайга шибеелү.
Ады аның үч ат болгон.
Јууга-чакка минетени камчы-
јеерен,
Малдап јүрүп минетен ады
бар-чоокур,
Ангнап-суулап минетени
Эрке-јеерен болгон.
Эрмен-Чечен эмеендү,
Јараа-Чечен кысту јуртаган.

Эки тайгыл ийттү болгон,

Эки боро мүркүттү болгон.
Алтын тайгазына ангнап јүрер,
Ак талайына балык шүйер:
Јууга-чакка барбас,
Јуу авадап аа кирбес.

Жил богатырь Алтай-Буучай.
Заслонив сторону восхода
солнца
Крепостью стояла его золотая
гора,
На стороне захода солнца
Крепостью была черная гора.
Коней у него было три.
На войну он выезжал на
рыжем коне Камчи,[1]
Объезжал свой скот на коне
тигровой масти,
На охоту отправлялся
На любимом рыжем коне.
Жену звали Эрмен-Чечен,
Дочь была по имени Дьараа-
Чечен.
Были у него две охотничьи
собаки,
Два серых беркута.
На золотой горе он охотился,
В белом море рыбу неводил.
Сам на войну не ездил
И к нему войною не шли.

* * *

Алтай-Буучай маатыр
Јетен јети талалу,
Алтан сегис булунгду
Ак өргөөнинг ичине
Ары-бери баас турат.

Эрмен-Чечен эмеенини,

* * *

Богатырь Алтай-Буучай
В семидесятисемистенной,
В шестидесятивосьмиуглой
Белой юрте[2]
Из угла в угол стал расха-
живать,
Жене Эрмен-Чечен,

Јараа-Чечен јараш балазыны
јакып јыт:
«Азык-түлүк јазалар—дийт,
Эјингей-быштак эттер—дийт,
Ангнап-суулап барадым—дийт,
Алтайыма аң өскөн болор—
дийт,
Талайыма балык көп бүткен
болор — дийт.
Одус јылга бар јыдым,
Одус јылдың азыгын эттер»
— дийт.
Ангнап-суулап баратан
Азыгы-түлүги бүтти.
Апшыйак Алтай-Буучай
Ол ок чыйдынып,
Эрке-јеерен адыны ээртеди,

Азык-түлүгини артынды.
Андайтан јепселини
Көдрөзин јүктенди.
Апшыйак јүрүп ийди.
Эмеени, балазы атандырып
ийди.
Одус јылга барган Алтай-
Буучай
Одус јылдан ажа берди.
Сакып, сакып болбодылар.
Эмеени айтты:
«Балам!
Одус јылга барган адаң

Одус јылдан ажа конды.
Нениң учун бу саадады?
Өлгөни чын дийт мынаң.
Бис каныйып кижи болорыс?
Сен алтын тайга кырына
чыгып,
Барып көр» — дийт.
Алтын кайырчакты ачып,
Алтын көрнөш ал бер јит.

«Бо көрнөшти
Јердиң сыртыны эбреде тудуп,
Алтай сыртыны айландра
тудуп,
Көр турзаң,

Красивой дочери Дьараа-
Чечен стал наказывать:
«Припасы мне изготовьте,
Сыр и творог сделайте —
Я поеду на охоту.
Наверно, на алтае моем зверей
стало больше,
В море моем рыба размно-
жилась.
Я поеду на тридцать лет,
На тридцать лет припасы
изготовьте».
На охоту (богатырю) ехать,
Припасы изготовили.
Старик Алтай-Буучай
Тотчас к отъезду собрался,
Любимого рыжего Камчи
заседлал,
Припасы (на него) навьючил.
Все охотничье снаряжение
(На себя) нацепил.
Старик поехал.
Жена и дочь проводили.

На тридцать лет Алтай-Буучай
уехал,
Но за тридцать перевалило.
Дома ждать его устали.
Жена сказала:
«Дочь моя!
На тридцать лет отец твой
уехал,
Уже за тридцать перевалило.
Почему он долго не едет?
Что погиб он — это верно.
Как мы с тобой жить будем?[3]
Ты поднимись на вершину
золотой горы,
(Вокруг) посмотри».
Золотой ящик открыла,
Золотое зеркальце достав,
подала.
«Это зеркальце
На все стороны света направь,
Алтая поверхность вокруг
отрази.
Глянешь в него —

Кандый ла каан јуртап
јаткан—
Көдрө сенинг алдына келер.
Айарда
Каты јок каан кайда бар —
Аны көр» — дийт.
Салгын јетпес сары-бороны

Ээртеп ийдилер.
Јараа-Чечен јараш бала

Сары торго тонды кийип ийди.

Алтын тайга кырына чыга
берди.
Алтын тайга кырына чыгала,
Бее койнындагы көрнөшти
сууруп алала,
Алтай ўстин айландра көрди,

Јердинг сыртын эбреде көрди.

Јердинг сыртында јетен каан —

Көдрөзи каатту.
Алтай сыртында алтан каан—

Көдрөзи каатту.
Анынг ла сонгында
Алдына келип тўшкени —
Аранай, Шаранай —
Эки каан болды.
Бойдонг болгон эмтир.
Аны көрўп алала,
Јараа-Чечен јараш кыс

Алтын тайгадаг тўжўп ийди,
Энезине келди.
Энези сурады:
«Нени көрдинг, балам?»—деди.
«Јердинг сыртында
Көдрөзи эштў болтыр — дийт,
А кўн тўштўгинде јаткан
Аранай, Шаранай
Эмеен јок улус болтыр,
Аны көрдим» — дийт.
«Је аны көргөн болзонг, балам,

Все ханы, где б ни жили,

Перед тобой предстанут.
И тогда,
Где есть неженатый хан —
Это высмотри».
Чалого коня, что быстрее
ветра летит,
Заседлали.
Девушка-красавица Дьараа-
Чечен
Из желтого шелка пальто
надела,
На хребет золотой горы
стала подниматься.
Поднявшись на золотую гору,
Она из-за пазухи давешнее
зеркальце вытащила,
Алтай вокруг отразив,
посмотрела,
На все стороны света
направив, взглянула:
Семьдесят ханов на земле
живет —
Все имеют жен.
Шестьдесят ханов на Алтае
живет —
Все были женаты.
Только затем
Перед ней предстали
Аранай и Шаранай —
Два хана,
(Оба) холостые, оказывается.
Увидев это,
Девушка-красавица Дьараа-
Чечен
С золотой горы спустилась,
Приехала к матери.
Мать спросила:
«Что увидела, дочь?»—
«На поверхности земли
Все ханы имеют жен.
Только на юге живущие
Аранай и Шаранай
Холостыми оказались.
Это я увидела». —
«Если ты это видела,

Сен аа бар келерзинг бе?» — дийт.
«Энем ийзе, барбай»—деди.

Энези
Ак чаазынды алып ийди,
Алтын суула чийе берди:
«Алтай-Буучай
Одус јылга анчап барган,
Одус јылдан ажа берди.
Өлгөни јарт болды.
Бисти келип алзын,
Бисти келип көчүрзин.
Эри јок каат калды,
Ээзи јок мал калды.
Куйругыны суй салып,
Мөөрү киретен јит,
Јыдазыны тудунып,
Јуу киретен јит биске.
Бисти апарлар».
Айып чийип,
Балазын ол ок чыйдып туруп,

Атандрып ийди.
Јараа-Чечен јараш кыс

Ол ло салган бойнча
Күннинг түштүгини көстөп,
Аранай, Шаранайдынг

Јери-јуртына једе келди.
Аранай, Шаранайдынг
Эжигине келерде,
Аранай, Шаранай аны көрөлө,

Эжиктенг бадышпийн чыктылар.
(Кыстынг јаражы коркушту да!)
Баланынг колында тудунган
Бее бичикти алдылар.
Бала дезе
Аттанг түшпеди,
Ол ок ойтоно
Атанып јүрүп ийди.
Аранай, Шаранай
Бичикти алала,

Не съездишь ли к ним, моя дочь?» —
«Если мать посылает, как же не съездить?»

Мать
Взяла белую бумагу,
Золотой водой пишет (письмо):
«Алтай-Буучай
На тридцать лет уехал охотиться,
Но за тридцать перевалило.
Это ясно, что погиб он.
Приезжайте и берите нас,
Приезжайте и переселяйте нас,
Без мужа женщина осталась,
Без хозяина скот бродит.
Выпрямив свой хвост,
Волк может прийти и напасть,
Держа пику в руке,
Война может прийти к нам.
Нас увезите».
Такое письмо написала.
Дочь свою тотчас в путь снарядила
И отправила.
Девушка-красавица Дьараа-Чечен
Со стойбища выехав,
Прямо на юг направилась,
До стойбища Араная и Шараная
Доехала.
К дверям Араная и Шараная
Когда подъехала она,
Увидели ее Аранай и Шаранай,
Друг друга опережая, выскочили из дверей.
(Так красива была эта девушка!).
Из ее руки
Давешнее письмо взяли.
А девушка
С коня не слезла,
Тотчас назад повернула,
(Домой) отправилась.
Аранай и Шаранай
Письмо взяли,

Кычыр көрөр болзо,
Јердинг сырты јетен каан,
Алтай сырты алтан каан
Аны адабас —
Алтай-Буучай маатыр
Одус јылга барала, јылайган.

Өлгөни јарт.
«Бисти келип алзын,
Бисти келип көчүрзин»—деп
Чий салган.
Ол бичикти алган бойнча
Аранай, Шаранай сөөништилер.
Карып калган адазына бардылар,
Јарышла, јүгүрүкле.
«Ада!
Јердинг сырты јетен каан,
Алтай сырты алтан каан
Качан да аныңг адын адабас—

Алтай-Буучай
Одус јылга аннап барган,

Одус јылдаң ашты.
Өлгөн деп бичик келди.

Бис барып, малын айдап,

Каты-балазын
Көчүр келергийдис».
Каранан адазы айтты:

«Јо-оо, балдарым!
Алтай-Буучай өлбөскө бүткен.
Өлгөн јок ол.
Темей барбалар, токтолор»—деп.

«Је, сенең, өлүмтиктең,
Эрмек сурап турган кижи јок!

Токтоп кал ары!» — деп
Апшыйакты сыңырат салдылар.

Аныңг кийининде

Прочитав, они узнали:
Семьдесят ханов на земле,
Шестьдесят ханов на Алтае
Его имя произносить боялись.
Этот богатырь Алтай-Буучай,
На тридцать лет на охоту уехав, исчез.
Ясно, что погиб.
«Приезжайте и берите нас,
Приезжайте и переселяйте нас»—
Так написано.
Такое письмо получив,
Аранай и Шаранай обрадовались.
К старому отцу направились,

Обгоняя друг друга, побежали.
«Отец!
Семьдесят ханов на земле,
Шестьдесят ханов на Алтае
Никогда его имя не смели произносить.
(Этот) Алтай-Буучай
На тридцать лет охотиться поехал,
За тридцать уже перевалило.
Прислали письмо, что он погиб.
Мы хотим поехать и пригнать его скот,
Жену и дочь
К нам переселить».
Старый-престарый отец ответил:
«О, дети мои!
Алтай-Буучай создан бессмертным.
Он не погиб.
Напрасно не ездите, остановитесь!» —
«Ладно, у тебя, умирающего,
Совета спрашивающего человека нет!
Перестань, замолчи!» —
Прикрикнули на старика.

После этого

Аранай, Шаранай шыйдыныш,

Атанып ийди.
Бее баланың келген јолыбыла

Кара тайганы ажып,
Алтай-Буучайның јуртына
јеттилер.
Энелӱ-кысту —
Эрмен-Чечен ле Јараа-
Чечен —
Јетен јети талалу,
Алтан сегис булунду
Алтын өргөөдөң
Ат чакаа јетре
Ак торгоны јайдылар.
Аранай, Шаранай келерде,

Аттанг колтуктап тӱжӱрип,

Ак торгонынг сыртыбыла
бастырып,
Алтын өргөө ал кирдилер.
Алтын стол тарт јадылар,
Алама-шикпир аш сал
јадылар.
Јыргап, арааглап,
Алтын тажуур ла мӧнгӱн
тажуурды
Кугарлап, ичкилеп
отурдылар.
Энезини ньаан карындажы
алтан,
Кызыны кичӱ карындажы
алтан —
Андый јӧп бӱтти.
Эми малды айдыйтан,

Јуртты бузатан.
Айдып ла отурганча,
Коркушту ньаан куйуткак
келди,
Сӱреен ле ньаан салгын
келди.
Эрмен-Чечен тышкары чыга
конды.
Тышкары чыга коноло:

Аранай и Шаранай снарядив-
шись,
В путь отправились.
По следам давеча проезжав-
шей девушки
Черную гору перевалили,
На стойбище Алтай-Буучая
приехали.
Мать и дочь —
Эрмен-Чечен и Дьараа-
Чечен—
От семидесятисемистенной,
От шестидесятивосьмиуглой
Золотой юрты
До самой коновязи
Белый шелк расстелили.
Как подъехали Аранай и
Шаранай,
С коня, под руки беря,
помогли сойти,
По шелковой дорожке повели,

В золотую юрту ввели.
Золотой стол накрыли,
Вкусную пищу расставили.
Едят и пьют (ханы)
Из золотого и серебряного
тажуура.
Чару по кругу подавая, пьют

Старший брат на матери,

Младший брат на дочери

Жениться договорились.
Скот теперь решили с собой
угнать,
Стойбище — разрушить.
Пока они так сидели,
Вдруг поднялся страшный
вихрь,
Сильный ветер подул.

Эрмен-Чечен выбежала на
улицу.
Выбежала (и вскрикнула):

«Ба-таа, Алтай-Буучай кел
јиткан ушкуш!—дийт.
Алтай-Буучайдың јоругы
дийт бо».
Аранай, Шаранай:

«Эм кайттан бу мыны?» —деп,
Алгый-јывыш кийнине киреле,
Јерди ойо тебеле,
Ол төвөн јажынып ийдилер.
Эрмен-Чечен ле Јараа-Чечен,
Энелӱ-кысту,
Кажы немени јууп,
Столды ойтонолок тургусты.
Озо баштап келгени —
Јетен ангның эдини

Азуга тиштеп ийген,
Тилин сууруп салган

Эки тӱнгей кара тайгыл болды.
Аның кийининде
Эки боро мӱркӱдини

Эки энгзезине тептирген,
Эрке-јеерен адының
Јалы-куйругы көрӱнбес —
Јӱзӱн-јӱкпӱр јөөжө артынган
Алтай-Буучай јуртына једе
келт.
Энелӱ-кысту удра чыгып,

Адын алып, чакаа буладылар,

Аттаң колтуктап тӱжӱрдилер,

Бойлоры ыйлажып турадылар.

«Одус јылга барган бойың
Одус јылдаң нерек аштың?
Сени карап,
Өлгөн болор деп,
Тӱни-тӱжиле ыйаа турдыбыс».
Айарда, Алтай-Буучай айдат:
«Јорук барган кижи

Саат болбий кайдар»—дийт...

«О боже, Алтай-Буучай едет!
Это его езда».

Аранай и Шаранай (испугались):
«Что делать нам?»—сказали.
Где котлы и посуду ставят,
Там в земле яму вырыли
И в ней спрятались.
Эрмен-Чечен и Дьара-Чечен,
Мать и дочь,
Все (со стола) убрали,
Стол на место поставили.
Первыми появились
Две одинаковые черные
собаки,
На своих клыках они
По семьдесят маральих туш
несли,
Языки высунув, прибежали.
Вслед за ними
Сам Алтай-Буучай к стойбищу
подъехал.
Два серых беркута
На его плечах сидели.
Любимого рыжего коня
Даже хвост и грива не видны:
Много разного добра на него
навьючено.
Мать и дочь выбежали навстречу,
Взяв повод коня, привязали к
коновязи,
Под руки беря, помогли сойти
с коня.
А сами, не переставая, плакали:
«На тридцать лет ты уехал,
Почему же дольше задержался?
Мы тебя ожидали,
Думали, что погиб,
Днем и ночью плакали».
Тогда Алтай-Буучай говорит:
«В далекий путь отправившийся,
Конечно, долго пробудет».

Алтай-Буучай маатыр
Јööжöни тапкан ла эмтир!
Артынчагын аттаҥ тӱжӱрип,
Тапкан-туткан јööжöзин эми ӱледи.
«Аймактаҥ кöрӱп талдап алган
Кöзи јараш эжим, — деди,
Мыны тон эдин» — деп,
Камнаа терезин таштап јыт.
«Јараа-Чечен јараш балам,
Кабайыҥ чайкап, азырап алгам,
Мыны тон эт кий» — деп,
Киш терезини таштап берди.
Јööжöзин башка-башка ӱлейле,
Алтын öргöö базып кирди.
Эрмен-Чечен эмеени,
Јараа-Чечен јараш кызы
Алама-шикпир јӱзӱн аш сал јадылар,
Алтын тажуур, мöҥӱн тажуур
Араа кугар салып јатлар,
Кабырып, ичирип ле јатлар.
Алтай-Буучай эзирбес срай.
«База арткан кайда-кайда бар ушпа?
Ичериме јетпий калт»—деди.
Айарда, эмеени
Јетен јылга ачыткан
От-корон бир бочко араа чаарды.
Чаарала,
Алтын чараа толо урала,
Туда берт.
Ыҥай ла ичип ийт Алтай-Буучай.
«Эм база артты ба?

Богатырь Алтай-Буучай
Много добра привез с охоты.
Он вьюки с коня снимает,
Что добыл, стал теперь делить.
«Из аймака я тебя нашел, выбрал,
Моя красивоокая жена!
Из этих (шкур) сшей себе шубу»—
Шкуры выдр к ногам ей бросил.
«Дьараа-Чечен, дочь-красавица,
Твою люльку качая, взрастил тебя,
Сшей из этих (шкур) себе шубу» —
Соболиные шкуры ей бросил.
Добычу свою раздав, разделив,
В золотую юрту вошел.
Жена Эрмен-Чечен
И дочь-красавица Дьараа-Чечен
Разную вкусную пищу ставят.
Из золотого и серебряного тажуура
Чару за чарой араку подают.
Всем, что было приготовлено, спаивают.
Алтай-Буучай пьет и не пьянеет.
«Еще (арака) где-нибудь не осталась ли?
Не хватило выпить» — сказал.
Тогда жена
В течение семидесяти лет выстоянную,
В огненный яд превратившуюся бочку араки вытащила.
Вытащила ее,
В золотую чару дополна налила
И (мужу) подала.
Алтай-Буучай выпил залпом,
«Еще не осталось ли?

База бар ба? Берлер»—дийт.

Айырда эмеени:
«Артканы йок, кöдрöзи»—деди.

«Эм кайдайн?»—дийт.

«Је ичерге јетпеген болзо,
Алгый-јывыш кийнинен
Бедреп кöрзöн,
Айса табылар болор»—деди
эмеени.
Айарда
Ачу-коронды ичип алган кижи

Алгый-јывыш кийнини бедреп
турганча,
Аранай, Шаранай
Колына кел кирди.
Эки маатырды јава ла тутты.
Јетен јети талалу,
Алтан сегис булунгду
Алтын öргööни кавортодон
Üч маатыр талап чыкты.

Тудушканча ла
Акка чыга бердилер.
Мал јапазына, ньон јапазына
чыгып,
Аа тудуштылар.
Алын јанынча ньаан Аранай,

Кийин јанынча кичү Шаранай

Эге öбöлöп јитлар.
Кыйгыр јыт Алтай-Буучай:
«Аймактанг талдап алган
Эрмен-Чечен эмееним,
Азырап алган
Јараа-Чечен јараш балам,

Менинг будыма экелип
Кулур töктööр.
Аранай ла Шаранай будына
Бырчык јайлар».
Энелү-кысту јүгүрдиле.
Алтай-Буучайдынг будына

Есть ли еще? Налейте» — говорит.

Тогда жена (ответила):
«Ничего не осталось, все выпил»—
«Как же быть мне теперь?»—
просил (Алтай-Буучай).
«Если не хватило,
За котлами (в углу)
Сам поищи,
Может что и найдешь» — ответила жена.

Тогда
Горький яд выпивший богатырь
За котлами в углу стал искать,

Тут Аранай и Шаранай
В руки ему попались.
Обоих богатырей он схватил.
Семидесятисемистенную,
Шестидесятивосьмиуглую
Золотую юрту в середине
Три богатыря пробили и выскочили.

Схватившись,
На поляну вышли.
На окраину стойбища выбежали
И там бороться стали.
Спереди схватил старший брат
Аранай,
Сзади схватил младший брат
Шаранай,
Вдвоем навалились на одного.
Алтай-Буучай крикнул:
«Выбранная из аймака
Жена моя Эрмен Чечен,
Вскормленная мной,
Дочь-красавица Дьараа-Чечен,
Скорее несите муку,
Под мои ноги сыпьте,
Под ноги Араная и Шараная
Горошины бросайте».[5]
Мать и дочь тотчас прибежали.
Под ноги Алтай-Буучая

Тебир косок сугуп јадылар,

Бырчык јайып јытлар.
Аранай ла Шаранайдың
баскан јерине
Кулур төгүп јитлар.
Өбөлөжип, Алтай-Буучайды

Эриги јок јыгыдып, өлтөрдилер.
Эрмен-Чечен эмеени,
Јараа-Чечен јараш кызы
Эки боро мүркүтти кижендеп
јит,
Эки кара тайгыл ийдин
кижендеп јит.
Бар-чоокур атты,
Эрке-јееренди,
Камчы-јееренди
Илби-тармала кижендеп
ийдилер.
Эриги јок өлди Алтай-Буучай.
Јыдала сайарда,
Јыда тыгынбас,
Кылышла сайза,
Кылыш тыгынбас.
Арга-меке таппадылар.
«Эке эргегини
Кезип алар дийт мынын».
Эге эргегини
Кыдрада кезе бердилер.
Кара ныанғыс балазы бар,

Алтын-Эргек.
Аны экелеле,
Адазына коштой салды.
Кара болот јыдала
Ичини јара сайды.
Бала адазыла кожо өлди.

«Эми кем јок» — дешти.

Аранай, Шаранай
Эки колды шыбаан,
Једип ле келди алтын өргөө.
Келген ле јерде
Јеезезин јебире бердилер.
«Јериндеги малын айдыр» —
дешти.

Стали железную лопату под-
ставлять
И горошины бросать,
А под ноги Араная и Шара-
ная—
Муку сыпать.
Помогая друг другу, Алтай-
Буучая
Свалили и убили.
Его жена Эрмен-Чечен,
Дочь-красавица Дьараа-Чечен
Двум серым беркутам,

Двум черным собакам,
Полосатому, как тигр, коню,
Любимому рыжему коню
И рыжему коню Камчи
Колдовством ноги спутали.
Так безвинно погиб богатырь
Алтай-Буучай.
Пикой его колят —
Проткнуть не могут,
Рубят мечом —
Мечу не поддается.
Иного способа придумать не
могли.
«Два больших пальца (рук)
Надо отрезать[6]»—сказали.
И два больших пальца
С хрустом стали резать.
Был единственный сын (у
Алтай-Буучая),
По имени Алтын-Эргек.
Его принесли,
Рядом с отцом положили,
Черной стальной пикой
Живот ему проткнули.
Младенец погиб вместе с от-
цом.
«Теперь все в порядке» — ска-
зали.

Аранай и Шаранай
С засученными рукавами
К золотой юрте вернулись.
Как пришли,
Мох (жилищ) стали рушить.
«С пастбищ скот погоним», —
сказали.

Коозозын кодоро бердилер.

«Колындагы малын айдыр» — дешти.

Јетен јети талалу,
Алтан сегис булунгду
Алтын өргөөни
Алты јерден буза аттылар,
Ангтардылар.
Ангнап-суулап тапкан јөөжөзини коштоп,
Камчы-јеерен атты
Ньаан Аранай минди,
Бар-чоокур атты
Кичү Шаранай минди,
Эрмен-Чечен эмеенине
Эрке-јеерен атты миндирди,
Бойлорынын бир адына
Јараа-Чечен јараш баланы
Миндирип алдырды.
Малды айдап,
Ньонды башкарып,

Јүрүп ийдилер.
Кожонгбыла, јыргалбыла
Јүрүп ийдилер.
Анча-мынча бар јытканда,
Алдынан кызыл түлгү
Мангтап чыкты.
Аранай, Шаранай айт јыт:

«Ба-таангда!
Кандый сүрлү түлгү бол!
Ангнап-суулап јүргенде,
Алтай-Буучай түлгү тептиретен

Эки боро мүркүтти божотсын!»

Эки боро мүркүтти божоттылар.

Эки боро мүркүт
Түлгүни сүрүжип,
Јылай калды.
Анча-мынча бар јыдарда,
Алдынан көк мөөрү чыкты,
База да сүрлү ан.
Аранай, Шаранай айт јыт:

Навозные кучи стали разбрасывать.

«Домашний скот погоним», — сказали.

Семидесятисемистенную,
Шестидесятивосьмиуглую
Золотую юрту,
В шести местах простелив,
Разрушили.
Добытое на охоте добро на коней навьючили.
На рыжего коня Камчи
Сел старший брат Аранай,
На полосатого, как тигр, коня
Сел младший брат Шаранай,
На любимого рыжего коня
Эрмен-Чечен посадили,
На одного из своих коней
Девушку-красавицу
Дьараа-Чечен посадили.
Перед собою скот гоня,
Народ в свое стойбище направляя,
Они (домой) поехали.
С песнями, с ликованьем
Возвращаются.
Ни мало, ни много проехали,
Вдруг впереди
Красная лисица выскочила.
Аранай и Шаранай воскликнули:

«О!
Какая чудная лисица бежит!
Во время охоты
Алтай-Буучаем на лисиц пускаемых
Двух серых беркутов выпустите!»

Двух серых беркутов выпустили.

Два серых беркута
За лисицами погнавшись,
Исчезли и не вернулись.
Немало, немного проехали,
Впереди выбежал синий волк,
Тоже видный зверь.
Аранай и Шаранай вскричали:

«Божоттор эки тайгыл ийтти!»

Эки тайгыл ийдини божодыйдилер.

Ол барган эки тайгыл
Јок болуп калды.
Анаң база эбеш бар јыдарда,
Камчы-јеерен ат
Јалбак јерге јалбагынаң јыгылала,
Јалмажы сынып өлди.
«Ба-таа!
Бу маатыр кижиниң ады
Бийдип капчай өлөтөн
Салым бар ба?»—дешти.
Камчы-јеерендi таштап ийдилер.

Анаң база эбеш бар јыдарда,
Эрке-јеерен ат
Тоолонып,
Тамагынаң ньын агып,
Аксынаң кан адылып,
Өлүп салыбийт.
Анаң ары эбеш-эбеш бар јыдарда,

Бар-чоокур ат
Бакпайа јаткан бойынча

Бата болуп өлүп јада берди.

«Ады кандый коомой мынын!»—дежип,

Савактажып, ка-атырыжып
Бар јытлар эми.
Анча-мынча бараатканда,
Тенгериде анаң-мынаң
Кара булут кайнап келди.
Мөндөр ньаңмыр йаады озо,
Аның кийнинде
Чаракпыла, ташпыла
Келип октодылар.
Кирер јер јок болордо,
Алтай-Буучайдыңг эки эргегини

Бийде јапаш эдип алала,

Аныңг кадына төртөө кирип,
Очоп ийдилер.

«Вы отпустите двух охотничьих собак!»

Двух охотничьих собак выпустили.

Побежали эти собаки,
Исчезли и не вернулись.
Когда еще немного проехали,
Рыжий конь Камчи
На ровном месте на бок повалился,
Бедро сломав, растянулся.
«Что за срам!
Конь богатыря
Неужели так быстро
Подохнуть может?» —сказали.
Рыжего Камчи на дороге бросили.

Еще немного проехали они,
Любимый рыжий конь упал
И покатился на спине,
Из горла нечисть выходит,
Кровь изо рта бьет,
Ноги свои вытянув, подох.
Еще немного прбехали,

Полосатый, как тигр, конь,
Четыре ноги в четыре стороны вытянув,
Как лягушка, растянувшись, подох.
«Какие слабые кони у него!»—

Насмехаясь над богатырем,
Едут теперь.
Немало, немного проехали,
Вдруг на небе со всех сторон
Черные тучи, кипя, выплыли.
Сначала дождь пошел,
Затем
Крупный град и камни
Сверху стали падать.
Некуда спрятаться было.
Тогда два пальца Алтай-Буучая
Вот так сверху соединив, прикрытие сделали,
Под него четверо вошли
И сели.

Эки мўркўт шунуп келип,
Эки эргекти тееп алып, јўре берт.

Эки эргек јок то болзо,
Керекке албийдылар аны да.
Тенгери ол ок айастаган.
Атанып јўрўп ийдилер.
Анча-мынча атанып барып,
Кара тайганы ажып,
Аранай, Шаранай
Ак малды айдап,
Одорлуга мал сал јытлар,
Одындуга ньон сал јытлар.

Эки каатты
Алтын өргөө кийдирип:
«Тайгаа тенгнеп эт тууразын,

Талай тенгнеп араа ассын,

Той эдер» — деп,
Аранай, Шаранай јакып јат.
Јакып турарда,
Тайгаа тенгнеп эт туурадылар,
Талай тенгнеп араа ас јытлар.
Тог(у)зон кўнге тойлоп јат,
Алтан кўнге јыргап јат.

Той божоды.
Эми јөптөш јит
Аранай, Шаранай:
«Алтай-Буучайныг сөөгини
Бис барып өртир.

Ол тангма тирилбезин».
Эрмен-Чечен эмеенини
ал кўйди,
Јараа-Чечен јараш бала
кожо ок.
Төрт кижи јўрўп ийдилер.
Алтай-Буучайныг

Камчы-јеерен ады аны сескен.
«Аранай, Шаранай кел јит,
Сөөк өртирге,
Кайдар, кайдар апар сугактар» — деп,

Вдруг прилетели два беркута,
Два пальца схватив, улетели.

Двух пальцев не стало.
Но ханы это приняли за пустяк.
Как только небо прояснилось,
Они тронулись в путь.
Немало, немного проехав,
Черную гору перевалив,
Аранай и Шаранай,
Гоня перед собою скот,
На свои стойбища пускают,
Людей, где есть дрова, расселяют.

Двух женщин
В золотую юрту ввели.
«Мясо рубите, чтоб с гору было,
Араку варите, чтоб, как море, было,

Пир устроим» —
Аранай и Шаранай сказали.
По их приказанию
С гору мясо нарубили,
С моря араку наварили.
На девяносто дней пир начали,
На шестьдесят дней веселье пошло.

Когда кончился пир,
Аранай и Шаранай
Меж собою стали говорить:
«Нам нужно поехать обратно,
Чтоб тело Алтай-Буучая сжечь.
Этот дьявол как бы не ожил».
Эрмен-Чечен они вместе взяли,
Дьараа-Чечен красавицу взяли,
Вчетвером в путь отправились.
Рыжий конь Алтай-Буучая Камчи
Об их намерении узнал.
«Чтоб тело (богатыря) сжечь,
Аранай и Шаранай к нам едут,
Давайте спрячем его где-нибудь» —

Камчы-јеерен айтты.
Алтай-Буучайны өвөлөш јадып,
Тулунду каат өдүп болбос,
Туйук кара јышка,
Кара тайганың алдына

Апар суктылар.
Балтыр бежик јаш баланың сөөгини,
Алтай-Буучайның сөөгини
Апар, јык этре сук салдылар.

Аранай, Шаранай келдилер.
Сөөгини бедирер болзо—јок.

«Чөө! Ту кажы јерде
Өлүп, чирип калган кижи дийт ол,
Куш-курт јев ок бардыйн,
Аны бедреп јүртен
Бу бистинг ле јүүлгегис» — дежип,
Каткыла, јыргалла ньанып ийдилер.
Лар ньанып ла ийерде,
Камчы-јеерен ат айтты:
«Эки тайгылды азырыйтан
Боро мүркүт болзын.

Койон теп экелерзер,

Не ле курсак болзо экелип,
Эки кара тайгылды азырырзар.
Эки кара тайгыл,
Эки кижинин сөөгини
Каруулдырзар.
Коозокты јуктатпалар,
Көлөскөнди јуктатпалар.
Мен алтай сыртын айланадым,
Јердин сыртын эбиредим,
Алтай-Буучайны тиргизетен
Эм-томды бедреп барадым» — дийт.
Камчы-јеерен ат
Ларды јакып салала,

Рыжий конь Камчи сказал.
Все вместе тело Алтай-Буучая понесли,
Под черной горой,
В густой черной чаще,
Которую женщина с косами не сможет пройти,

Его спрятали.
Неокрепшее тело колыбельного младенца
И тело Алтай-Буучая
Унесли и в таком месте спрятали, что никто не сможет найти.

Аранай и Шаранай приехали.
Стали тело (богатыря) искать — не нашли.

«Тьфу! Уже давно
Его кости истлели,

Птицы и муравьи растащили,
Приезжать и его искать —
Какая глупость нашла на нас?»

Хохоча и веселясь, домой повернули.
Как только они уехали,
Рыжий конь Камчи говорит:
«Вы, два серых беркута,
Двум собакам пищу будете добывать,
Зайцев будете ловить и приносить,

Что найдете, тем будете
Двух черных собак кормить.
А вы, две черные собаки,
Тело двух людей
Будете охранять.
Жучков не подпускайте,
Ящерицу отгоняйте.
Я весь Алтай обегаю,
По всем землям промчусь,
Чтоб оживить Алтай-Буучая,
Лекарство поеду искать».

Рыжий конь Камчи
Так им наказал,

Ол ок эзендежип-мендележип
алала,
Атанып јўрўп ийди.
Алтай-Буучайны тиргизетен

Эм табарга
Өлөнгди өлөнгө тўнгнеп,
Агашты агашка тўнгнеп,
Алтай сыртын айланып јўрет,
Јердиң сыртын эбирип јўрет.
Канча кааннын јолыбыла бар
јатса,
Јўлтече јурт турган,

Јўлўнче тўдўн чыгып јыткан.

Алтай-Буучайның
Камчы-јеерен ат
Аа ла келди.
Јет келеле,

Эжигини ач көрзө,
Бир кулагыны јавынган,
Бир кулагыны јастанган
Эмеен кижи јадыры.
Бажын көдөр көрөлө. айтты:
«Оо јайла!
Алтай-Буучайның
Камчы-јеерен ады
Боо нерек келген?» —
«А кайдып келбес?
Ээр кажы сынды — дийт,
Эр кижи өлди — дийт.
Аранай, Шаранай
Јуртты бош ўсти — дийт,

Алтай-Буучайның туратан
аргазын
Бедреп јўрўм» — дийт.
«Оо, балам, о јайла!» — деп,

Эмеен тур келт.
Тур келеле, айтты:
«Је мен аның јартыны
Јакшы билбий турум.
Мынаң ары баразың —дийт,
Јети јолдың бетиринде,
Јетен айры

со всеми распрощавшись,

С места тронулся, помчался.
Алтай-Буучая оживить способ-
ное
Лекарство чтоб найти,
Травы с травами сравнивая,
Деревья с деревьями сравнивая,
По Алтаю кружит,
Всю землю обегает.
По путям многих ханов проез-
жая,
Однажды увидел: маленькая
юрта стоит,
Тонкая струйка дыма из нее
выходит.
Алтай-Буучая
Рыжий конь Камчи
Прямо туда направился.
Приблизившись к ней и двери
открыв,
(Он) увидел:
Одним ухом накрывшись,
Другое подложив подушкой,
Старуха лежит.[8]
Она, голову подняв, сказала:
«О, кого я вижу!
Алтая-Буучая
Рыжий конь Камчи,
Зачем сюда прибыл?»
«А как мне не прибыть?
Лука седла сломалась.
Богатырь — (хозяин) погиб.
Аранай и Шаранай
Наше стойбище совсем разру-
шили.
Чтоб Алтай-Буучая оживить

Я средство ищу». —
«О, мое дитя, о горе!» — воск-
ликнув,

Старуха поднялась.
И, поднявшись, сказала:
«Как его оживить — этого
Хорошо не знаю.
Отсюда ты поедешь.
На перекрестке семи дорог,
Под семидесятиствольным

Темир теректинг тӧзинде
Јетен кулаш куйрукту

Кызыл тӱлгӱ јадар.
Аа барала,
Чӧӧдӧктӧп, бажырып, сура — дийт.
Айарда
Ол бӱтпийн јат јыдар — дийт,
Бо тевенени кӧзӧдӧрзинг — дийт.
(Сегис кырлу тевенезин ал берт).
Айарда ол бӱдер,
Мениг сӧзим угар.
«О! Ол эжьем јакаан болзо,
Айтпаанча болбос — деп айдар — дийт,
Алтай-Буучайныг тирилетен тыны
Кайда болгон —
Саа айт берер—дийт—јартыны»
Камчы-јеерен ат
Бажырып ийди.
Тизеленип,
Бажыр, бажыр ийеле,
Тевенезин алып алала,
Салып ийди.
Анча-мынча бар јыдарда,
Јети јолдыг белтиринде,
Јетен айры
Темир теректинг тӧзинде
Јетен кулаш куйрукту

Кызыл тӱлгӱ јаткан.
Аа келип,
Бажырып, јалбаарып.
Сурап турат.
Тӱлгӱ бӱтпийн јадат.
«Је бӱтпийн турган болзонг,
Эжьебис ийген тевенезин кӧр.
«Бӱтпес болзо,

Тевенем кӧрзин деп айткан» — деди.
Айарда

Железным тополем
С семьюдесятьюсаженным хвостом
Красная лисица будет лежать.
Ты к ней отправляйся.
На колени став, поклонись и спроси.
Если
Не поверит тебе и будет молча лежать,
Покажи вот эту иглу

(Восьмигранную большую иглу подала),
Тогда она поверит,
Меня послушается.
«О, если эта сестра приказала.
Нельзя не сказать» — молвит она.
Алтай-Буучая оживить способное средство
Где находится,
Она тебе точно расскажет».

Рыжий конь Камчи
(Старухе) поклонился.
На колени став,
Низко, низко поклонился.
Взяв большую иглу,
(Дальше) помчался.
Немало, немного ехал,
На перекрестке семи дорог
Под семидесятиствольным
Железным тополем
С семьюдесятьюсаженным хвостом
Красная лисица лежала.
Приблизившись к ней,
Стал низко кланяться
И стал просить.
Лиса не верит, молча лежит.
«Если не веришь,
Посмотри иглу нашей сестры.
(Она сказала): «Если не поверит тебе,
Пусть мою большую иглу посмотрит».
Тогда

Јетен кулаш куйрукту кызыл тўлгў

Тевенезин көрөло:
«Оо јайла!
Ол эжьебис јакаан болзо,
Айтпаанча болбос — деди...
Мынаҥ ары баразыҥ — дийт.

Алтайында
Бир чымдып алар өлөҥ јок,

Агажында бир бўр јок,

Јерине тынду неме кирбес,

Чойун кара өргөө турар,

Анын ичинде
Тогзоҥ башту Јелбеген јургап јат.

Тогзон башту Јелбегеннинҥ
Тогзон бажы ортодо,
Чип-чике јиткезинде
Куреҥ-кара меҥ болор — дийт.
Ол мендги ўзўп алзаҥ,
Алтай-Буучайны тиргизериҥ,
Аны ўзўп болбозоҥ,
Тиргизип албазыҥ — дийт.
Айлык јерденҥ көс көрөр—дийт,

Јылдык јерденҥ јыт алар—дийт — ол.

Аны кайып, кайып эптеп,
Бойыҥ бил» — дийт.
Айдып берди.
Камчы-јеерен ат
Бажырып ийди, тизеленип.
Бажырып ийеле, јўрўп ийди.

Ньаан тайга ажу билбес,

Ньаан талай кечў билбес.

Ньаан талайды јарына тееп, бар јыт,
Ньаан тайганы энгзее тееп, бар јыт.

С семьюдесятьюсаженным хвостом красная лисица,
Увидев иглу, (сказала):
«О, мой друг!
Если наша сестра приказала,
То нельзя тебе не рассказать.
Отсюда ты поедешь, (тебе встретится)

Земля,
На которой ни одна травинка не растет,
На деревьях ни одного листочка нет,
Ни одно живое существо туда не заходит.
Ты увидишь чугунную черную юрту.

В ней живет
Девяностоголовое чудовище Дьелбеген.
Между девяноста голов
Чудовища Дьелбегена
Прямо на затылке
Темнокоричневая родинка есть.
Если эту родинку сорвешь, —
Алтай-Буучая оживишь,
Если не сорвешь —
Не сможешь оживить.
С месячного расстояния (Дьелбеген) увидит,
С расстояния года запах учует.

Как к нему проникнуть —
Сам реши».
Так сказала лиса.
Рыжий конь Камчи,
На колени став, поклонился.
Поклонившись, дальше побежал.

Высокие горы не имеют перевалов,
Глубокие реки не имеют бродов.
Глубокие реки, с берега на берег перепрыгивая, летит,
Через высокие горы, на плечи (копытами) ударяя, летит.

Эм ол тогзон башту Jелбегенге

Jедер керек аа.
Анаҥ ла бар jадала,
Ак тайганыҥ кырына чыгала,

Ары койын бакталап кӧр jитса,

Алтайында бир jажарып jаткан
Ӧлӧҥ jок.
Агажында бир бӱр jок,

Чойун кара ӧргӧӧ тур jыт,
Тогзон тӱндӱктӱ,
Тогзон тогус толукту.

Тогзон тогус толукту
Ӧргӧӧзин кӧрӱп,
Камчы-jеерен ат
Арга-бекезин тапийн турды.
«Кайда ньаҥнанзам, jакшы
болор» — деп,
Ат карлагащ кебин кийди.
Ак тайганыҥ кырынаҥ
Учуп jӱр берди.
Срай ла ӧргӧӧниҥ тӧбӧзиле
барырда,
Jелбеген карлагащты jаспий
кӧрди.

«Мениҥ алтайыма
Тынду неме качан да кирбеген.

Бу мындый куш кайдаҥ келип,
Мениҥ тӱнӱгимче ӧдӱп чыкты?

Ашпа! Тышкары чыгып,
Лаптап кӧрӧйин» — деп,
Тышкары чыга коноло,
Апшыйак тогзон бажын кӧдӧ-
рип,
Тогзон бажыныҥ кӧзиле

Айландыра кӧрӧр болзо,
Не де jок — таппий калды.

Таппий калала:
«Боозы кайткан неме болтон?
Бо кана кире берди?» — деп,

Ему до девяностоголового
Дьелбегена
Надо теперь скорее добраться.
Так мчась,
На вершину белой горы под-
нявшись,
Долину по ту сторону стал ос-
матривать.

На этом алтае
Ни одной зеленой травинки нет.
На деревьях ни одного листоч-
ка не видно,
Чугунная черная юрта стоит.
Девяносто дымоходов
И девяносто девять углов юрта
имеет.

Девяностодевятиуглую
Юрту увидев,
Рыжий конь Камчи
Не знает, что предпринять.
«Как лучше поступить?» —
подумал,
И обернулся он ласточкой.
С вершины белой горы
Полетел.
Прямо над юртой летит —

Дьелбегенского взгляда не ми-
новал.

«На мой алтай
Ни одно существо не проника-
ло,
Откуда взялась эта птичка,
Что пролетела над моими ды-
моходами?

А ну-ка выйду,
Хорошенько взгляну».
На улицу выбежав,
Старина задрал вверх девянос-
то голов,
Девяносто пар глаз в небо ус-
тремил.

Все небо обшарил,
Ничего не увидел — (птичку)
потерял.

Потеряв ее, (удивился):
«Что за чудо такое?
Куда же она исчезла?»

Ойтоно өргөөзи йее
Кирейин деп турарда,
Камчы-јеерен ат
Кызыл јибек кебин кийеле,
Чөйүлип түжеле,

Эки будыла көксине тепти.

Апшыйак тондыра келип јыгылды.

Ол јыгыларда ла,
Јиткезинде менги тишле кодоро соголо,
Эки танагының үйдине сугуп ийеле,
Јелбегенге де килеен јок,

Ол ок
Аткан октый адылган,

Аккан суудый октолгон.
Ак тайганың кырын ажып, көндүгип,
Бейе эмеен:
«Тевенемди бер баранг» — деген,
Аа келди.
«Авадааным алдым — дийт,
Арнықканым туттым — дийт,
Алкыш болзын!» — дийт.
«Је, балам!
Апарган керегингле
Алтай-Буучай турар.
А балтыр бежик јаш бала

Тур болбос.
Балтыр бежик јаш баланың

Туртан керегини
Менең ак келип сурыырзың»— деди.
Айарда камчы-јеерен ат
Аа бажырып, јалбаар ийеле,

Ол ок јүрүп ийди.
Камчы-јеерен ол салып,
Ньаан талай кечип јит,
Ньаан тайга ажып јыт.

Обратно в юрту
Хотел войти —
Как вдруг рыжий конь Камчи,
Красной нитью обернувшись,
С неба, вытянувшись, спустился,
Задними ногами в спину лягнул —
Старина вниз лицом полетел.

Как только он упал,
Родинку на затылке зубами вырвал,
В ноздри свои втянул,

Не проявив жалости к чудовищу,

Тут же,
Как выпущенная стрела, полетел,
Как быстрая река, устремился.
Перевалив белую гору, он мчится.
Старуха велела,
Чтоб на обратном пути он вернул ей иглу.
К ней завернул.
«Цели своей я достиг,
За что старался — достал,
Спасибо тебе», — сказал.
«Ну, мое дитя!
От средства, что ты везешь,
Алтай-Буучай встанет.
А неокрепший колыбельный младенец.
(От него) не поднимется.
Неокрепшего колыбельного младенца оживить
Какое средство нужно —
У меня же потом спросишь».

Тогда рыжий конь Камчи,
Ей низко поклонившись, поблагодарил.
И тотчас (дальше) помчался.
По пути рыжий конь Камчи
Широкие реки переезжает,
Высокие горы переваливает.

Акту бойында

Сооду јок, авыр јок.
Алтай-Буучайның өлгөн јерине

Једип келди.
Эки түңгей кара тайгыл
Јадып јыт.
Белен јев јадып јытканда,
Јалбайа севис болбий база.
Эки боро мүркүт
Тайгылдарды ла азрап, бойло-
ры јевей,
Балтырында эт јок,
Бо-ош арыктый берген.
Јер кадынаң курт чыкпазын,

Јер сыртынаң куш келип чоку-
бызын деп,
Ларды азраан.
Камчы-јеерен ат једеле,
Бейе экелген менди
Алтай-Буучайның
Аксына келип салды.
Алтай-Буучай
Үч кыйгырып тура конды.
Колы-будын уужанып айтты:
«Атаанда!
Терең уйктап калтырым» —
дийт.
Камчы-јеерен ат айдат:
«Уйктап турган эмезиң дийт,
Аранай, Шаранай
Тонгдра салып, сыртың јарган,

Чалкойто салып, ичиң јарган,

Өлтөртөлө, тирилдиң» — деди.
«Андый болзо, ийттердиң
Берем үлөштөрин!»

Чачас ла ол ок
Камчы-јеерен атты тутты ла,

Ээртий ле берди.
Күве јаланг токум сал јыт,

Бедняга ни выстойки, ни отды-
ха
Не знает.
На место, где погиб Алтай-
Буучай,
Туда он примчался.
Две одинаковые черные собаки
Здесь лежат.
Живя на всем готовом,
Они, конечно, разжирели.
Два серых беркута,
Кормившие только собак, а
сами летавшие голодными,
До того исхудали,
Что одни кости остались.
Чтоб земляных червей собаки
не подпускали,
Чтоб небесным птицам тело
исклевать не давали,
Их кормили.
Рыжий конь Камчи
Привезенную с собой родинку
Алтай-Буучаю
В рот положил.
Алтай-Буучай,
Три раза крикнув, вскочил.
Руки и ноги потирая сказал:
«Вот это да!
Как крепко я спал!»

Рыжий конь Камчи говорит:
«Ты не спал.
Аранай и Шаранай тебя,
На живот перевернув, спину
изрезали,
На спину перевернув, живот
распороли.
Ты был убит, теперь ожил». —
«Ах так! Тогда эти собаки
Получат от меня то, что им
нужно!»
Он сейчас же, не откладывая,
Рыжего Камчи за повод схва-
тил,
Стал его седлать.
Белый потник, широкий как
степь, (на спину) постилает

Күлер арташ ээр сал јыт.

«Аранай, Шаранай јерине
Барадым ла» — дийт.
Камчы-јеерен ат айтты:
«Акыр, бир эрвек айдайын —
Угарзынг ба? —
«А не укпас?
Нени айдарга йадынг?» —

«Аранай, Шаранай јуртына
Барып кирерге
Ангнап-суулап јўртен

Эрке-јеерен ат чыдажар саа.
Мени божот.
Балтыр бежик јаш баланы

База тиргизип алар керек.
Бис аны нерек таштыйтан?»
Адынынг айткан сөзини
Сўреен јараш укты.

«Је андый болгой,
Јөп болзын» — дийт.
Бейе ээртеен ээрин алып ийди,
Ангнап-сулап минетен

Эрке-јеерен адыны ээртеп,

Аткан октый адылып,

Аккан суудый октолып,

Јўре берди.

Камчы-јеерен ат
Бейе таап саан јолбыла
Бир кулагыны јавынган,
Бир кулагыны төжөнгөн

Баушкаа келди.
Баушканынг эжигини ачып,

Эки тизезини јерге кадап,
Толголып, мўргўп јит.

Изогнутое бронзовое седло
накладывает,
«В стойбище Араная и Шараная
Я поеду» — говорит.
Рыжий конь Камчи говорит:
«Подожди, я слово молвлю,
Послушаешь ли меня?» —
«Почему же не послушать?
Говори все, что хочешь ска-
зать».
«В стойбище Араная и Шара-
ная
Чтоб поехать,
Любимый рыжий конь, на кото-
ром на охоту ездишь,
Выдержит,
Меня же отпусти.
Неокрепшего колыбельного
младенца
Мне также нужно оживить.
Как мы можем его оставить?»
Слова, сказанные конем,
Сильно понравились (богаты-
рю).
«Пусть будет так,
Я согласен», говорит.
С него он снимает седло,
На охоту ездить предназначен-
ного,
Милого любимого рыжего коня
седлает и на него садится,
Как выпущенная стрела, с мес-
та срывается,
Как быстрая река, вперед уст-
ремляется,
(Богатырь) отправляется в
путь.
Рыжий конь Камчи
По найденной прежде дороге
К бабушке, что одним ухом
накрывается,
Другое — подкладывает по-
душкой,
Он примчался.
Двери бабушкиной юрты от-
крыл,
Коленями о землю уперся,
Шею нагнув, низко поклонился.

Баушка тура конды.
«Балам, база јет келдиң бе? —
дийт, —
Алтай-Буучай кайтты?»— дийт.
«Је Алтай-Буучай аайланды.
Балтыр бежик јаш бала тур
болбоды.»
Баушка айтты:
«Је мен айт берейн — дийт.

Тенгериде јуртту
Тенгери-кааида бала бар.
Тевне-Коо ады.
Аны једип алзаң,
Ол бала тирилер.
Аны једип ал болбозоң,

Ол бала турбас».
«Алкыжынды бер» — деди ат.

Баушка алкыжын берди.
Камчы-јеерен силгинип,

Карлагащ кебин кийип,
Тенгерее чыкты.
Тенгери-кааннынг јуртын
Шинҥнеп көрөр болзо,
Тенгери-кааида бала бар
болтыр —
Тевене-Коо.
Темир-кааннынг кызы
—
Аа келтен болтыр.
Базып ийзе, сыны ньаҥыс,

Бӱткен чачы ньаҥыс.

Бӱткен чырайы ньаҥыс.

Темир-кааннынг уулы
Тенгери-кааннынг балазыны
Кудалап турган.
Айарда
Аныҥ сыйнызы
Тевене-Коо кыска келип,
Айдыҥ ак толодо
Лар ойныйтан болтыр,

Бабушка поднялась навстречу:
«О дитя, ты опять пришел?

Ну что с Алтай-Буучаем?»
«Алтай-Буучай уже ожил.
Но неокрепший колыбельный
младенец не смог подняться».
Бабушка сказала:
«Ну что ж, и его поднять сред-
ство скажу.
У живущего на небе
Тенери-хана есть дочь,
По имени Тевене-Коо.
Если сумеешь ее привезти,
Того младенца она оживит.
Если не сумеешь до нее до-
браться —
Младенец не встанет».
«Дай благословление», — по-
просил конь.
Бабушка благословила его.
Рыжий конь Камчи встряхнул-
ся,
Облик ласточки принял
И на небо полетел.
Стойбище Тенери-хана
Стал облетать и все узнавать.
У Тенери-хана была дочь

По имени Тевене-Коо.
Дочь другого хана — Темир-ха-
на
К ней часто приезжала.
Когда рядом пойдут — по рос-
ту их не различишь,
Глянешь на цвет волос — по
волосам не различишь.
Глянешь в лицо—по лицу не
различишь.
Тенери-хана дочь
За сына Темир-хана
Уже сосватана.
Поэтому-то
Младшая сестра (жениха),
Как полнолуние наступит,
Приезжала к Тевене-Коо.
Вместе они играли,

Кара айгырга минип,

Ушкажып алып, jорголодып.
Лардынг jорголодып,
ойноп jытканын
Камчы-jеерен ат
Карлагащ болvп учvп jоруп,
Кöр салды.
Айдынг толозына jетре
База jўрер керек.
Камчы-jеерен ат дезе
Срай мендештў —
Ньанарга керек.

Айдынг толоо jеткелекте,
Кара айгыр болуп,

Эжикке jет келди Камчы-jеерен.

Бир чарак кылды ўзеле,
Темир-кааннынг кызы эдип
Jазап алган.
Тевене-Коо чыга конордо,

Бее миндир салган бала:
«Ойныырга кўўним бар—дийт.
Срай энчикпей,
Уйкум да келбийт,
Отурарга отуружым да келбийт,

Сени ле кöр тургамда,
Jакшы» — дийт.
Тенгери-каан чыга коноло,
айдат:
«Сматри, учкандар,
Jаравий калбазын.
Кандый-кандый jеек-jеткер
Келген болбозын» — деп.
«Jо-ок, бо ло бойымнынг
Минип турган кара айгырым»
— деп
«Темир-кааннынг кызы» айтты.

Тевене-Кооны ол ок ушкаштырып ийеле,
Jўр берди.
Ананг ары урадып,

Вместе садились на вороного жеребца
И иноходь его испытывали.
Эту езду и игру их

Рыжий конь Камчи,
Ласточкой летая,
Все высмотрел.
Нужно ждать,
Когда полнолуние наступит.
Но рыжий конь Камчи
Очень торопится:
Надо быстрей возвращаться домой.
Не дождавшись полнолуния,
В вороного жеребца превратился,
К ханским дверям подъехал.

Из одного волоса своего хвоста
Дочь Темир-хана сделав,
На себя посадил.
Когда вышла из юрты Тевене-Коо,
Эта девушка сказала:
«Я хочу с тобой поиграть.
(Дома) сильно скучаю.
Сон не приходит,
Сидеть не сидится.

Как увижу тебя —
Мне тогда хорошо».
Тенери-хан вышел и говорит:

«Смотрите, шалуньи,
Как бы чего не вышло.
Может какая нечистая сила
В облике жеребца пришла?» —
«Да не-ет же, не-ет, это тот вороной,
На котором я прежде приезжала».
Так ответила «дочь Темир-хана».
Девушку Тевене-Коо тотчас на коня с собой посадила
И вместе поехали (погулять).
Конь все дальше,

Анаҥ ары урадып,
Бар јыдала,
«Темир-каанныҥ балазыны»
Антарып ийди.
Антарыйеле,
Камчы-јеерен ат
Бӱдӱре бойы силгинийди,
Камчы-јеерен болды.
Тенгери-каанныҥ балазы
Тевене-Коо айтты:
«Калак-кокый!
Сен мени кана апарјызыҥ?
Јартын айт».
Айарда
Камчы-јеерен айтты:
«Эриктӱде апарбийдим,
Эрик јокто апар јыдым.
Балтыр бежик јаш бала

Тирилетен аайы јок.
Аны маа болужып,
Тиргизип берзин деп,
Сени апар јыдым». —
«Је анду болзо, барайын».
Анаҥ ары атанып,
Ол ок јӱрӱп ийдилер.
Камчы-јеерен Тевене-Коо балаҥы
Аа-боо југуспийн,
Јерине јетир келди.
Алтай-Буучай маатыр
Аранай, Шаранайдыҥ јуртыҥ
Јуулашпийн, ньанып келтир.

Камчы-јеерен айтты:

«Аранай, Шаранайла
Нениҥ учун јуулашпадыҥ?
Нениҥ учун јорбодыҥ?» —
«Каанныҥ јурты каду—деди,
Бийдиҥ јурты бийик — деди.
Камчы-јееренле јӧптӧжип,

Аранай, Шаранайдыҥ јуртын
Јvvларга санандым» — деди.

Все дальше
От юрты отьезжая,
«Дочь Темир-хана»
Вдруг с себя сбросил.
Сбросив ее,
Рыжий конь Камчи
С ног до головы встряхнулся—
Прежний свой вид принял.
Дочь Тенери-хана
Тевене-Коо с испугом сказала:
«Ах, что это!
Ты куда же меня везешь?
Скажи прямо».
Тогда
Рыжий Камчи ответил:
«Не от радости тебя везу,
Горе меня заставило.
Неокрепший колыбельный ребенок погиб,
Не могу его оживить.
Чтобы ты мне помогла
Его оживить,
Я тебя везу».
«Ну если так, я согласна».
Дальше в путь тронулись,
Не задерживаясь, отправились.
Рыжий конь Камчи, Тевене-Коо девице
Не давая упасть,
На стойбище доставил.
Богатырь Алтай-Буучай,
Не доехав до стойбища Араная и Шараная,
Не вступив в битву, оказывается, вернулся.
Рыжий конь Камчи спрашивает:
«Ты почему с Аранаем и Шаранаем
Не вступил в битву?
Почему не доехал?» —
«Стойбище хана крепко,
Стойбище бия сильно.
Я решил, с тобой посоветовавшись,
Вместе на Араная и Шараная
Войною идти.»

Бейе бала аттаҥ тӱжӱп, айдат:

«Оҥ эдегим оҥ салгын ачпаан,

Сол эдегим сол салгын ачпаан» — деп.
Карманынаҥ ак торго арчуул сууруп,
Ары согуп, бери согуп,
Ол баланы
Ары алтап, бери алтап.
Тиргизип ийди.
Бала тура конды.
Тевене-Коо
Баланы тиргискен јерде ле
Кас кебин кийеле,
Тир-р-р учуп јӱре берди.
Алтай-Буучай
Эки коожодыны согунып ийди,
Эки качарыны тартынып ийди.
«Ээ, кудай,
Ала кӱйзем кайдат!
Ала кӱйзем кайдат!
Эш эдип алар эдим» — деп,
Сыктап, калактап,
Јада калды.
Сыктап, калактап турганча,
Ол барган бала
Ыйлап, сыктап ойто ло келди.
«Кайтты ла, балам?» — деди
Алтай-Буучай.
«Теҥери-каан адама једеримде,

Теҥери-каан адам
Алтай-Буучайга

Боложыҥ јетирип јӱрген болзоҥ,
Алтай-Буучайла јуртап кал,
Мениҥ эжигим ачпа,
Мениҥ айлыма келбе.
Аҥнап-суулап јӱргенде,

Аҥды өлтөргөндө,
Јөөжөни тапканда,
Качан да биске
Берӱ бербеен деп,

Небесная девица с коня слезла, сказала:
«Правый подол моей шубы справа ветер не открывал,
Левый подол моей шубы слева ветер не открывал».[9]
Из кармана белое шелковое полотенце вынула,
Туда и сюда им помахала,
Через труп ребенка
Туда и сюда перешагнула,
Ребенка оживила.
Младенец вдруг вскочил.
Тевене-Коо,
Как только ожил младенец,
Облик гуся приняла,
Улетела: «Тир-р-р!»
Алтай-Буучай
Ладонями по коленям ударил,
Щеки свои царапал:
«Боже мой!
Почему я ее не удержал!
Почему я ее не схватил!
Была бы она моей женой», —
Так печалясь и причитая,
Он остался на месте.
Пока он так горевал,
Улетевшая девушка
Со слезами обратно вернулась.
«Что случилось с тобой, дитя?» — спросил Алтай-Буучай.
«Как вернулась я к отцу, Тенери-хану,
Он и сказал:
«Если ты к Алтай-Буучаю поехав,
Помощь оказала,

То с ним оставайся, живи.
Мои двери не открывай,
В мою юрту не возвращайся.
(Алтай-Буучай) когда охотился,

Зверей убивал,
Добро добывал,
Нам никогда
Жертвы не приносил».

Чуулдады аай јок.

Адам мени чаара сўрди
Јаткан јуртынаң.
А кана барайын?
Эрик јокто келдим» — деди,
Алтай-Буучай
Аа сөөнўп турганы срай
коркушту.
(Белен каат келгенде!)
«Је анду болзо, бисте арт.
Бо баланғла боо
Бисти карап очор» — деди.
Бойы ол ок
Камчы-јееренди ээртеп ийди,
Аранай, Шаранай јуртына
јўрўп ийди.
Аранай, Шаранай
Качан ок сезип ийген.
Кара тайга кырынаң
Бери ааш јыткан болтыр.

Јердиң сырты јетен курбу
черўлў,
Алтай сырты алтан курбу
черўлў.
Аткан октый адылып,

Аккан суудый оодылып,

Аранай, Шаранайдың
Учы-бажы билдирбес черўўне

Келип кирди.
Оңго-чына кадый берди,
Оңдойы јок бўрте берди.
Ат сыртына ат јыгытты,
Эр сыртына эр јыгытты,
Ары өткөндө,
Ат куйругы элес эт јит,
Бери келгенде,
Эрдиң јўзи кызас эт јит.
Алтай сырты алтан курбу черўўне,
Јердиң сырты јетен курбу черўни
Ўзе јуулап чыкты.

Так говоря, меня выругал
сильно.
Выгнал отец меня на улицу
Из своей юрты.
А куда я денусь?
Была вынуждена вернуться».
Алтай-Буучай
Этому сильно обрадовался:
(Сама в жены пришла!)
«Ну если так, у нас оставайся.
С сыном своим здесь,
Меня дожидайся» — сказал.
Сам тотчас же
Рыжего коня Камчи заседлал,
В стойбище Араная и Шара-
ная отправился.
Аранай и Шаранай
Заранее об этом уже узнали,
На черную тайгу поднявшись,
Навстречу ему, оказывается,
выехали.
В семьдесят рядов воины по
земле идут,
В шестьдесят рядов воины по
Алтаю идут.
Как выпущенная стрела, (Ал-
тай-Буучай) полетел,
Как быстрая река, вперед уст-
ремился,
В войско Араная и Шараная,
Не имеющего ни конца, ни
края,
Богатырь врезался.
Направо-налево пикой колет,
Всех без разбора рубит:
На коня падает конь,
На воина падает воин.
Мчится туда —
Хвост коня мелькает,
Мчится сюда —
Лицо богатыря сверкает.
По Алтаю пришедших шесть-
десят рядов,
По земле пришедших семьде-
сят рядов
Воинов врага всех уничтожил.

Кара тайга кырында
Аранай, Шаранай
Јарышпыла, маңбыла
келдилер.
Келген ле бойынча,
Эки ат
Камчы-јееренниң сырты йаа
калыды,
Эки алып
Алтай-Буучайдың
сыртына келди,
Алтай-Буучайдың
Туткан колы каду ушкуш,
Баскан буды кастык ушкуш.
Озогыдаң он артык,
Эртегиденг эки артык.
Аранай, Шаранайды кабра ту-
дуп,
Эриги йок,
Јарыгы йок,
Көк айаска ал чыкты,
Ак айаска көдөр чыкты,
Кара тайганың көө корумга
Көстөп келип, сала койды.
Аккан каны талай болды,
Јаткан сөөги тайга болды.
Јетен курбу черӱни кырала,
Аранай, Шаранайды бийде öл-
төрди.
Эки тӱңей кан-јееренди
Кӱлер сөөгин ӱзе качап,
Камчы-јеерен öлтöрди.
Алтай-Буучай
Камчы-јееренди минип ийди,
Кара тайга кырына чыкты.
Аранай, Шаранайдың јуртына
Једип барза,

(Стоявшие) на хребте черной
тайги
Аранай и Шаранай,
Друг друга обгоняя, вниз по-
скакали.
Как приблизились они —
Два (вражеских) коня
На рыжего Камчи набросили-
лись,
Два витязя
На Алтай-Буучая набросились.
У Алтай-Буучая
Пальцы, как гвозди, вонзились
(в тело врагов),
Ноги, как колья, воткнулись в
землю,
В десять раз он крепче, чем
прежде, стал,
В два раза сильнее, чем преж-
де, стал,
Араная и Шараная обоих сра-
зу схватил,
Их счастья лишил,
Их света лишил,
До синего неба поднял,
До белых облаков донес,
О черную, как уголь, россыпь
черной тайги
Ударив, бросил.
Их кровь, как море, потекла,
Их кости, как тайга, возвыша-
лись.
В семьдесят рядов воинов
уничтожив,
Так расправился он с Арана-
ем и Шаранаем.
Двух похожих друг на друга
кроваво-рыжих коней,
Чугунное тело их зубами иску-
сав,
Рыжий Камчи уничтожил.
Алтай-Буучай
Сел на рыжего коня Камчи,
На черную тайгу поднялся,
В стойбище Араная и Шараная
Прибыл.

Кара-ан адазы айтты:

«Је, Алтай-Буучай,
Уулдарым барып,
Јуртыҥ ӱсти дейле,
Өлтөрзөҥ — бойыҥда,

Өстөрзөҥ — бойыҥда.
Мен токтодып болбийн салгам,
Айтканым укпадылар» — деди.
Ак сагышту Алтай-Буучай айтты:

«Је, апшыйак,
Малыҥнаҥ мал албазым,
Јуртыҥа тегбезим,
Өлгөнчө бойыҥныҥ јуртыҥа
Ас-тос малыҥды башкарып,

Арга-ньоныҥды башкарып,
Јуртап јат».
Айдып ла турганча,
Эрмен-Чечен каат,
Јараа-Чечен јараш бала
Једе келди.
«Айлыбыска ньанаргыйдыс,

Бисти кожо апар» — дешти.

«Је, ньанбай кайсын слер» — дейле,
Экӱди кабра тудала,
Артаналарын айра, айра тартала:
«Саҥысканга саҥ болдор — дийт,
Кускунга кум болдор!» — дийт.

Челип ийди
Эки тайга бажы йаа.
Бойыныҥ ла малыны,
Бойыныҥ ла ньоныны
Баштап алып,
Ньанып јӱрӱп ийди.
Јуртына једип,
Алты јерденҥ ӱзе аткан,

Антарылып калган
Јетен јети талалу,

Старый-престарый их отец сказал:
«Ну что ж, Алтай-Буучай,
Мои сыновья
Стойбище твое разорили.
Теперь в твоей воле: хочешь — убей, меня,
Хочешь — в живых оставь.
Я не мог сыновей остановить.
Они меня не послушались».
Справедливый Алтай-Буучай ответил:

«Ладно, старик,
Твоего скота не возьму,
Твое стойбище не трону.
В своей юрте,
Немногим своим скотом владея,
Немногим народом управляя,
До самой смерти живи».
Пока так разговаривали,
Жена Эрмен-Чечен,
Дочь-красавица Дьараа-Чечен
Прибежали.
«Мы хотим домой возвратиться,
Увези нас с собой», — взмолились,

«Теперь вы, конечно, домой поедете» — сказал (богатырь).
Он обеих за ноги схватил,
На две части обеих разорвал.

«Пусть сороки вас исклюют,

Пусть вороны вас растащут», — сказал.
К вершинам двух гор
Их отбросил.
Только свой скот гоня,
Только свой народ
Ведя за собой,
Он отправился домой.
Приехав в свое стойбище,
В шести местах простреленную,

Совсем развалившуюся
Семидесятисемистенную,

Алтан сегис булуңгду
Алтын өргөөни
Тудуп ийди.
Ак малыны, арга-ньоныны
баштап,
Одорлуга малын салып,

Одындуга ньонын салып:

«Је, јурталар» — дийт.

Кара тайга алдында
Тулуңгду каат өдүп болбос
Туйук кара јыштың ортодо

Улуска бар јыт.
Барып, једип,
Камчы-јеерен атты бойы
минди,
Бар чоокырга балазын миндирди,
Эрке-јееренге эмеенин миндирди.

Эки тайгылды ол ок
Коштой јелдирип алып,
Эки мүркүтти эки энгзезине
Тептирип алып,
Ньанып, јүрүп ийдилер.
Эм срай балалу, каатту
Сайрап, ньанып келди.

(Кижи
Бир тушта сайалар,

Бир тушта сайрыыр).

Јетен јети талалу,
Алтан сегис булуңгду
Алтын өргөөзине келип,
Ньоныны јакар јыт:
«Тайгаа теңнеп эт тууралар,
Талайга теңнеп араа аслар.
Тевене-Кооны эмеен эдедим»—
дийт.
Тайгаа теңнеп эт туурап јыт-
лар,
Талайга теңнеп араа ас јыт-
лар.

Шестидесятивосьмиуглую
Золотую юрту
Обновил, поставил.
Скот и народ за собой повел,

Там, где пышные травы,—скот
ставит,
Там, где много дров, — народ
поселяет.
«Теперь живите»,— им гово-
рит.
К сидящим под черной горой
В черной глухой тайге,
Которую женщина с косами не
пройдет,
Он (затем) поехал.
Доехал до них,
На рыжего коня Камчи сам
сел,
На коня полосатого, как тигр,
сына посадил,
На милого рыжего коня жену
посадил,
Две собаки
Рядом побежали.
Два беркута
На его плечи сели,
(Все) отправились в путь.
Теперь с сыном и женой
Он радостный возвратился до-
мой.

(Человек
Однажды может попасть в бе-
ду,
Но после — достигнуть бла-
женства.[10])

В семидесятисемистенную,
В шестидесятивосьмиуглую
Золотую юрту приехав,
Народу своему говорит:
«С гору мясо нарубите,
С моря араки наварите.
Я хочу жениться на Тевене-
Коо».
С гору мяса нарубили,
С моря араку наварили.

Баланың чачын өрүп,

Беш шаңкызын јазып јатлар,
Белинде курын чечип јатлар.
Тойлоп-койлоп,
Алтан күнге ойын эдип,

Тогзон күнге той эдип,
Алтай-Буучай јуртап, сайрап,
Јат ийди.
Чөрчөк божоп калт.

Девичьи пять косичек расплели,[11]
В две женские косы заплели,
С талии пояс сняли,
Свадебный пир устроили.
Шестьдесят дней игры устраивали,
Девяносто дней пировали.
Затем богатырь Алтай-Буучай
Богатой жизнью зажил.
Сказание мое кончилось.[12]

ПРИМЕЧАНИЕ

Вариант Е. К. Таштамышевой. Запись и перевод С. С. Сурazакова. Запись произведена в городе Горно-Алтайске в 1959 году в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы на магнитофоне. Сказительница исполнила сказом, но устойчивые поэтические формулы, которые она часто употребляет в своей речи, приближает ее речь к стихотворной. Диалект Таштамышевой — туба. Данная запись не является фонетической транскрипцией тубинского диалекта.

1. **Камчи** — плеть.

2. В оригинале: **өргөө** — дворец, ставка. Однако в эпосе өргөө изображается как обычная многоуглая юрта с дымоходом.

3. В подлиннике сказано: **«Как мы с тобой людьми будем?»**

4. **Чару по кругу подавая, пьют.** Обычай, по которому араку подают одной чарой по очереди. Кто, дождавшись очереди, получает свою чару, может выпить сам или отдать другому, уважаемому, почитаемому человеку.

5. **Скорее несите муку,**
Под мои ноги сыпьте,
Под ноги Араная и Шараная
Горошины бросайте. Распространенный в этом сказании мотив. Богатырь просит под его ноги сыпать муку, чтобы ему крепче стоять, под ноги Араная и Шараная — бросать горошины, чтобы они поскользнулись.

6. **Два больших пальца (рук) надо отрезать.** В эпосе считается, что в двух больших пальцах рук находится душа, сила Алтай-Буучая.

7. **Вот так, сверху соединив, прикрытие сделали.** Произнося эти слова, сказительница соединила два больших пальца своих рук.

8. **Одним ухом накрывшись,**
Другое подушкой сделав,
Старуха лежит. В большинстве вариантов эта старуха носит имя Мать-Земли (Јер-эне).

9. **Правый подол моей шубы справа ветер не открывал,**
Левый подол моей шубы слева ветер не открывал. Слова, произносимые при обряде оживления. Мотив о чистой девственнице, подол которой даже «ветер не открывал» и которая только и способна оживить погибшего богатыря, встречается в ряде других алтайских сказаний (см. сказание «Алтайын Сайын Салам» в кн. «Алтай баатырлар», т. 1, 1959).

10. **Человек.**
Однажды может попасть в беду,
Но после — достигнуть блаженства. Эти слова сказительница произнесла уже после, во время записи с магнитофона.

11. **Девичьи пять косичек.** До замужества алтайская девушка носила не два косы, а несколько косичек. Во время свадьбы их переплетают в две большие.

12. Закончив повествование, исполнительница сказала:
«Вот дальше, как сын женился, я не слышала».

АЛТАЙ-БУУЧЫЙ

(по варианту Ч. Бутуева)

Көк чечектӱ Алтайда,
Кеен сӱрлӱ өзөктө

Ак ла малы болгожын,

Алтай сынын ажынган,

Албатызы болгожын,

Алтын чӧлгӧ јайылган,

Темтең-тумтаң базытту
Темичи-јеерен ол атту

Алтай-Буучый јуртай берген.

Алтан эки талалу
Ак кемирчек ак өргөө
Алтай сынына јаркынду,
Ак булутка јапшынган.
Ак кемирчек ак өргөө

Эжик алды алтын чакы
Ак айаска кадалган.

Темтең-тумтаң базытту
Темичи-јеерен соодуда.
Таң чолмондый эк(и) көзи

Каж(ы) алтайга суркурайт.

На Алтае с синими цветами,
В самой лучшей, красивой
долине (бродящий)
Белый скот, если о нем
сказать,
За хребты алтайских гор
перевалил,
А народ его, если про него ска-
зать,
По всей золотой степи рассе-
лился.
С звонким и ровным топотом,
На рыжем коне Темичи ездя-
щий
Алтай-Буучый много лет уже
жил.
Шестидесятидвухстенная,
Как белый хрящ, белая юрта,
Сияя среди хребтов Алтая,
В белые облака уперлась.
У дверей, белой, как белый
хрящ, юрты
Золотая коновязь
(Верхушкой) в ясное небо вон-
зилась.
С звонким и ровным топотом
Рыжий конь на выстойке стоит.
Блеск двух глаз его, подобных
утренней звезде,
До расстояния далеких земель
доходит.

Сӱмер улан кулагы
Сӱмер тайгаа кайчыланган.
Јала мендир јал куйрук
Су сургулјын эрелген.
Төрт туйгагы төрт алтайдын
Кӱскӱ таштый турбай кайтты.
Алтай-Буучый болгожын,
Алтай сууданг јарылып бӱткен,
Јер эненең сӱрӱлип бӱткен.

Кайран да-а эмди-де
Эрмен-Јаңга ол сыйны,
Алган-тапкан абакайы Алтын-Таајы
Эмди мын(ы)ла ол кожо јуртаган.
Алган јакшы эжинең
Јаңгыс уул ол чыккан.
Одус јылга чыгара
Туруп баспас бала болт.
Эрке-Мендир ол уулын
Кабай тӱбине азырап
Јадар јаңду эмди болт.
Кайран да-а адазы
Эмди айдып отурды:

«Алтай сыны јерине
Ангдап-куштап баратам.
Узак јӱрзем, ӱч ле јыл,
Јуук јӱрзем, эки јыл(даң)
Јанып келерим мен—деди.
Алпан-тапкан эжим—дийт,

Кайран ла сыйным» — дийт.
Эр де бойы болгожын,
Алтын столго отурып ажанала,

Острые, как ножницы, высокие уши,
Как на высокой горе,[1] на нем прядают.
Как град, распускается (его) хвост,
Как сияние, грива развевается.
Четыре копыта, как четырех алтаев
Зеркальные камни, сверкают.
Если взять Алтай-Буучыя самого —
От вод Алтая он появился,
От матери земли на поверхность выскочив, родился.
Если дальше говорить, его дорогая
Младшая сестра Эрмен-Янга,
В народе найденная и взятая супруга Алтын-Таади
Вместе с ним теперь жили.

Из народа, как лучшая, взятая супруга
Одного сына родила.
В течение тридцати лет
Он на ноги не вставал, не ходил.
Этого сына своего, Эрке-Мендира,
В люльке кормить
Выпала доля (ему) в жизни.
Дорогой его отец
Теперь сидя, (такое слово) молвил:
«По хребтам алтайских гор
Я поеду на зверей и птиц охотиться.
Если долго проеду —через три года,
Если скоро —через два года
Возвращусь домой.
В народе найденная и взятая жена,
Дорогая сесра», — сказал.
Славный муж—богатырь
За стол золотой сел и попировал,

Алты кады ак куйак,
Тогус кады көө тон алып кийген,
Ак курман кур курчанган,
Үч топчызын топчылап,

Кара калбаг бөркин кийип,
Ирбис сопок ödүк кийип,

Ак үлдүзин курчанган,

Алмас болот тудунган,

Кара саадак jүктенген,
Кайбыр jебе курчанган

Эмди турбай бу кайтты.

Темтен-тумтаг базытту
Темичи-jеерен ээртеген,
Эм атанып ол турды.
Тебе(е)деги мал эзен,
Тергеедеги jон эзен
ол турды.
Аг ийиктинг тебе(е) jер
Алтай сын(ы)на бу чыккан.

Арка jанын топшунып,

Меес jаннаг турала,

Бежен сыгын ол атты.

Меес jаннаг топшунып,

Арка jаннаг турала,
Алтан сыгын ол адып,

Агдап-куштап ол jүрди.
Үч те jылпа чыгара
Аг изүзине билинбес —

Агдай берген киж(и) эмтир.

Үч ле jыл да бололо,
Алтайына айланып,

Защитную шестирядную белую кожанку,
Девятирядную черную кожанку[2] надел,
Белым поясом подпоясался,
На три пуговицы пояс застегнул,
Черную шапку-шлем надел,
Из барсовой шкуры сапоги натянул,
Белую саблю к поясу прикрепил,
Острую, как алмаз, стальную пику взял,
Черный лук за плечо закинул,
(Колчан) со стрелами с треугольным концом к поясу прикрепил,
(К отъезду готовый) он теперь стоял.

С звонким и ровным топотом
Рыжего коня Темичи заседлав,
Он(на нем) теперь поехал.
На стоянках скот цел стоит,
На стойбищах народ здравствует.
На хребет алтайских гор,
Для диких зверей стоянкой служащих, выехал.
С северной стороны гор выгнав зверей,
На южной стороне их поджидая,
По пятьдесят маралов он стрелял.
С южной стороны гор их вспугнув,
На северной стороне карауля.
По шестьдесят маралов стреляя,
Так он, охотясь, ездил.
В течение трех лет,
В погоне за зверями ничего не помня,
Охоту продолжал этот (богатырь) — человек.
По прошествии трех лет,
Домой повернув, поехал.

Аткан-туткан аң ийик
Алын, кийин артынган,
Эрјененинг тебе(е)зи,
Эр кижининг шибе(е)зи —
Кызыл-күрең тайгаа
Чыгара јелип бу келди.
Алтын чакы төзинде
Эки түңгей ак сүт ат
Соодуда ол туру.
Аттаң јаан ат болды.
«Кандый солум ат?» — деди.
Түже јелип ол келет.
Эрјене адын сөдып,
Эр бойы болгожын,
Аткан-туткан аң ийигин
Эд(и)-терезин бу кийдирип,
кир келзе,
Ончо бойдо шынгжы јок,
Омурткада үйе јок,
Эки түңгей ол алып
Эки тажуур араjан
Тудунгылап отурды.
Эзен-менди суражат,
Элем-солом айдыжат.
«Кажы алтайдың алыбы?
Кайдаң келген кижи эдеер?
Кажы ууланган улус эдеер?»—

«Кулак узун—укканыс:

Настрелянные и наловленные им звери
Сзади и спереди (к седлу) приторочены.
Для обильного скота стоянкой служащей,
Для мужа-богатыря крепостью являющейся
На вершину красно-коричневой горы
Он теперь, рысью выехав, сюда прибыл.
Около (его) золотой коновязи
Двух одинаковых беломолочных коней,
На выстойку поставленных, он увидел,
Рослые из рослых эти кони были.
«Чьи это кони?» — подумал он.
(С вершины горы) рысью спустился.
Драгоценного коня на выстойку поставил,
Сам он, муж-богатырь, если о нем продолжить рассказ,
Настрелянных и наловленных жирных зверей
Мясо и шкуры в юрту внеся, вошел.
(В юрте) никакого изъяна не имеющие,
Не сгибающийся хребет имеющие
Два одинаковых витязя,
Два тажуура с вином
Перед собой держа, сидели.
О здоровье друг друга они спросили,
Друг друга поприветствовали.
«Витязи каких алтаев вы?
Откуда приехавшие люди?
Куда вы путь держите?» — (спросил Алтай-Буучый).
«Уши слышат далеко — слух дошел:

Темтең-тумтаң базытту
На коне с звонким и ровным топотом,

Темичи-јеерен ол атту
Алтай-Буучый болгожын,
Рыжем Темичи ездящий
Алтай-Буучый, если про него сказать,

Ат-нерелӱ баатыр дешкен.
Прославленный богатырь, говорят.

Аштаганга курсак берер,
Арыганга ат берер.
Мындый де-еп угала,
Айылдап келген кижи эдис».
Голодным пищу дает,
Уставшим коня дает,
Услыхав, что ты такой,
К тебе в гости приехавшие мы люди».

Алтын остол ӱстине
Аштың бажы алайман
Бу сыйны ла ӱйи
Эм экелип бу салган.
На золотой стол
Вкусные из вкусных блюд
Те самые сестра и жена,
Принеся, поставили.

Тӱндӱ-тӱштӱ аракыдап турала,
Кайран да Алтай-Буучый эз(и)ре берген.
Днем и ночью пируя,
Дорогой Алтай-Буучый опьянел.

Алган эмди јакшы ӧжи,
Теперь, взятая им, как лучшая, жена,

Кожо чыккан ол сыйны
Из одной утробы родившаяся сестра

Тажу(у)рлузын тажу(у)рыла,
Чӧ(ӧ)чӧйлӱзин чӧ(ӧ)чӧйиле
Вино в тажуурах тажуурами подавая,
Вино в чарках чарками преподнося,

Ар(а)кы-чеген јууган,
Вином и чегенем (беспрерывно) вдоволь угощая.

Алтай-Буучыйды тӱндӱ-тӱштӱ эзиртип,
Јыклап алган ол турды.
Днем и ночью спаивая Алтай-Буучая,
(Наконец) добились, чтоб он свалился.

Алтай-Буучый билинбей калган тужунда
Јастыктың эм бажынаң
Сары корон тажуурданг
Когда у Алтай-Буучыя ум помутился,
Из-под подушки
Желтоядовитый тажуур вытащили,

Арајанды алала,
Крепко перегнанное вино (из него)

Алтын чара айакка урала:
«Аракының артканы бу,
Јазап ичип алала,
Ары укта» — деп арбанып,
экелип берди.
В золотую чару налили.
«Это остатки вина,
Выпей (до дна) как следует
И ложись, к чорту, спать», — сердито сказав, подали.

Алтын чара айакта
Арајанды ичеле,
Из золотой чары
Крепко перегнанное вино он выпил.

Тынган тыныжы кызыл көрнөө
јайылып,
Эмди күйүп отура берт.
«Андый јакшы аракынган
База артты ба, үй кижи?» —
«Эмеш артып калтыр» — деп,

Сары корон тажуурдан
База урала, экелип берди.
Көнкөрүлип, кузарда,

Јер энези күйе берт,

Чалкойтолоп, тынарда,

Ак өргөөнинг түнүги күйүп кел-
ди.
Сок ло јанғыс балазы
Кайран да-а Эрке-Мендир
Энгмектеп келип, кускуга
Ус колыла тийерде,
Ус колының бажы күйе берт.
Кайран да-а Алтай-Буучый
адылып:
«Одус јаштан ажыра
Туруп баспас учкан эдинг,
Эм базар өйинг болгон бо?» —

Тудала, орынның үсти төмөн
Мергедеп ле ол ийди.
Көнкөрлөп, чалкойтолоп, кый-
гырып турала,
Кайран да-а Алтай-Буучый јы-
гыла берт.
Сары корон тажуурдан
Сары корон ичеле,
Көрнөө-калап күйе берт.

Темтең-тумтаң базытту
Темичи-јеерен ол ады
Ачу-корон киштеди:
«Мындый салым бар беди,
Эр кижини корон ич(и)рип
өлтүретен?» —
Алты кат ак јибек шылбырды
отура түжүп,
Үч ле јерден үзе сокты.

Дыханье его вдруг красным
пламенем воспламенилось,
Тело стало гореть.
«Такое хорошее вино
Еще осталось ли, супруга?» —
«Немножко, оказывается, ос-
талось», — говоря,
Из желтоядовитого тажуура
Еще налив, ему поднесла.
Вниз лицом он упал — его
вырвало,
Мать-земля под ним заго-
релась,
Навзничь упал — от его дыха-
ния
Дымоход белой юрты загорел.

Единственный его сын
Дорогой Эрке-Мендир
Приполз к отцу и, в рвоту
Указательным пальцем ткнув,
Конец пальца себе обжег.
Дорогой Алтай-Буучый раз-
гневался:
«Больше тридцати лет
Ты, негодный, не вставал, не
ходил.
Теперь ходить время пришло
ли?» —
Схватил его
И на кровать отбросил.
Вперед и назад падая, громко
крича,
Дорогой Алтай-Буучый упал и
не смог подняться.
Из желтоядовитого тажуура
Желтый яд выпив,
Объятый страшным пламенем,
сгорел.
С звонким и ровным топотом
Рыжий тот конь его Темичи
Горько, горько заржал:
«Разве есть такая судьба,
Чтобы мужчину ядом отравив,
убивали?»
Из шести ремешков свитый
длинный повод,
В трех местах порвал.

Өрө чыккан изи јок,

Төмөн түшкен үйди јок —

Табылбай калды.
Кайран эне јүг(ү)рип барып,
Тажуурда артқан коронды урала,
Эрке-Мендирдиң оозына
Экелип, уруп ийт.
Балтыр кежик јаш бала
Коронго күйүп, чыңгырып тура-
ла, өлө берт.
Анайтканда,
Эки түңгей ак сүт атту

Апан, Апшын алыптар
Тегин јерден мал айдап,

Тергеелүден јон айдап,

Јенгелү-кыстуны алып,
јүре берди.
Алтай-Буучый алтайы
Мал турган јерине
Кара баргаа ол турды,
Јон турган јерине
Јодра-баргаа ол бүтти...

Кайран темичи-јеерен
Алтай сын(ы)на чыгала,

Үч силкинип ийеле,
Үч канатту ак шонкор бололо,

Тенгериниң түбин куул,
Шургуп чыкпай бу кайтты.
Үстиги ороонго чыгала,
Агажы јок ак алтайда
Су јорголо јел(ип) отурды.

Үч-Курбустанның эжигине
Једе јелип эм келип,
Үч айланып мүргүп турды.

Алтын каалга ачылып,

Сказать: «вверх улетел» —
следов не видно,
Сказать: «вниз ушел» — нет
дыры, в которую нырнул.
Так он бесследно исчез.
Дорогая мать побежала,
Оставшийся в тажууре яд
налив,
В рот Эрке-Мендира
Этот яд вылила.
Неокрепший младенец, на
счастье дарованный,
От яда горя, с визгом крича,
скончался.
После этого
На двух одинаковых молочно-
белых конях ездящие
Апан и Апшин — витязи
Легко доставшийся скот по-
гнали,
С насиженных мест народ по-
гнали,
Обеих женщин, невестку с зо-
ловкой, взяв (с собой), уехали.
На алтае Алтай-Буучыя
Где скот стоял —
Темный бурьян теперь вырос,
Где народ жил —
Черемуха и крапива теперь
разрослись.
Дорогой рыжий конь Темичи,
На хребет алтайских гор под-
нявшись,
Трижды встряхнулся,
Трехкрылым белым соколом
обернувшись
До неба подняться желая,
Вверх устремившись, полетел.
Поднявшись в верхний мир,
В безлесном чистом алтае
Самой лучшей иноходью по-
ехал.
К дверям Юч-Курбустана[3]
Рысью теперь подъехав,
Три раза (вокруг дворца) кру-
жась, кланялся.
Золотые двери открылись,

Үч-Курбустаннын үч кызы
чыга конды.
«Кандый јараш ат болгон!
Кандый јакшы јоргозы!»—дийт.

Не де болзо — јаан кызы:

«Мен минейин» — деп айдат.
Јаан кысты миндиреле,

Ак өргөөни үч айланып
јорголойло,
Экелип түжүрди.

Ортон кысты миндиреле,

Ак өргөөни үч айланып јорго-
лойло,
Экелип түжүрди.
Нең кичинек Алтын-Тана
Кысты миндиреле,
Темичи-јеерен көөркий
Эки будын эки үзеңиден

Илби-тарма тармадады.

Эки колын алын каштаң
тармадады.
Тенгерининг түбинең
Кере-чөйө мантады.

Үстиги ороонноң түжеле,
Алтай сын(ы)на келеле,
Ак өргөөнинг эжигине
Једе јелип бу келеле,
Алтын-Тана баланы түжүрип:

«Бу јатканы Алтай-Буучый,
Тынын кийдирип, тиргис» —
деди.
«Бу кире урматанып экелгенде,

Тиргиспеенче болбос туру».

Алтай-Буучыйды
Ары-бери үч алтайла, силкип
ийерде,

Три дочери Юч-Курбустана
вышли.
«Какой красивый этот конь!
Какая хорошая иноходь его!»
— воскликнули.
Как-никак старшая сестра
сначала:
«Я сяду на него» — сказала.
Старшей дочери дал сесть на
себя,
Вокруг белого дворца три раза
иноходью проехал
И, на место привезя, дал
слезть.
Затем средней дочери дал
сесть на себя,
Вокруг белого дворца три раза
иноходью проехал.
И, на место привезя, спустил.
Самой младшей Алтын-Тане
Девушке дав сесть на себя,
Милый рыжий конь Темичи
Обе ноги ее, чтоб к стременам
прилипли,
К обеим стременам заколдо-
вал,
Обе руки, чтоб к передней лу-
ке седла прилипли, заколдовал.
С небесного мира
Во всю длину вытягиваясь, пе-
редние ноги вперед выбрасы-
вая, поскакал.
С верхнего мира спустившись,
Алтайских хребтов достигнув,
К дверям белой юрты
Рысью близко подъехав,
Спустил с себя девушку Ал-
тын-Тана.
«Это лежит Алтай-Буучый,
Жизнь вдохнув в него, оживи
его» — сказал.
«Если ты меня так далеко
увезти сумел —
Что ж делать? Придется ожи-
вить».
Алтай-Буучыя (она)
Туда и сюда три раза пере-
шагнула —

Јаланг көзин јайа көрүп туруп
келт.
Айы-күнин ајыктап,

Алтай јерин шингжилеп, отура
берт.
«Алган јакшы эжиме,

Кожо чыккан сыйныма
Корондодып өлтүрткен бу ту-
рум.
Эрке-Мендир уулым

Отус јыл баспаан эди.
Корондойло, өлтүр койтыр.

Мыны база тиргис» — дийт.

Алтын-Тана бу бала
Кайран да јаш баланы
Эдектинг алдына сугала,
Јангы чыккан јаш бала эдип,
Чупча согуп алып келеле,

Ары-бейин экчеп, тиргизип ал-
ды.
Балтыр кежик јаш бала

Јаланг көзин јайа көрүп,

Ары-бери ајыктап:
«Кайран ада, кайран эне» —
деп отура берт.
Кайран кыс Алтын-Тана айтты:
«Салымду алатан эш-нөкөринг

Мен болгом эди» — дийт.
(Ол өскө кижи алып өлгөн
туру,
Чын алтан кижини албай).

Алтай-Буучый эм сүгүнди,

Алтынг-Тананың оң колынаң
тудуп:
«Кайран Эрке-Мендирле
Эм кожо отур — дийт.

Большие глаза он вдруг широ-
ко открыл и встал.
На свое солнце и луну взгля-
нул,
На алтай свой вокруг посмот-
рел, сидя,
«Выбранная из народа, как
лучшая, жена,
Из одной утробы со мной ро-
дившаяся сестра,
Оказывается, меня, отравив,
убили.
В течение тридцати лет на но-
ги не поднимался
Эрке-Мендир, мой сын.
Оказывается, и его, отравив,
убили.
Его также оживи», — попро-
сил.
Девушка та Алтын-Тана
Несчастного младенца
Под подол спрятала,
Как новорожденного ребенка,
Снова (из-под подола) выта-
щила.
На руках туда и сюда пока-
чав, оживила.
Неокрепший младенец, на
счастье дарованный,
Большие глаза широко от-
крыл,
Во все стороны посмотрел:
«Дорогой отец и дорогая
мать!» — воскликнув, сел.
Дорогая девушка Алтын-Тана:
«Судьбой тебе в подруги
предназначенной
Я была» — сказала.
(Он погиб от того, что женил-
ся на другой,
Не взяв ту, которую должен
был взять).[1]
Алтай-Буучый теперь обрадо-
вался,
За правую руку Алтын-Тану
взял.
«С дорогим Эрке-Мендиром
Ты теперь побудь — сказал.—

Ак малымды некейтем,
Албатымды некейтем.

Эки тӱнгей сӱт ак атту
Апан, Апшын таңманы
Баспазам ла көрӱп ал».

Эрјене адын ол ээртеп,
Көө чӱмин чӱминип,
Карагай саадак јӱктенип,
Кайбыр јебе курчанып,
Алмас болот ак ӱлдӱни
Комдыйына сугуп курчанган,
Мушкумарду кара јыда
Эки колына тудунган,
Эм атанып бу турды.

Ай бадыжы алтайга,
Күн бадыжы бу јерге
јӱр(ӱп) отурды,
Јаан тайганың салкындый,
Јаан талайдың каазыдый
Темтең-тумтаң базытту
темичи-јеерен
Кере-чӧйӧ мантап ийген.

Алтай суудаң јарылып бӱткен,
Јер эненең сӱрӱлип бӱткен
Алтай-Буучый сыр кожонгло
јӱр(ӱп) отурды,
Алтын сары тайгада
Апан, Апшын јуртына
једип јӱрди.

Белый скот свой пригнать поеду,
Народ свой разыщу и приведу.
На двух одинаковых молочно-белых конях ездящих
Негодяев, Апана и Апшина,
Если не уничтожу — богатырем не буду».
Драгоценного коня он заседлал,
Защитную кожанку надел,
Большой лук за плечо прикрепил,
Стрелы с треугольным концом в колчан вложил,
Острый, как алмаз, белый булат
В ножны вложив, поясом подпоясался,
Черную пику с закрученным концом
Обеими руками взял,
С места теперь тронулся, в путь отправился.
На алтай заката луны,
На землю заката солнца он рысью поехал.
Подобно ветру большой тайги, двигаясь,
Подобно шуму большой реки, шумя,
С звонким и ровным топотом рыжий конь Темичи
Во всю длину вытягиваясь, передние ноги вперед выбрасывая, поскакал.
От алтайских вод отделившийся,
От матери-земли родившийся Алтай-Буучый
Громкую песню поет и скачет.
У золотистой тайги стоящих юрт
Апана и Апшина
он достиг.

Ўн једерден кыйгырды,
Тил једерден ол айдат:
«Адан бажы тангмалар!
Ак малымды не керектў айдаган?
Арка-јонымды не керектў айдаган?»
Эки тўнгей сўт ак атту
Апан ла Апшын
Кал черўни јууган,
Калапту јууга эм чыккан.
Кайран да-а Алтай-Буучый
Ок једерден ада берт,
Тил једерден айда берт.
Ак ўлдўле чаап кирген,
Кара јыдала кадап кирген,
Эт кеберлў кезе берген,
Эн учуктый јырта берген.
Эки јылга чаара
Апан, Апшын алтайын
кыра берген.
Апан. Апшын баатырды
Ады-бойын кезе чаап,
Уланганын ол алала,
Умзанганына ол једеле:
«Алган эжим, сен мени
Не керектў корондоп,
өлтўрдинг? — дийт.
Кожо чыккан бу ла сыйным,
Не керектў корондоп ло ол
өлтўрдинг?
Эмди буруунг бойында болгой»
—деп айдала,

С расстояния крика он закричал,
С расстояния слышимости стал говорить:
«Отцовы головы[5], негодяи!
Сколько было у меня скота, почему погнали?
Со стойбищ народ мой почему угнали?»
На двух одинаковых молочно-белых конях ездящие Апан и Апшин
Дерзких воинов своих собрали,
В жестокий бой теперь навстречу вышли.
Дорогой Алтай-Буучый
С расстояния выстрела стал стрелять,
С расстояния слышимости стал говорить.
Белой саблей размахивая, вторгся (в ряды),
Черной пикой коля, врезался (к ним),
Как мясо, стал рубить (врагов),
Как не свитую нить, стал (их) рвать.
В течение двух лет
Апана и Апшина землю стал разорять.
Самих богатырей Апана и Апшина
Вместе с (их) конями изрубил.
Достигнув то, к чему направлялся,
Получив то, к чему стремился,
(стал говорить):
«Взятая (из народа) жена,
Почему ты меня отравив, убила?
Из одной утробы со мной родившаяся сестра,
Почему ты меня, отравив, убила?
Пусть ваша вина на вас и падет».

Ак ўлдўле арка-мойнын

Кезе чаап бу таштады.
Ак малынаҥ бир де мал астык-
тырбай,
Албатыдаҥ бир де кижи бу
ла чачпай,
Ойто кайра јўрбей кайтты.

Алтай сыны мал туратан ол је-
рине
Ак малын јайа салган,
Албатызын алтын чөлгө јайа
салган,
Ак кемирчек ак өргөө эжигине
Алтын чакы бу төзине

Једе јелип бу ла келген.
Байан сылу Алтын-Тана

Ўч-Курбустан неҥ кичинек

Балазыныҥ тойын эдип,
Тайгачаны јазай берген,
Талайчаны јууй берген.
Кара албаты јуула берди.
Эрке-Мендир ол ло уулы

Кара албатыныҥ ортозында эм
јўгўрген,
Тайгачаны тууража берген,

Талайчаны јазажа берген.

Ўч коол бай јууканы
Јара тартып, каза берген,
Ўч кулакту кўлерлерди
Темдеп азып кайнаткылап,

Јаан тойдоҥ эдип ийген.
Он коноккo чаара
Ойын-јыргал боло берди.
Тогус конок чаара
Той-јыргалы бу ла болды.
Он дор конгон ол кийинде
Кара агаштый албатызы тар-
кай ла берген.
Эрке-Мендир ол уулы

Так сказав, белой саблей им
шеи перерубил
И (головы) прочь отбросил.
От белого скота ни одной ско-
тины не теряя,
От народа ни одного человека
не оставляя,
Обратно (на родину) отпра-
вился.

В алтайских горах, где скот
стоял,
Белый скот он пустил пастись,
В золотой степи народ поселил.

К золотой коновязи,
У дверей белой, как белый
хрящ, юрты стоящей,
Он рысью подъехал.
На красивой, как Баяна[6], Ал-
тын-Тане,
Младшей дочери Юч-Курбус-
тана,
Женясь, устроил свадьбу.
С гору (мяса) нарубили,
С моря (вино) приготовили.
Простой народ собрался.
Его сын Эрке-Мендир тот са-
мый
Среди простого народа теперь
бегает,
С гору (мяса) нарубить помо-
гает.
С моря вино наготовить помо-
гает.

Три большие глубокие рва
В земле выкопали,
Трехухие чугунные чаши
Враз подняв, на рвы постави-
ли и варили (мясо).
Большой той устроили.
В течение десяти дней
Игры и пир продолжались.
В течение девяти дней
Свадьба-веселье разыгралось.
По прошествии десяти дней,
Подобный черному лесу, на-
род разошелся.
Эрке-Мендир, его сын,

Эр темине једе берген эр бойы

Эреен-тереен ол эзирик отурала:
«Кайран да-а адам, — деди,
Алтай сын(ы)на мен чыгатам,

Баспаан јерге мен базатам.

Ады јок јойу бедим?

Тоны јок јалањаш бедим?» —

«Акыр, балам,
Эртен таңның ол алдында
Адың-тоның келер»—деди.

Эртен таңның ол алдында

Казыр салкын сого берген,
Јаан јаңмыр јаай берген,
Алтай сыны бу јеринде
Алын бойы артынчакта,
Кийин бойы бөктөргөдө
Эрке-боро ат ла турды.
Эрке-Мендир эр бойы

Ол өрө лө эм јүгүрди.

Эрјене атты тудуп алып,
Алын бойы артынчакты алып јүрди.
Кийин бойы бөктөргөни чечип јүрди.
Ирбис сопок эреп, толгоп, кийип јүрди,
Кара калбаң калтызынаң салып јүрди.
Алты кат ак куйакты кийип јүрди.
Алтан эки бу топчызын
Тоолой тудуп, топчылай берди,
Тогус кады көө тонын
Алып эмди кийе берген.
Тогузон гогус бу топчызын
Тоолой тудуп топчылай берди.
Үч орогон ак курман

Уже достигший зрелого возраста мужественный богатырь, Захмелев, сидя, сказал:

«Дорогой мой отец,
На алтайские хребты я хочу подняться,
Хочу ступить ногой там, где не ходил.
Без коня, пешим я должен быть что ли?
Без шубы[7], голым я ходить должен что ли?» —
«Подожди, мой сын,
Завтра перед рассветом
Твой конь с твоим снаряжением явится», — ответил (отец).
На другой день перед рассветом

Жестокий ветер подул,
Сильно дождь стал лить.
На вершине горы
Спереди и сзади седла
С приторочennым вьюком
Милый конь Серко стоял.
Мужественный богатырь Эрке-Мендир
(К вершине горы) прямо теперь побежал
Драгоценного коня поймал.
Вьюк с передних тороков стал снимать,
Задние тороки развязывает.

Сапоги из барсовой шкуры, на ноги натягивая, обувает,
Черную шапку-шлем набекрень надевает,
Защитную шестирядную белую кожанку надевает,
Шестьдесят две пуговицы,
Считая, застегивает,
Девятирядную черную кожанку надевает,
Девяносто девять пуговиц,
Считая, застегивает.
Белым длинным поясом,

Үч оронып курчанды.

Ак үлдүзи комдыйында,
Карангай саадак jүктенген,
Кайбыр jебе курчанган,

Кара jыда тудунган.
Казра тиштү камчызын
Билек төзине jылдырган,

Эрке-борого минип jүрди.
Адазының айлына
Jедип келип бу түшкен.
Эрjене адын соодып,
Темичи-jееренге коштой
Узун чакыга буулаган,
Айылга кирбей бу кайтты.
Элем-солом айдыжып,
Эзен-амыр суражып,

Эм отурбай бу кайтты.

«Кайран эне, кайран ада,
Эки эдегим төжөккө эледи,

Эки jеңим jастыкка эледи.

Кижи алатан кижи эдим.

Мее кижи ал берзе кайдар?

Үстүги ороондо бу jуртаган
Сүт ак атту Алтын-каан балазын
Бар экел береер» — дийт.

«Албатыды jурт jакадаң чаарбай,
Ак малыңды тебееден чаарбай,
Көрүп jатсаң, балам,

Кудалап экелгейим» — де-еп,

Алтай-Буучый айдып турды.
Алган-тапкан Алтын-Тана

Три раза вокруг себя обернув,
подпоясался.
Белая сабля в ножны вложена,
Большой лук за спину закинул,
(Колчан) со стрелами с треугольным концом к поясу прикрепил,
Черную пику в руки взял.
Плеть с железными зубцами[8]
На локоть петлею надел и
прикрепил.
На милого Серко садился.
К юрте отца
Подъехав, спешился.
Драгоценного коня на выстойку
Рядом с Темичи поставив,
К высокой коновязи привязал
И в юрту вошел.
Друг друга поприветствовали,
О здоровье и благополучии
спросили.
Так теперь (в юрте) сидя,
(Эрке-Мендир сказал):
«Дорогой отец, дорогая мать,
Два подола моей (шубы), постелью служа, износились,
Два рукава, подушкой служа, истрепались.
Я достиг возраста, чтоб жениться.
Хоть взяли бы за меня (замуж) невесту.
В верхнем мире живущего
На молочнобелом коне ездящего Алтын-хана дочь,
Съездив, привезите мне (в жены)». —
«Если народ со стойбищ не выпуская,
Белый скот со стоянок не выпуская,
Будешь за всем следить, мой сын,
Сосватаю и привезу эту девушку»,—
Так Алтай-Буучый ответил.
Найденная и взятая им Алтын-Тана

Эки тўнгей тажуурда
Арақанды алып экелди.

Эки тажуур канҷалап,

Алтай сын(ы)на чыга берт.
Алтай-Буучый
Алтын көлгө ҷунунала,
Ўстиги ороонго шунуп, шургуп
чыга берт.
Ўстиги ороонго бараруа,
Сўт ак алтайга ҷуртаган,

Ак малы ҷайылган,

Алтын-мөнгўн тайгазы
Көс ҷедерден көрўнет.

Ак кемирчек ак өргөө эжигинде

Алтын сўрлў чакыда
Сўт ак ады соодуда.

Алтын-каан эжигине
Эмди ҷедип ол алды.
Алтын чакы төзине
Эрҷене адын соодып,

Эки тажуур тудунып,
Кара калбаг бөрўкти
Колтугына кыстап,
От айакка кирип келт.
Эзен-амыр суражып,

Элем-солом айдыжып:
«Кажы алтайдыг кааны эдиг?
Кажы ууланган кижи эдиг?»—

Алтын-каан сурап турат.
«Ўстиги ороонног ўскелген,

Ҷер-ҷегистег ҷарылган,
Темичи-ҷеерен ол атту
Алтай-Буучый мен эдим—дийт.
Көргөн ҷагыс уулым бар,

Эрке-боро ол атту

В двух одинаковых тажуурах
Крепкое вино достала и принесла.
Два тажуура к седлу приторочив,
На хребет Алтая (Алтай-Буучый) поднялся.
В золотом озере умылся,[9]
В верхний мир устремившись,
стал прямо лететь.
Когда поднялся в верхний мир,
На беломолочном алтае живущего (хана)
Белый скот, рассыпавшийся
(по пастбищам), бродит,
Золотые и серебряные горы его
Вдали, на расстоянии видимости, показались.
У дверей белой, как белый
хрящ, юрты,
У золотой красивой коновязи
Беломолочный конь на выстойке стоит.
До дверей (юрты) Алтын-хана
Он теперь доехал.
У основания золотой коновязи
Драгоценного коня на выстойку поставил.
Взяв в руки два тажуура,
Черную шапку-шлем
Под мышки сунув,[10]
(В юрту), где очаг, вошел.
О здоровье и благополучии
друг друга справились,
Друг друга поприветствовали:
«Ханом какого алтая являешься?
Куда путь держащий человек?» —
Так спрашивает Алтын-хан.
«На коне, с верхнего мира
спустившемся,
Из земли-моха вылупившемся,
На рыжем Темичи (ездящий)
Алтай-Буучый я, — ответил. —
Мои глаза видят единственного сына,
На любимом Серке (ездящего)

Эрке-Мендир.
Јаан сөстө јажыт јок,

Көргөн јанғыс уулыма

Слердиң айлаардан
Кудалап келген кижи эдим».

Арајанынан алтын чөөчөйгө
Уруп берип отурды.
Кайран Алтын-каан айдып
отурды:
«Куда-кубуй болгондо,

Сее кату шаалта шаайтан турум.

Сениң уулың
Коркушту кижи деген.
Өрө турган айды тудала,

Күмүш тайгаа экелип, топчылазын,

Күнди болзо түжүреле,

Күмүш тайгаа экелип, топчылазын.

Оның кийинде кызым берем,
Онон башка бербезим» —
«Алтын-каан,
Сен кайткан кижи?
Айла, күнле кем берижер?

Бербеске турган болзоң,

Јартын айт.
Алтай үсти алтан кааңга,
Албатыга чак болбой» — дийт.

«Чак болбоктоң чак болзын!

Түжүрзе ле, берерим» — дийт.

Алтай-Буучый
Эки тажуур арајанды
уруп береле,

Эрке-Мендира.
Великое слово (сказать) не
стыдно.
Для единственного сына, которого видят мои глаза,
В вашей юрте (девушку)
Сосватать приехавший человек
я».
Из (привезенного) крепкого вина в золотую чарку
Наливает и подает (ему).
Дорогой Алтын-хан, сидя, говориг:
«Если сватовству состояться
(должно),
То трудный выкуп мне предъявить придется.
Твой сын, говорят,
Чудесную силу имеет.
Пусть месяц, что вверху, поймает,
На золотую гору спустив, привяжет,[11]
Пусть солнце (с неба) заставит
спуститься,
На серебряной горе (его) привяжет,
После этого я дочь отдам,
Иначе (ее) не получит». —
«Алтын-хан,
Что с тобой?
С месяцем и солнцем кто может тягаться?.
Если не хочешь отдавать (свою
дочь),
Прямо скажи.
Шестидесяти ханам, живущим
на Алтае,
Всему народу конец ведь будет».
«Конец, так пусть конец наступит!
Только пусть спустит—тогда
лишь отдам», — сказал.
Алтай-Буучый
Два тажуура вина перелив и
отдав (ему),

Аланг-телең санаркап,
эм атанды.
Алтай сын(ы)на тўжўп келт.

Алангтып ол калган
Эмди јанып ол келген,

Алтын чакаа тўжерде,
Уулы удра базып келт.
«Кайран ада,
Не керектў карыктаар?
Не керектў кунуктаар?
Ой адам, айтсын» — дийт.
Алтай-Буучый адазы
От айакка кир келип,
Төмөн көрўп, от(у)ра берт.
Уулы ўзўк јоктоң шылай берт:

«Болбоон болзо, болбогой.

Алтай ўсти албаты көп эмей.

Неге айтпай, отураар?» —

«Айдып канай айдайын?

Айтпай канай отурайын?

Алтын-каан јўўлип калган
кижи болбой.
Айды тудуп, тўжўрзин,

Алтын тайгаа топчылазын,
Күнди тудуп, тўжўрзин,
Күмўш тайгаа токтотсын деп
айтты — дийт.
Оныңг кийинде бертем» —дийт.

«Кайран ада,
Анда не бар?
Ыраактагы јоноорго

Бичик тангда салыгар,
Јууктагы јоноорго
Элчи-бийлер ийеер.
Алты күнге ай тийбес,

Грустный домой теперь
отправился.
На вершину горы (своего) алтая спустился.
Не зная, что и сказать (сыну),
Теперь он (до своего аила) доехал.
Около золотой коновязи слез
(с коня),
К нему сын навстречу подошел.
«Дорогой отец,
Почему ты грустен?
Чем ты опечален?
О, отец мой, скажи».
Его отец Алтай-Буучый
(В юрту), где очаг, вошел,
Вниз глядя, сел у (очага).
Его сын беспрерывно стал допрашивать:
«Если не согласился, пусть не соглашается.
На поверхности Алтая народу
ведь много.
Почему не говоришь, (молча)
сидишь?» —
«Сказать — (так не знаю), как
сказать,
Не говорить—как могу я (молча) сидеть?
Алтын-хан, однако, спятивший
с ума человек.
Приказал месяц поймать и
спустить,
К золотой горе привязать,
Солнце поймать и спустить,
На серебряной горе прикрепить.
После этого, сказал, (дочь)
отдам» —

«Дорогой отец,
А что в этом трудного?
Вдали живущему своему народу

Утром письмо напишите,
Вблизи живущему народу
Послов-биев[12] пошлите.
В течение шести дней месяц не
будет светить,

Үч күнге күн тийбес

Эмди эдип түжүрерим.
Кир-кинчеги кемде болор?

Алтын-каан алтайына ол
болгой.
Айткан кижиге оо болгой» —
деп,
Үч түкүрип, тур чыкты.

Кайран да-а Эрке-Мендир
Эзендежип, чыгала,
Эрке-бороны минеле,
Алтай сын(ы)на чыгып келт.
Эрке-боро эрјене
Ак ла шонгкор бололо,
Тенгеринин түбинде
Айга-күнге једишти.
Айды болзо тудала,
Алтын тайгаа экелип,
Бу түжүрип, топчылаан.
Күнди болзо тудала,
Күмүш тайгаа түжүрип,
Топчылап турбай эм кайтты.
Алты күнге чаара ай тийбеди,

Үч күнге чаара күн тийбеди.

Алтай-Буучый алтайында
Бир де неме алдырбаан.

Алтын-каанның ак малы,
албатызы
Тал ортозы кырыла берген ол
турды.
Алтын-каан эжигинең бичик
келди.
«Кайран Эрке-Мендир ол
күйүм!
Айды болзо агытсын,

Күнди болзо божотсын.
Алатанын келип алзын —
дийт.
Ак малымнаң мал артпай,

В течение трех дней солнце не
станет сиять —
Так теперь (их) спущу.
Вина за это на кого падет?

Пусть на землю Алтын-хана
падет,
Пусть на приказавшего чело-
века падет» — сказал.
Три раза плюнув, с места
поднялся.
Дорогой Эрке-Мендир,
Попрощавшись, вышел.
На любимого Серко сел,
На алтайские хребты поднялся.
Драгоценный любимый Серко
Белым соколом оборотился
В небо (устремившись),
Месяц и солнце догнал.
Месяц (он) схватил,
На золотую гору притащил
И привязал.
Солнце схватил,
На серебряную гору спустив,
Там (его) пристегнул.
В течение шести дней месяц
не светил,
В течение трех дней солнце не
сияло.
На земле Алтай-Буучыя
Ни одно (живое существо)
не пострадало.
Многочисленного скота и наро-
да Алтын-хана
Ровно половина погибла.

От Алтын-хана пришло письмо.
«Дорогой Эрке-Мендир, мой
зять!
Что касается месяца, пусть
отпустит,
И солнце пусть освободит,
Пусть приедет и возьмет (ту),
которую хотел взять,
От многочисленного скота скот
не останется,

Албатымнаң јон артпай,
Бараады ол» — деди.

Эрке-Мендир болгожын,

Айды болзо агытты,
Күнди болзо божотты.
Алты конгон кийининде
Айы-күни токунап,

Алтайына тийе берт.

Ак та малы болгожын,
Одорына јайыла берт,
Албатызы болгожын,
Тергеезине јуртай берт.

Кайран Эрке-Мендир атанып,

Үстиги ороонго јүре берт.
Алтын-каан эжигине
Казаладып мантаткан,

Алтын чакаа једе јелип
келгежин,
Алтын-Тана баланың

Комут тойын белетеп койгон,
Ады-тонын јазап койгон.

Алтын тонду таjылар
Ат алгылап јүргүлейт,
Алтын чүмдү алыптар
Колтукталап түжүрет.

Алтын стол экелип,
Јаказына отурсты.
Аштың бажы алайман
Арајанды бу салган,
Тайгачаны экел салган.

Түндү-түштү болгожын,
Үч конокко чаара
Аракы ичкен отурды.
«Калак-корон, күйүм—дийт,
Ачынба ла бу ла сен.

От народа моего народу не
останется —
До этого (уже) доходит»,
— написал.
Эрке-Мендир, если о нем
продолжить рассказ,
Месяц теперь отпустил,
Солнце теперь освободил.
По прошествии шести ночевок
Месяц и солнце на место
водворились,
На родной Алтай стали свет
посылать.
Что касается скота (на Алтае),
По пастбищам он разбрелся,
А если про народ сказать,
На своей земле, (как прежде),
стал жить.
Дорогой Эрке-Мендир с места
тронувшись,
В верхний мир отправился.
К дверям Алтын-хана,
Скача (на коне), поехал.
Когда к золотой коновязи
подъехал,
Незамужней девицы Алтын-
Тана
К девичьей свадьбе,[13] оказы-
вается, подготовились,
Ее коня снарядили и одежду
приготовили.
Золотошубые князьки
(Повод) коня берут,
В золотой одежде витязи,
Под руки (его) беря, (с коня)
спускают.
К золотому столу подведя,
(За стол его) посадили,
Лучшей пищей (угостили),
Крепкое вино (ему) подали,
С гору(мяса) принеся,
поставили.
И днем и ночью теперь
В течение трех дней
Он сидел и пировал.
«Извини, прости, мой зять,
(На меня) ты не сердись.

Аларынды ал — деди,

Јииринди ји— деди,
Сени мен айла, кўнле
беришпес,

Тўжўрип албас болор деп,
Шоктоп айткан кижи эдим.
Бойыма буруу болды» — дийт.

Алтын-каан балазын,
Алтын-Тана кысты
Эрке-Мендир эм алып,
Ак бороо бу миндирип,
Ўстўги ороонноң кел тўшкен.
Алтайына јанып келген.
Адазыныңг эжик алдына
Ак өргөөни тудуп койгон,

Алтын чакы кадап койгон,
Ак көжөөни тартып койгон.
Алтын-Тана баланы
Алтын тонду таајылар
Колтукталап тўжўрген.

Ак көжөөниң ар јанына
Ак ширдектиң ўстине
Бажын јазап тараган.
Эмди болзо нургулай
Тайгачаны туураган,
Талайчаны јууган,
Јаан тойды эдийген.
Толок башту албаты
Тойго эмди јуулган
Эмди јадар ол болды.
Он конокко чаара ойын-
јыргал,
Тогус конок чаара той-јыргал.

Тогус конгон кийининде
Кара агаштый албатызын
таркатты,
Кара чымалыдый малын
таратты.
Тайгачазын кородып,
Талайчазын тоозуп,
Кайран Алтай-Буучый

Возьми (мою) дочь, которую
хочешь взять.
Съешь то, что хочешь съесть.[14]
Я думал, что с месяцем и
солнцем ты не будешь связы-
ваться,
Не сможешь (их) спустить.
Хотел посмеяться (над тобой)
Вина против (меня) самого
обернулась».

Алтын-хана дочь,
Невестку Алтын-Тана,
Эрке-Мендир взяв за себя,
На светлосерого коня посадив,
С верхнего мира спустился,
В свой алтай домой вернулся.
Около дверей отцовских
Белую юрту, оказывается,
поставили,
Золотую коновязь воткнули,
Белый занавес[15] натянули.
Девицу Алтын-Тана
Золотошубые молодухи,
Под руки беря, (с коня)
спустили.
За белый занавес
На белый ковер (ее посадив),
Волосы распустив, расчесали.
Если теперь говорить, подряд
С гору мяса нарубили,
С моря (вино) собрали,
Большую свадьбу устроили.
Не сосчитать голов людей,
На свадьбу (много) собралось,
Теперь они (здесь) пребывали.
В течение десяти дней веселые
и игры (продолжались),
В течение девяти дней
веселая свадьба (шла).
По прошествии девяти дней
Народ, подобный темному
лесу, разошелся,
Скот, подобный черным
муравьям, разбрелся.
С гору (мяса) доедая,
С моря (вино) допивая,
Дорогой Алтай-Буучый

Эреен-тереен эзирик,

Сыр кожонгло отурды.
Аракыдалап отурганча,
Эки тӱнгей эрјене ады

Эки куйругын кӧдӱрген
Эм бойлоры чоокурып,
Алтын чакы айланып,

Ӱркӱп, јелгилеп ол турды.
Эрке-Мендир чык келип:
«Конгун соккон эрјенем,
Комдоп соккон ол адым,
Ӧлӧримди билдинг бе?

Ӧзӧримди билдинг бе?» —
дийт.

Кайран ады ол айдат:

«Кӱн бадыжы јуртаган
Эки тӱнгей Апан, Апшыннын
эки адазы
Эки тӱнгей сары атту

Эки сары шулмус

Јуулап келееди — дийт.
Ай алыстын јеринен,
Кӱн алыстын алтайдан
Канду јуу чыкты» — дийт.
Тӱрген-тӱкей болгожын,
Кӧӧ куйагын кийингилеп,
Кӧӧ чӱмин јазангылап,
Эм атанып тургулады.

Ай бадыжы јелгилеп,
Ак малына јетирбей,

Албатыга јууктатпай,
Ак та малдын јаказына,

Арсыланду кара тайга ар
јанына
Кара агаштый кан черӱге
чурады.

Адалу ла уулду

Из стороны в сторону качался-
— пьяный,
Не переставая, пел песни, сидя.
Когда (он) так пируя, сидел,
Два одинаковых драгоценных
коня
Два хвоста подняв кверху,
Сами теперь зафыркали,
Вокруг золотой коновязи
закружились,
Пугливо (озираясь), зарысили.
Эрке-Мендир (из юрты) выйдя:
«Мой драгоценный конь, полу-
чающий удар плетью по крупу,
Мой конь, получающий удар
по бедру,
(Приближение) моей смерти
(ты) узнал ли?
Мой дальнейший рост узнал
ли?» — сказал.
Дорогой конь его ответил:
«Живших на закате солнца

Двух одинаковых Апана и
Апшина два отца,
На двух одинаковых желтых
конях (ездящие),
С войною едут.
С земли, где месяц не светит,
С алтая, где солнце не сияет,[16]
Кровавая война идет».
Скорее-быстрее теперь
Черные кожанки свои надели.
В черную одежду облачились,
(Со стойбища) выехав, отпра-
вились,
К закату месяца зарысили.
До многочисленного скота не
допуская,
До народа не приближая,
На окраине (пастбищ) много-
численного скота,
За черной многовершинной
горой
Кровавое войско, подобное
темному лесу, встретили.
Один из них отец, а другой —
сын

Ок jедерден аткылап,
Ўлдў jедерден чапкылап,
Jыда jедерден кадаалап,
Эки талазынан бу кирет.
Ары ödўп, алтан тўмен,
Бейин ödўп, бежен тўмен
Эмди кырып тургулайт.
Аттын сööгин ат кырлап,
Эрдин сööгин эр кырлап,
Эм jуулажып jўрўп отурды.
Тўни-тўжи билдирбес,
Айдын, jылдын бажында
Jер оозына jетире
Jуулай берген ол эмтир.
Jер оозына барала,
Кан черўни кырып чыккан,
Кара албатыны ўзўп чыккан.
Адалу ла уулду
Ууланганын алгылап,
Умзанганын jигилеп,
Ойто jанып ол jўрди.
Кеен сынду алтайында
Ак малы эзенинде.
Кеен сўрлў özöktö
Албатызы амырында.
Алтын чöлдин тўбинде
Ак кемирчек ак öргöö jеделе,
Адалу ла уулду,

С расстояния выстрела начали стрелять,
С расстояния сабельного удара стали рубить,
С расстояния, откуда пика достанет, стали колоть,
С двух сторон (во вражье войско) вторглись.
Туда проезжая, по шестьдесят тем,[17]
Сюда проезжая, по пятьдесят тем
Стали (войско) теперь истреблять.
На конские кости кони горой ложатся,
На кости мужей мужи горой ложатся,
Так теперь сражаясь, (они) скакали,
Дни и ночи не разбирая, (бились).
Через месяц, через год
До отверстия в подземный мир,[18]
Врагов гоня, дошли.
Достигнув отверстия в подземный мир,
Кровавое войско до конца истребили,
Черный народ весь уничтожили.
Один из них отец, другой—сын,
Взяв то, к чему направлялись,
Съев то, к чему стремились,
Обратно домой поехали.
На прекрасных хребтах их алтая
Многочисленный скот цел стоит,
В прекрасных долинах
Народ его мирно живет.
В глубине золотой степи (стоящей)
До белой, как белый хрящ, юрты доехав,
Один из них отец, другой — сын,

Алтай-Буучый ла Эрке-Мендир,
Алтын чакаа тўшкўлеп,
Эрјене адын соодып,

Эр бойлоры болгожын,

Алтын каалгаа ол кирет,

Алган јакшы эжиле
Эзендежип ол турат.
Алтын остолдо ажангылап,

Алайманды јигилеп,
Аракы, чеген ичкилеп,
Тебееден мал чыкпас,
Тергеден јон чыкпас,
Эзен-амыр јуртай берт.
Бош!

Алтай-Буучый и Эрке-Мендир,
У золотой коновязи спешились.
Драгоценных коней на выстойку поставив.
Что касается самих мужей, то они,
Золотые двери открыв, (в юрту) вошли.
С взятыми любимыми женами
Теперь поздоровались.
За золотым столом пировать стали,
Вкусные блюда ели,
Вино и чегень[19] пили.
Со стоянок скот не уходил,
Со стойбищ народ не уходил,
В здравии и покое зажили.
Кончилась!

ПРИМЕЧАНИЕ

Вариант Чопоя Ивановича Бутуева. Запись и перевод С.С. Суразакова. Записано на магнитофоне в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы. Сказитель исполнял каем под аккомпанемент топшуура в присутствии нескольких слушателей. Стихотворные строки в тексте не всегда совпадают между собою по количеству слогов, но при исполнении этот разнобой почти не заметен, потому что музыкальный ритм кая Бутуева не однообразен. Диалект Бутуева — алтайский, но несколько отличный от онгудайского, положенного в основу алтайского литературного языка.

1. **Как на высокой горе.** В оригинале название горы — сўмер. Это высокая островерхая священная гора, упоминаемая в ряде других алтайских сказаний, буддийский Олимп.

2. **Шести или девятирядная кожанка.** По-алтайски «ак куйак» или «көө куйак» или «көө тон». Как сообщил сам. Ч. Бутуев, это защитная одежда, сшитая из спрессованной в несколько рядов кожи, своеобразная кольчуга.

3. **Юч-Курбустан** — верховный бог.

4. **Он погиб от того, что женился на другой,**
Не взяв ту, которую должен был взять. Эти слова исполнитель сказал во время большой паузы, когда натягивал струны топшуура.

5. **Отцовы головы!** — бранное выражение.

6. **Баяна** — богиня неба.

7. **Без шубы.** Имеется в виду богатырская одежда и бога-

тырское снаряжение, в которые богатырь облачается, достигши зрелого возраста.

8. **Плеть с железными зубцами.** Плеть, в которую вплетены железные зубцы для того, чтобы удар был сильным.

9. **В золотом озере умылся.** Здесь, по-видимому, говорится о совершении обряда очищения перед восхождением на небо.

10. **Черную шапку — шлем под мышки сунув.** Обычай сватовства, которым подчеркивается преклонение перед родителями невесты.

11. **На золотую гору спустив, привяжет.** В оригинале: «На золотую гору спустив, пристегнет на пуговицу».

12. **Бий** — ханский или царский чиновник.

13. **Девичья свадьба** — пир во время свадьбы, устраиваемый в доме невесты. Второй и самый главный пир устраивается в доме жениха.

14. **Съешь то, что хочешь съесть** — образное выражение, означающее: «бери то, к чему стремился».

15. **Белый занавес** — приготовленный для свадьбы занавес, за которым во время свадьбы переодевают невесту.

16. **С земли, где месяц не светит.**

С Алтая, где солнце не сияет. Постоянная формула — определение подземного мира.

17. **Тьма** — десять тысяч.

18. **Отверстие в подземный мир** — по верованиям древних алтайцев, поверхность земли сообщается с подземным миром через отверстие — «jep тамы» или «jep оозы» (рот земли).

19. **Чегень** — кислое молоко.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. «Алтай-Буучай», как произведение героического эпоса алтайского народа

I. О бытовании эпоса «Алтай-Буучай», его собирании и публиковании 3
II. Сюжеты и варианты эпоса «Алтай-Буучай» 15
III. Идеи и образы 62
К вопросу о происхождении эпоса «Алтай-Буучай» 74

II. Тексты

Алтай-Бучый (*вариант А. Г. Калкина*) 79
Примечание 121
Алтай-Буучай (*вариант Е. К. Ташгамышевой*) 124
Примечание 153
Алтай-Буучый (*вариант Ч. Бутуева*) 155
Примечание 177

Сазон Саймович Суразаков

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ
О БОГАТЫРЕ АЛТАЙ-БУУЧАЕ

Редактор *И. В. Пухов*
Технический редактор *М. И. Техтиеков*
Корректоры *Е. Н. Плеханова* и *Г. Д. Калкин*

* * *

Сдано в набор 1/XI 1960 г. Подписано к печати 10/VIII 1961 г. Формат 60 x 92 1/16.
Печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 10,6.
Тираж 500 экз. АН 09210. Заказ №
Цена 52 коп.

* * *

Горно-Алтайское книжное издательство.
Типография № 15. г. Горно-Алтайск,
проспект им. Сталина, 29.

Ціна 52 коп.